

КУЛЬТУРА МИРА

Том 13. Выпуск 5.

(№ 48)

Совет рецензентов издания совместно с профессорско-преподавательским составом ведущих высших учебных заведений.

Зарегистрирован в 2013

При отборе материалов для публикации главным критерием является их высокий научный уровень. При этом редакция исходит из принципиальной допустимости плюрализма научно аргументированных точек зрения, которые могут не совпадать с позицией издателей.

Авторы опубликованных материалов несут ответственность за подбор и точность приведенных фактов, цитат, экономико-статистических данных, собственных имен, географических названий.

При перепечатке ссылка на журнал «Культура мира» обязательна.

Рукописи рецензируются.

E-mail: izdanie-k@list.ru

ISSN 2949-2521

8 номеров в год

Сайт: <http://kultura-mira.ru>

Язык: русский, английский, испанский, китайский.

Адрес: 119034, Москва, Кропоткинский пер., д. 10, стр. 6а

Зам. гл. ред. С.В. Чапкин

Корректор Е.А. Белоусова

Бумага офсетная № 1. Гарнитура Minion Pro

Формат 60x90/16. Тираж экз. 500

Усл. п. л. 13

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Главный редактор

Рябова Е.Л. - доктор политических наук, кандидат социологических наук, профессор. Эксперт международных ассоциаций. Член Экспертной группы Совета при Президенте Российской Федерации.

Члены редколлегии

Зорин В.Ю. - доктор политических наук, профессор, член Совета по межнациональным отношениям при Президенте Российской Федерации, член Общественной палаты РФ, главный научный сотрудник Центра по научному взаимодействию с общественными организациями, СМИ и органами государственной власти ИЗА имени Н.Н. Миклухо-Маклая РАН.

Михайлова Н.В. - профессор кафедры политического анализа и управления, Российский университет дружбы народов, доктор политических наук.

Бирюков С.В. - доктор политических наук, профессор, школа современных международных и пространственных исследований Восточно-Китайского педагогического университета (г. Шанхай, КНР).

Гюльзар Ибрагимова - доктор политических наук. Профессор Университета Нигде Омер Халисдемир, отделение Политологии и Международных Отношений Факультета Экономических и Административных Наук. Турецкая Республика.

Айлана Калиновна Кужугает - доктор культурологии, заведующая сектором культурологии Тувинского института гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований, профессор кафедры философии Тувинского государственного университета, заслуженный работник образования Республики Тыва.

Ултургашева Н.Д. - доктор культурологии, профессор, заведующая кафедрой теории и истории народной художественной культуры Кемеровского государственного института культуры, заслуженный деятель науки Республики Тыва, заслуженный работник культуры Республики Тыва, член-корреспондент Петровской академии наук и искусств.

Санжеева Л.В. - доктор культурологии, доцент, профессор кафедры этнокультурологии ФГБОУ ВО «Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена».

Савельев В.В. - заслуженный работник культуры Российской Федерации. Доктор философских наук.

Болотских Е.Г. - почетный член Российской Академии Художеств, Заслуженный художник Российской Федерации, Член Российского Союза Художников, Московского Союза Художников, Творческого Союза Художников России, Международного Художественного Фонда, Профессор Кафедры дизайна РГСАИ. Российская государственная специализированная академия искусств.

Кузнецова Т.Ф. - доктор философских наук. Профессор МГУ. Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова.

Грэм Стоуэрс - политолог, эксперт. Великобритания.

Омар Годинес Лансо - Академик. Академия художеств Российской Федерации.

Себастьян Хоппе - научный сотрудник, Институт восточноевропейских исследований, факультет политики, международных отношений. Свободный университет Берлина.

Долгенко А.Н. - доктор филологических наук. Заведующий кафедрой русского и иностранных языков, доцент. Московская академия Следственного комитета Российской Федерации.

Ивакин Г.А. - доктор исторических наук, профессор.

Ли Эрюн - кандидат искусствоведения. Доцент академии искусств «Цзянси университет финансов и экономики» (Наньчан, Цзянси), КНР.

Мануйлов Николай - вице-президент Межрегиональной общественной организации «Общество дружбы с Кубой».

Мурашко С.Ф. - Профессор, доцент. Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, Профессор кафедры русского и иностранных языков, Московская академия Следственного комитета Российской Федерации.

Наумова Г.Р. - доктор исторических наук. Профессор МГУ, член Академии «Философия хозяйства». Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова.

Никашина Н.В. - кандидат филологических наук. Доцент кафедры теории и практики перевода Российского университета дружбы народов, эксперт, руководитель международной редакции журнала «Миссия Конфессий».

Пейчева А.А. - эксперт по международным отношениям и политической коммуникации (Болгария).

Терновая Л.О. - доктор исторических наук. Профессор МАДИ. Московский автомобильно-дорожный государственный технический университет.

Хонали Курбонзода - доктор исторических наук. Профессор, ректор Государственного учреждения «Республиканский Институт Повышения Квалификации и Преподготовки Работников Сферы Образования», Таджикистан. Республиканский Институт Повышения Квалификации и Преподготовки Работников Сферы Образования.

Чапкин С.В. - заместитель главного редактора, почетный профессор Академии экологии и права.

Чжан Вэй - политолог, эксперт КНР.

Чжан Сяолин - доктор гуманитарных наук, доцент кафедры русского языка Института языков и культуры, Шанхайский политико-юридический университет.

Щупленков Н.О. - it-специалист-программист. Эксперт фонда поддержки межнациональной культуры и общественных международных отношений.

Гаджиева Р.Г. - кандидат психологических наук, доцент кафедры национальных и федеративных отношений Факультета международного регионоведения и регионального управления Института государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Член союза русских художников.

CULTURAL WORLD

Volume 13. Issue 5.

(№ 48)

Council of publications reviewers and the faculty members of leading universities.

Founded in 2013

The Council of Reviewers of the publishing house together with the teaching staff of leading universities:

The main criteria of our choosing materials for publishing is their high scientific level. The main principle of the publishing house is to accept pluralism of views if authors present their points of view in a well-argued manner. The author's view point does not have to coincide with the editors' view points.

The authors of submitted materials are responsible for the accuracy of facts, quotations, dates, events, geographical and proper names.

If you use any materials from the journal, you are to give a relevant reference to it.

All the submitted materials are reviewed.

E-mail: izdanie-k@list.ru

ISSN 2949-2521

8 issues per year

Website: <http://kultura-mira.ru>

Languages: Russian, English, Spanish, Chinese.

Address: 119034, Moscow, Kropotkinsky per., 10, building 6a

Deputy Chief Editor: Chapkin S.V.

Corrector: Belousova E.A.

Paper: offset

Types: Minion Pro

Format: 60x90

Copies: 500

EDITORIAL BOARD

Chief Editor

Ryabova E.L., Doctor of Political Sciences, Candidate of Sociological Sciences, Professor. Member of the Expert Group of the Cossacks Council under the President of the Russian Federation.

Editorial Board

Zorin V.U., Doctor of Political Sciences, Professor, Member of the Council for Interethnic Relations under the President of the Russian Federation, Member of the Civic Chamber of the Russian Federation, Chief Researcher of the Center for Scientific Cooperation with Public Organizations, Mass Media and Government Authorities of the IEA named after N.N. Miklukho-Maclay RAS.

Mikhailova N.V., Professor of the Department of Political Analysis and Management, Peoples' Friendship University of Russia, Doctor of Political Science.

Biryukov S.V., Doctor of Political Sciences, Professor, School of advanced international and area studies at the East China Normal University (ECNU) (Shanghai, China).

Gülzar İbrahimova, Doctor of Political Sciences. Professor of the Omer Khalisdemir University, Department of Political Science and International Relations, Faculty of Economic and Administrative Sciences. Türkiye Cumhuriyeti.

Aylana Kalinovna Kuzhuget, Doctor of Cultural Studies, Head of the Cultural Studies Sector of the Tuva Institute for Humanitarian and Applied Socio-Economic Research, Professor of the Philosophy Department of Tuva State University, Honored Educator of the Republic of Tuva.

Ulturgasheva N.D., Doctor of Cultural Studies, Professor, Head of the Department of Theory and History of Folk Art Culture (Kemerovo State Institute of Culture), Honored Scientist of the Republic of Tuva, Corresponding Member of the Petrovsky Academy of Sciences and Arts.

Sanzheeva L.V., Doctor of Cultural Studies, Associate Professor, Professor of the Department of Ethnology of the Russian State Pedagogical Herzen University.

Saveliev V.V., Honored Worker of Culture of the Russian Federation. Doctor of philosophical science.

Bolotskih E.G., Honored Member of the Russian Academy of Arts, Honored Artist of the Russian Federation, Member of the Russian Union of Artists, the Moscow Union of Artists, the Creative Union of Artists of Russia, the International Art Foundation, Professor of the Design Department of the Russian State University of Art and Design.

Kuznecova T.F., Doctor of Philosophical Sciences. Professor of Lomonosov Moscow State University.

Graeme Stowers, Political expert (United Kingdom).

Omar Godinez Lanso, Academician. Russian Federation Academy of Arts.

Sebastian Hoppe, Research Associate, Institute for East European Studies, Department of Politics, International Relations. Freie Universität Berlin.

Chapkin S.V., Deputy Chief Editor, Honorary Professor of the Academy of Ecology and Law.

Chjan Vei, Political scientist, expert of China.

Dolgenko A.N., Doctor of philological sciences. Head of the Department of Russian and Foreign Languages, Associate Professor. Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation.

Honali Kurbonzoda, Doctor of Historical Sciences. Professor, Rector of the “National Institute of professional development and training of educators”, Tajikistan.

Ivakin G.A., Doctor of Historical Sciences, Professor.

Li Eryong, Candidate of Art Criticism, Associate Professor college of Art, Jiangxi University of Finance and Economics(Nanchang, Jiangxi), China.

Manuylov Nikolay, Vice President of the Interregional Public Organization “Friendship Society with Cuba”.

Murashko S.F., Professor. Honored Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Professor of the Department of Russian and Foreign Languages, Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation.

Naumova G.R., Doctor of historical sciences. Professor of the Lomonosov Moscow State University, Member of the Academy «Philosophy of Economy».

Nikashina N.V., Associate Professor, the Department of Theory and Practice of Foreign Languages, the Institute of Foreign Languages, The Peoples’ Friendship University of Russia (RUDN).

Peichiva A.A., Expert on international relations and political communication (Bulgaria).

Schuplenkov N.O., it-specialist-programmer. Expert of the Foundation for the Support of Interethnic Culture and Public International Relations.

Ternovaya L.O., Doctor of historical Sciences. Professor of the Moscow Automobile and Road Construction University.

Zhang Xiaoling, Doctor of Humanities, Associate Professor of the Russian Language Department, Institute of Languages and Cultures, Shanghai University of Political Science and Law.

Gadzhieva R.G., Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor of the Department of National and Federal Relations of the Faculty of International Regional Studies and Regional Management of the Institute of Public Administration and Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Member of the Union of Russian Artists.

Содержание

Культурология

<i>Петрова С.И., Петров И.Ф.</i> Философия экзистенциального релятивизма.....	12
<i>Го Цин, Чжао Цяньцзянь</i> Историко-культурные аспекты влияния России на китайскую музыкальную культуру.....	21
<i>Гончаренко А.Н.</i> Влияние идей музыкального авангарда XX века на современную популярную музыку.....	36
<i>Ферзба Г.О.</i> Classical crossover как феномен современной музыкальной культуры: от истоков до наших дней.....	43
<i>Мефодьева М.А., Садриева А.Н., Малиш М.А.</i> Проблемы сохранения мирового культурного наследия.....	55
<i>Ло Ни</i> Становление и развитие хоровой музыки в Китае в середине XX века: историко-культурный анализ.....	64
<i>Гао Чуньюй, Лу Ин, Ван Луяо</i> Праздник весны в поэзии русской эмиграции в Китае.....	71
<i>Ташлыкова Н.Ю., Садриева А.Н., Кошокова С.Я., Юсупова А.Ю.</i> Культурное наследие России и проблемы его сохранения.....	81
<i>Таннуэр Сыдикэ</i> Назначение народных сказок о сыновней почтительности в различных этнических группах в районе Синьцзянь.....	90
<i>Ульянов Г.К.</i> Эволюция роли исполнителя и музыкального продюсера в контексте электронной музыки.....	101
<i>Кармалеев Р.А., Федорчукова Л.А., Федорчукова Т.А.</i> Технологии репрезентации исторических событий Великой Отечественной войны на примере контента англоязычных сайтов военных музеев.....	108

Политология

Фидарова К.К., Калабекова С.В., Бережнова О.В. Трансформация принципов толерантности в контексте «общества риска».....	126
Актуальные вопросы науки и инновации	
Рябова Е.Л., Терновоя Л.О. Застолье как арена мировой политики: этика знаменитых банкетов.....	134
Каранетян Т.Ш. Государственная информационная по- литика и медиаресурсы: стратегическое взаимодействие в целях защиты национальных интересов.....	143
Терновоя Л.О., Чапкин Н.С. Международные отношения в эпоху искусственного интеллекта: новые вызовы, риски и возможности.....	153
Терехова А.С. Кураторство и экспозиция NFT: новые подходы к цифровым художественным галереям.....	163
Каранетян Т.Ш. СМИ и их влияние на национальную безопасность России.....	184
Аннотации	192
Авторы	205

Contents

Culturology

Petrova S.I., Petrov I.F. The Philosophy of Existential Relativism.....	12
Guo Qing, Zhao Qianqian Historical and cultural aspects of Russia's influence on Chinese musical culture.....	21
Goncharenko A.N. The influence of the ideas of the musical avant-garde of the twentieth century on modern popular music...	36
Ferzba G.O. Classical crossover as a phenomenon of modern musical culture: from its origins to the present day.....	43
Mefodeva M.A., Sadrieva A.N., Malish M.A. Problems of preserving world cultural heritage.....	55
Lo Ni The formation and development of choral music in China in the middle of the 20th century: historical and cultural analysis.....	64
Gao Chunyu, Lu Ying, Wang Luyao The Spring Festival in the Poetry of Russian Emigrants in China.....	71
Tashlykova N.Y., Sadrieva A.N., Saniyat Y.K., Yusupova A.Y. Cultural heritage of Russia and problems of its preservation.....	81
Tangnuer Sidike The function of folk filial piety tale among various ethnic groups in Xinjiang.....	90
Ulianov G.K. The evolution of the role of the performer and music producer in the context of electronic music.....	101
Karmaleev R.A., Fedorchukova L.A., Fedorchukova T.A. Technologies for representing historical events of the Great Patriotic War using the example of the content of English-language websites of military museums.....	108

Political science

<i>Fidarova K.K., Kalabekova S.V., Berezhnova O.V.</i> Transformation of the principles of tolerance in the context of a “risk society”	126

Current issues of science and innovation

<i>Ryabova E.L., Ternovaya L.O.</i> The banquet as an arena of world politics: the ethics of famous banquets.....	134

<i>Karapetyan T.Sh.</i> State information policy and media resources: strategic cooperation in order to protect national interests.....	143

<i>Ternovaya L.O., Chapkin N.S.</i> International relations in the age of artificial intelligence: new challenges, risks, and opportunities.....	153

<i>Terekhova A.S.</i> Curating and Exhibiting NFTs: new approaches to digital art galleries.....	163

<i>Karapetyan T.Sh.</i> Mass media and their impact on Russia’s National Security.....	184

Abstracts	199

Authors	207

Culturology

Культурология

Петрова С.И.

Кандидат культурологии, доцент кафедры педагогики и межкультурных коммуникаций, НАН ЧОУ ВО «Академия маркетинга и социально-информационных технологий».

Петров И.Ф.

Доктор философских наук, профессор кафедры педагогики и межкультурных коммуникаций, НАН ЧОУ ВО «Академия маркетинга и социально-информационных технологий».

Философия экзистенциального релятивизма*

Аннотация. Экзистенциальный релятивизм подчеркивает уникальность и неповторимость внутреннего мира каждой личности. Наши ценности, убеждения, эмоции и жизненный опыт формируют специфическую призму, через которую мы смотрим на мир. Смысл жизни и предназначение человека не заданы какими-то внешними силами или обстоятельствами, а определяются самой личностью, ее свободным выбором и активной деятельностью. В статье показывается, что экзистенциальный релятивизм фокусируется на конкретном человеческом существовании во всей его трагичности и противоречивости, отрицая возможность рационального постижения истины и создания универсальных этических и мировоззренческих систем. Согласно экзистенциальному релятивизму, человеческое существование видится как процесс постоянного становления и трансформации. Человек должен сам пройти свой путь к истине через экзистенциальный опыт, который невозможно передать другим в готовом виде. Таким образом, экзистенциальный релятивизм предлагает не систему готовых ответов, а скорее особую интеллектуальную установку – пристальное внимание к конкретному человеческому существованию во всей его проблематичности. Он призывает каждого пройти свой путь самопознания, не опираясь на авторитеты, и найти свой модус существования в этом равнодушном к человеку миру.

Ключевые слова: философия, экзистенциализм, релятивизм, человек, смысл, ценности, истина.

Petrova S.I.

Candidate of Cultural Studies, Associate Professor, Department of Pedagogy and Intercultural Communications at the Academy of Marketing and Social and Information Technologies.

Petrov I.F.

Doctor of Philosophy, Professor of the Department of Pedagogy and Intercultural Communications at the Academy of Marketing and Social and Information Technologies.

* © Петрова С.И., Петров И.Ф., 2025.

The Philosophy of Existential Relativism

Abstract. Existential relativism emphasizes the uniqueness and individuality of each person's inner world. Our values, beliefs, emotions, and life experiences shape the specific lens through which we perceive the world. The meaning of life and human purpose are not determined by external forces or circumstances, but rather by the individual's own choices and active engagement. The article shows that existential relativism focuses on the specific human existence in all its tragedy and contradictions, denying the possibility of rational comprehension of truth and the creation of universal ethical and worldview systems. According to existential relativism, human existence is seen as a process of constant becoming and transformation. Each individual must find their own path to truth through their own existential experiences, which cannot be passed on to others in a ready-made form. Thus, existential relativism does not offer a system of ready-made answers, but rather a specific intellectual attitude of paying close attention to the unique challenges of human existence. He encourages everyone to follow their own path of self-discovery, without relying on authority, and to find their own mode of existence in this indifferent world.

Key words: philosophy, existentialism, relativism, human, meaning, values, truth.

Философия экзистенциального релятивизма предлагает интересный и неоднозначный взгляд на природу человеческого сознания и восприятия реальности. Согласно этой концепции, наше сознание и понимание мира носят относительный, субъективный характер. То, как мы воспринимаем и интерпретируем окружающую действительность, общественные отношения и наше место в них, в значительной степени определяется нашим индивидуальным сознанием. Экзистенциальный релятивизм подчеркивает уникальность и неповторимость внутреннего мира каждой личности. Наши ценности, убеждения, эмоции и жизненный опыт формируют специфическую призму, через которую мы смотрим на мир. То, что для одного человека является значимым и истинным, для другого может выглядеть совершенно иначе. То есть универсальной, объективной истины не существует - есть лишь множество субъективных истин, обусловленных особенностями индивидуального сознания. Из этого вытекает относительность оценки общественных отношений и социальных явлений. Каждый человек, исходя из своего уникального мировосприятия, по-своему трактует и оценивает происходящее в обществе, свою роль и положение в нем. То, что одними воспринимается как справедливость и благо, другими может рассматриваться как несправедливость и зло. Единой, универсальной морали и системы ценностей не существует.

Экзистенциальный релятивизм также подразумевает, что смысл жизни и предназначение человека не заданы какими-то внешними силами или обстоятельствами, а определяются самой личностью, ее свободным вы-

бором и активной деятельностью. Каждый из нас несет ответственность за формирование собственной реальности и придание ей определенного значения. Наша судьба - в наших руках, а не предопределена извне. В то же время, философия экзистенциального релятивизма не лишена определенных проблем и противоречий. Доведенная до крайности, она может вести к этическому нигилизму, отрицанию любых моральных норм и принципов. Полный релятивизм в оценке общественных явлений чреват размыванием границ между добром и злом, справедливостью и произволом. Трудно представить себе жизнеспособное общество, в котором отсутствуют универсальные ценности и социальные регуляторы. Кроме того, возникает вопрос: как в условиях радикального релятивизма возможны конструктивный диалог, взаимопонимание и совместная деятельность между людьми? Если у каждого - своя истина и свое видение реальности, то как достичь согласия и компромисса по ключевым вопросам общественной жизни?

Таким образом, философия экзистенциального релятивизма поднимает важные вопросы о природе человеческого сознания, смысле жизни, свободе и ответственности личности. Она обращает внимание на неповторимость внутреннего мира каждого человека и относительность социальных оценок. В то же время, данная концепция сталкивается с рядом трудностей и вызывает неоднозначную реакцию. Вероятно, наиболее продуктивным является умеренный релятивизм, признающий многообразие точек зрения и ценностных ориентаций, но не отрицающий при этом возможность общечеловеческих нравственных принципов и конструктивного социального взаимодействия.

Согласно экзистенциальному релятивизму, человеческое существование видится как процесс постоянного становления и трансформации. Вот ключевые положения этой концепции:

1. Человек никогда не «завершен», а всегда находится в процессе формирования и развития. Его сущность не задана изначально, а создается им самим через совершаемые выборы и поступки.

2. Человек свободен в выборе жизненного пути и ценностей. Он не ограничен жесткими рамками внешних норм и стандартов, а может творчески определять цели и смысл своего бытия.

3. Для реализации своей свободы человек должен дистанцироваться от давления окружающей среды, социальных стереотипов и собственных привычек. Это позволяет ему взглянуть на ситуацию со стороны, переосмыслить ее и найти новые варианты.

4. Человек не «привязан» намертво к своему прошлому. Он всегда может пересмотреть прежние взгляды и решения, начать все заново. Личностная идентичность — это не статичное ядро, а непрерывная история самоопределения.

5. Открытость будущему дает человеку надежду и стимул к развитию. Даже в самых тяжелых обстоятельствах у него есть возможность переосмысления и трансцендирования ситуации.

Таким образом, экзистенциальный релятивизм подчеркивает пластичность человеческой природы, значимость личной ответственности и необходимость постоянных усилий по самосозиданию. Это оптимистический взгляд на человека как существо, преодолевающее ограничения и творчески определяющее свое бытие.

Очень важный момент в экзистенциальной философии - поиск абсолютных и неизменных основ человеческого бытия в противовес релятивизму и текучести всего сущего. Многие экзистенциалисты пытались найти в человеческой экзистенции некое прочное ядро, не зависящее от изменчивых внешних условий и субъективных мнений. Однако понимание этого ядра у разных мыслителей отличалось. Например, для С. Кьеркегора таким абсолютном была христианская вера и неповторимость отношений человека с Богом. Только опираясь на Бога, человек обретает подлинность существования; К. Ясперс видел безусловное в «пограничных ситуациях» (страдание, вина, смерть), которые обнажают конечность человека и побуждают к поиску трансцендентного; М. Хайдеггер полагал, что именно осознание собственной конечности и бытия-к-смерти дает человеку почву для аутентичного существования; Ж.-П. Сартр делал акцент на абсолютной свободе и ответственности человека вне каких-либо внешних ориентиров; Для А. Камю абсолютной данностью был абсурд бытия, требующий от человека бунта и творчества. При всем различии, эти мыслители пытались утвердить в человеке нечто неизменное и независимое от внешних колебаний - будь то вера, свобода или осознание смерти. Именно это придает человеческому существованию вес и глубину, позволяет возвыситься над повседневной суетой. Таким образом, экзистенциальная философия стремилась найти синтез между абсолютным и относительным. Признавая изменчивость и неопределенность бытия, она в то же время утверждала в человеке нечто безусловное, позволяющее ему сохранить себя и обрести смысл даже перед лицом хаоса и абсурда мира. В этом состоит ее вклад в понимание человека.

В качестве примеров экзистенциального релятивизма могут служить следующие идеи и концепции. Так, Ж.-П. Сартр утверждал, что существование предшествует сущности, то есть человек сам определяет свою суть через свои поступки и выбор, а не следует какой-то предзаданной природе. Поэтому истина и мораль относительны для каждого. А. Камю полагал, что мир абсурден и лишен объективного смысла, поэтому человек волен сам наделять свою жизнь значением. Ф. Ницше провозгласил, что «Бог умер», традиционные ценности рухнули, и человек должен сам стать «сверхчеловеком», создающим новые идеалы. С. Кьеркегор считал, что объективной

истины не существует, есть лишь субъективная вера. М. Хайдеггер постулировал, что не существует вневременных истин, все понимание исторично и конечно. Ф.М. Достоевский утверждал устами своих героев, что «если Бога нет, то все дозволено», ставя мораль в зависимость от веры. Таким образом, экзистенциалисты подчеркивали относительность всех ценностей, зависимость истины от субъективного выбора и отрицали существование универсальной морали и смысла, призывая человека к свободному самоопределению.

Об экзистенциальном релятивизме писали многие философы-экзистенциалисты XX века. Жан-Поль Сартр в своих работах «Бытие и ничто» [4], «Экзистенциализм — это гуманизм» [5] утверждал, что существование предшествует сущности, человек сам выбирает свою сущность и несет за нее ответственность. Альбер Камю в повести «Посторонний» [1] и эссе «Миф о Сизифе» [2] показывает абсурдность бытия и бессмысленность универсальных ценностей перед лицом неизбежной смерти. Мартин Хайдеггер в «Бытии и времени» пишет о «заброшенности» человека в мир, его конечности и необходимости аутентичного выбора своего проекта [7]. Лев Шестов, опираясь на С. Кьеркегора и Ф. Ницше, говорит о трагизме человеческого существования, противопоставляя Афины и Иерусалим, разум и веру в своей работе «Афины и Иерусалим». Отмечая, что «Задача настоящей книги испытать притязание человеческого разума или умозрительной философии на истину» [8, с. 23]. Габриэль Марсель разрабатывает «конкретную философию» с упором на уникальность человеческого опыта [3]. Таким образом, экзистенциализм выступает как философия субъективности, свободы и ответственности человека в условиях релятивности ценностей и истин.

Рассмотрим более подробно идеи каждого из перечисленных философов.

Жан-Поль Сартр, один из ключевых представителей экзистенциализма, развивает идеи экзистенциального релятивизма в своих работах. Для Ж.-П. Сартра человек «обречен быть свободным», он сам выбирает свою сущность и несет полную ответственность за свой выбор. Не существует никаких предзаданных ценностей и абсолютных истин, человек сам наполняет свою жизнь смыслом через свои поступки и решения. Ж.-П. Сартр отрицает существование Бога и какой-либо высшей силы, определяющей судьбу человека. Человек предоставлен самому себе в «заброшенности» и «тошноте» бытия [6]. Экзистенциальный релятивизм Ж.-П. Сартра заключается в том, что нет никакой единой морали, истины или смысла, навязанного извне. Человек должен сам определять свои ценности, при этом осознавая тревогу и отчаяние от того, что он полностью отвечает за свой выбор. Ж.-П. Сартр подчеркивает первичность существования над сущностью - сначала человек существует, находит себя в мире, а затем уже определяет,

кем ему быть. Свобода для Ж.-П. Сартра абсолютна и неизбежна, человек «приговорен быть свободным», даже отказ от выбора — это тоже выбор. Таким образом, экзистенциальный релятивизм Ж.-П. Сартра утверждает относительность и субъективность всех ценностей и истин, подчеркивая роль индивидуальной свободы и ответственности человека за формирование своей сущности и смысла существования.

Альбер Камю разделял некоторые идеи экзистенциализма и релятивизма, но при этом выработал свою оригинальную философскую позицию. Для А. Камю, как и для Ж.-П. Сартра, человек сам определяет смысл своего существования перед лицом абсурдности и бессмысленности мира. Однако в отличие от Ж.-П. Сартра, А. Камю не считал человека полностью свободным в выборе своей сущности. По его мнению, человек всегда ограничен конкретными жизненными обстоятельствами, которые он не выбирал, но в которых ему приходится действовать. А. Камю подчеркивал важность бунта против абсурда, который позволяет человеку утвердить свое достоинство, противостоять миру и придать жизни смысл через творчество, любовь и солидарность с другими людьми. В то же время А. Камю отвергал нигилизм и считал недопустимым полное отрицание всех ценностей. Для него существовали определенные универсальные гуманистические ценности, такие как человеческая жизнь и свобода, которые должны служить ориентиром. Таким образом, релятивизм А. Камю был более умеренным по сравнению с радикальным релятивизмом Ж.-П. Сартра. А. Камю признавал относительность многих истин и ценностей, но при этом утверждал возможность нахождения смысла и моральных основ человеческого существования вопреки абсурду бытия.

Мартин Хайдеггер, как и другие экзистенциалисты, затрагивал тему релятивизма в своей философии, однако его позиция отличалась от взглядов Ж.П. Сартра и А. Камю. М. Хайдеггер не рассматривал релятивизм как самостоятельную проблему, а скорее как следствие более фундаментальных вопросов о бытии, времени и человеческом существовании. Для М. Хайдеггера ключевым было понятие «бытия-в-мире», означающее неразрывную связь человека с окружающей его реальностью. Он утверждал, что человек всегда находится в определенном историческом и культурном контексте, который задает горизонт его понимания и интерпретации мира. Поэтому любые смыслы и истины носят контекстуальный, относительный характер. В то же время М. Хайдеггер не считал это поводом для отрицания возможности постижения бытия. Напротив, через осознание собственной конечности и «выдвинутости» в ничто, через переживание тревоги и заботы, человек способен приблизиться к постижению смысла бытия, хотя этот смысл и не будет универсальным и абсолютным. Таким образом, М. Хайдеггер признавал неизбежность относительности человеческого понимания, но видел в этом не тупик, а

отправную точку для поиска аутентичного существования перед лицом бытия и собственной конечности. Его экзистенциальная аналитика была нацелена на то, чтобы помочь человеку осознать свою ситуацию и через это найти путь к подлинному бытию, несмотря на относительность всех смыслов и истин.

Габриэль Марсель, будучи одним из родоначальников французского экзистенциализма, также уделял значительное внимание проблеме экзистенциального релятивизма. Для Г. Марсея релятивизм был связан с кризисом современного человека, потерявшего твердую почву традиционных ценностей и погрузившегося в состояние тревоги и неподлинности существования. В этой ситуации человек склонен рассматривать все ценности и смыслы как относительные, зависящие лишь от субъективной перспективы. Однако Г. Марсель не считал такой релятивизм неизбежным. Он полагал, что человек способен преодолеть релятивизм через обращение к духовным реальностям - таким как любовь, верность, надежда, которые открывают нам измерение сверхличных, онтологических смыслов. Именно приобщение к этим реальностям, присутствие, открытость «Другому» и миру помогают человеку вырваться из замкнутости субъективизма и обрести подлинность бытия. Поэтому экзистенциальная философия Г. Марсея, не отрицая проблемы релятивизма ценностей, видит путь к ее преодолению в метафизическом реализме, в признании объективных духовных основ человеческого существования, которые человек постигает не теоретически, а через личный опыт и участие в бытии. Таким образом, Г. Марсель стремился найти «третий путь» между крайностями абсолютизма и релятивизма, утверждая возможность постижения онтологических истин через само наше существование.

Лев Шестов, как и Габриэль Марсель, был одним из ключевых представителей экзистенциальной философии. Он также критически относился к рационализму и объективизму в философии и науке. Л. Шестов полагал, что рациональное мышление ограничивает человеческую свободу и творчество, навязывая некие общие нормы и закономерности. Он противопоставлял «Афины» (символ рационализма) «Иерусалиму» (символу веры). По мысли Л. Шестова, человек в своих духовных исканиях должен освободиться от гнета разума, выйти в область иррационального и парадоксального. Только там, за пределами логики и морали, в экзистенциальном переживании трагедии и абсурда, открывается подлинное существование и свобода личности. Л. Шестов утверждал своего рода «адогматизм», считая, что нет и не может быть никаких вечных и неизменных истин - человек всегда должен быть открыт неизведанному. В этом смысле можно говорить об экзистенциальном релятивизме Л. Шестова. В то же время, в отличие от нигилистического релятивизма, Л. Шестов верил, что через индивидуальный опыт страдания и богооставленности человек может обрести

Бога и высшую реальность. Но это живой Бог Авраама, Исаака и Иакова, а не абстрактное божество философов. Таким образом, экзистенциализм Л. Шестова направлен не на теоретические построения, а на предельно личное и интимное отношение человека к истине, которую невозможно выразить в общезначимой форме.

Таким образом, экзистенциальный релятивизм утверждает, что не существует абсолютных и универсальных истин, поскольку каждый человек воспринимает реальность через призму своего уникального жизненного опыта, эмоций и личных переживаний. Истина для экзистенциалистов носит субъективный, личностный характер и не может быть выражена в общезначимой, объективной форме. Человек обретает подлинное понимание себя и мира только в моменты глубоких экзистенциальных кризисов, страдания и отчаяния, когда рушатся все привычные ценности и смыслы. Именно через индивидуальный опыт богооставленности и одиночества человек парадоксальным образом может открыть для себя Бога и абсолютную реальность, но это будет живой и личный Бог, а не абстрактный философский концепт. Экзистенциальный релятивизм фокусируется на конкретном человеческом существовании во всей его трагичности и противоречивости, отрицая возможность рационального постижения истины и создания универсальных этических и мировоззренческих систем. Каждый человек должен сам пройти свой путь к истине через экзистенциальный опыт, который невозможно передать другим в готовом виде.

В экзистенциальном релятивизме утверждается, что не существует абсолютной, универсальной истины, которая была бы одинаково применима ко всем людям. Каждый человек должен самостоятельно искать смысл своего существования, опираясь на собственный уникальный опыт и мироощущение. Любые попытки навязать всеобщие догмы и системы ценностей рассматриваются как насилие над личностью. Экзистенциальный релятивизм подчеркивает абсурдность и трагизм человеческого бытия. Человек заброшен в этот мир, одинок и обречен на страдания и смерть. Он не может найти опору в каких-то вечных ценностях или высшем смысле. Единственное, что ему остается – пытаться реализовать себя, делать выбор и нести за него ответственность, проявлять свою свободу вопреки внешним обстоятельствам. Но свобода в экзистенциализме – это тяжелое бремя. Человек вынужден сам конструировать свою сущность, творить себя в каждом поступке. Он не может спрятаться за общепринятыми нормами и алгоритмами. Отсюда – постоянное чувство тревоги, страха, отчаяния. Человек осознает шаткость своего положения в мире, понимает, что в любой момент его проект себя может рухнуть, разбившись о неумолимые законы бытия.

Яркие представители экзистенциального релятивизма раскрывают

трагическое мироощущение человека XX века, утратившего веру в Бога и разочаровавшегося в идеалах гуманизма. Выходом для них становится погружение в глубины собственной субъективности, мужественное принятие абсурдности существования, бунт против любых форм порабощения личности. Таким образом, экзистенциальный релятивизм предлагает не систему готовых ответов, а скорее особую интеллектуальную установку – пристальное внимание к конкретному человеческому существованию во всей его проблематичности. Он призывает каждого пройти свой путь самопознания, не опираясь на авторитеты, и найти свой модус существования в этом равнодушном к человеку мире. Это сложная, но необходимая задача для современного человека, желающего жить осмысленно и достойно.

Библиографический список

1. Камю А. Посторонний. – Москва: АСТ, 2024. 128 с.
2. Камю А. Бунтующий человек. Миф о Сизифе. – Москва: АСТ, 2024. 512 с.
3. Марсель Г. Трагическая мудрость философии: избранные. – Москва: Изд-во гуманит. лит., 1995. 215 с.
4. Сартр Ж.-П. Бытие и ничто: опыт феноменологической онтологии / Жан Поль Сартр; [пер. с фр., предисл. В. И. Колядко]. – Москва: Республика, 2004 (ППП Тип. Наука). 639 с.
5. Сартр Ж.-П. Экзистенциализм — это гуманизм / Жан-Поль Сартр пер. с фр. М. Грецкого. – Москва: Изд-во иностранной литературы, 1953. 42 с.
6. Сартр Ж.-П. Тошнота. – Москва: АСТ, 2025. 329 с.
7. Хайдеггер М. Бытие и время. – Москва: Ad Marginem, 1997. 451 с.
8. Шестов Л. Афины и Иерусалим. – Москва: АСТ, 2007. 416 с.

References

1. Camus A. The Outsider. – Moscow: AST, 2024. 128 p.
2. Camus A. The Rebellious Man. The Myth of Sisyphus. – Moscow: AST, 2024. 512 p.
3. Marcel G. The Tragic Wisdom of Philosophy: Selected. – Moscow: Publishing House of the Humanitarian Literature, 1995. 215 p.
4. Sartre J.-P. Being and Nothingness: An Experience of Phenomenological Ontology / Jean-Paul Sartre; [translated from French, foreword by V. I. Kolyadko]. – Moscow: Respublika, 2004 (PPP Type. Science). 639 p.
5. Sartre J.-P. Existentialism is a Humanism / Jean-Paul Sartre translated from French by M. Gretsky. – Moscow: Foreign Literature Publishing House, 1953. 42 p.
6. Sartre J.-P. Nausea. – Moscow: AST, 2025. 329 p.
7. Heidegger M. Being and time. – Moscow: Ad Marginem, 1997. 451 p.
8. Shestov L. Athens and Jerusalem. – Moscow: AST, 2007. 416 p.

Го Цин

Аспирант, факультет искусств. Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова.

Чжао Цяньцян

Аспирант, факультет искусств. Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова.

Историко-культурные аспекты влияния России на китайскую музыкальную культуру*

Аннотация. Предмет и объект исследования. Актуальность исследования заключается в том, что в XX в. музыкальное искусство перешло на новый виток развития культурной парадигмы и на современном этапе характеризуется тенденцией к полистилистике и развернутой музыкальной практикой ко всей культурной традиции. Особое внимание в этой связи авторы подробно рассматривают такие научные проблемы, как диалогичность и полистилистика в музыкальной культуре Китая, неуклонный рост интереса к которым наблюдается в публикациях современных музыковедов. Предметом исследования являются феномены китайской музыкальной культуры XX-XXI вв. Объектом исследования - культурное взаимодействие русской и китайской музыкальных традиций. Авторы показывают, что современное музыковедение идет по пути освоения уже накопленного научного опыта в смежных областях гуманитарного знания и старается выработать собственные методы исследования текста. Особое внимание уделяется интертекстуальности в музыке, реализующейся как условие и способ существования музыкального произведения в семиотической культурной среде с учетом индивидуальных приемов межтекстового взаимодействия, результатом которого становится диалог самобытных культурных концепций.

Материалы и методы. Развитие теории интертекстуальности в современном музыковедении рассматривается авторами статьи на материале китайско-российского культурного диалога в данной области. Ведущим в работе является культурологический подход. Авторы используют также интегративный, интертекстуальный подходы, метод диалога культур.

Научная новизна и выводы. Авторы постулируют, что в традиционной культуре Китая с ее многовековой историей не существовало «чистого авторства», что определялось философскими принципами и подходами к творчеству, в том числе, в русле конфуцианства, когда главная цель заключалась не в создании нового произведения, а в переосмыслении существующего, его интерпретации и в гармоничном развитии. В этом понимании «автор» был рассмотрен не как творец, но как «учитель» и «наставник». Сказанное обуславливает новизну исследования. Основной вывод проведенного исследования заключается в доказательстве того, что основные этапы развития современного музыкального искусства Китая («ученичество», национальное развитие, модернизация с последующим выходом в мировое культурное пространство) привели к созданию оригинального национального композиторского стиля, во многом под

* © Го Цин, Чжао Цяньцян, 2025.

Историко-культурные аспекты влияния России на китайскую музыкальную культуру

влиянием русского (советского) преподавательского состава, который акцентировал внимание на изменении традиционных подходов к творчеству, а также на восприятии национальных и мировых традиций в музыкальной культуре без утраты национальной идентичности.

Ключевые слова: музыкальное искусство, культурное взаимодействие, интертекстуальность, полистилистика, русская музыкальная традиция.

Guo Qing

Postgraduate student, Faculty of Fine and Performing Arts. Lomonosov Moscow State University.

Zhao Qianqian

Postgraduate student, Faculty of Fine and Performing Arts. Lomonosov Moscow State University.

Historical and cultural aspects of Russia's influence on Chinese musical culture

Abstract. Subject and object of research. The relevance of the research lies in the fact that in the 20th century musical art moved to a new stage in the development of the cultural paradigm and at the present stage is characterized by a tendency towards polystylistics and the expansion of musical practice to the entire cultural tradition. In this regard, the authors pay special attention to such scientific problems as dialogic and polystylistic in Chinese musical culture, which are steadily increasing in interest in the publications of modern musicologists. The subject of the study is the phenomena of Chinese musical culture of the 20th and 21st centuries. The object of the research is the cultural interaction of Russian and Chinese musical traditions. The authors show that modern musicology is following the path of mastering the already accumulated scientific experience in related fields of humanitarian knowledge and is trying to develop its own methods of text research. Special attention is paid to intertextuality in music, which is realized as a condition and way of existence of a musical work in a semiotic cultural environment, taking into account individual techniques of intertextual interaction, which results in a dialogue of distinctive cultural concepts.

Materials and methods. The development of the theory of intertextuality in modern musicology is considered by the authors of the article on the basis of the Chinese-Russian cultural dialogue in this field. The culturological approach is the leading one in the work. The authors also use integrative, intertextual approaches, and the method of cultural dialogue.

Scientific novelty and conclusions. The authors postulate that there was no "pure authorship" in the traditional culture of China with its centuries-old history, which was determined by philosophical principles and approaches to creativity, including in line with Confucianism, when the main goal was not to create a new work, but to rethink the existing one, its interpretation and harmonious development. In this understanding, the "author" was considered not as a creator, but as a "teacher" and "mentor." This determines the novelty of the study. The main conclusion of the study is to prove that the main stages of the development of modern Chinese musical art ("apprenticeship", national development, modernization, followed by entry into the world cultural space) led to the creation of an original national compositional style, largely influenced by the Russian (Soviet) teaching staff, who focused on changing traditional approaches. Creativity, as well as the perception of national and world traditions in musical culture without loss of national identity.

Key words: musical art, cultural interactions, intertextuality, polystylistics, Russian musical tradition.

Преобладающей тенденцией культуры второй половины XX в. становится возрождение предыдущего жанрово-стилевого опыта в музыке и поиск его нового ценностно-смыслового контекста. Именно поэтому музыкальная культура этого периода может быть отнесена к особому типу культуры, элементами которой становятся целые культурные традиции, структуры, знаковые системы различных эпох. На основе данных тенденций возникло целое направление в музыке второй половины XX в., которое А. Шнитке назвал полистилистикой. Приемами полистилистики стали такие явления как цитата (квазичитата), аллюзия, стилизация. Полистилистика в музыкальном искусстве глубоко и точно выразила сущность современной эпохи, ориентированной на соединение достижений прошлого и современного.

Актуальность полистилистики для музыковедов становится все более очевидной: подтверждением этому служит все более возрастающий интерес к данной проблеме в публикациях отечественных музыковедов, в том числе, появившиеся на рубеже XX-XXI столетий. Они свидетельствуют о том, что музыковедение идет по пути освоения уже накопленного научного опыта в смежных областях гуманитарного знания и старается выработать собственные методы исследования текста.

Для творчества используются практически все явления мировой художественной культуры – от раннего Средневековья до созданных в последние десятилетия современных произведений. Сквозь призму этого понятия можно рассматривать творчество А. Шнитке, А. Пярта, С. Губайдуллиной, Р. Шедрина, В. Екимовского, Л. Берно, К. Штокхаузена, Дж. Кейджа и многих других современных композиторов. Теоретической предпосылкой данного исследования явилось осознание факта, что характерной приметой нашего времени является развернутость музыкальной практики ко всей культурной традиции, стремление объединить стили, что обусловило возрастание удельного веса «заимствованного» материала.

Поскольку развитие современного мира характеризуется такими противоречивыми тенденциями, как процессы глобализации, ведущие к унификации культур, с одной стороны, и стремление к этнокультурной самоидентификации, с другой, особую актуальность приобретает вопрос взаимодействия и взаимовлияния в музыкальной сфере, результатом которого становится формирование новых культурных смыслов. Более того, диалог множества культур способствует развитию поликультурного характера современного творчества, проявляющегося на всех уровнях межкультурной коммуникации – глобальном, межэтническом и межличностном.

Музыкальное искусство в Китае после 1917 г. под влиянием тесных связей с советскими композиторами и образовательными учреждениями в XX в. перешло на новый виток развития культурной парадигмы и характеризуется тенденцией к полистилистике и развернутостью музыкальной

практики ко всей культурной традиции, стремлением объединить стили, что обусловило возрастание в китайском музыкальном искусстве удельного веса «заимствованного» материала. Определенная культура, войдя в некую культурную общность, «начинает резче культивировать свою самобытность», при этом и другие культуры кодируют ее как «особую», «необычную». Исследование национально-характерного облика музыки в Китае XX-XXI вв. невозможно в отрыве от изучения способов и форм воздействия на нее русской музыкальной традиции, поскольку именно влияник русской музыкальной традиции способствует выявлению особенностей китайского пути освоения музыкального академизма, дополняет общую характеристику универсальных и самобытных тенденций в развитии китайской композиторской школы.

Исторические аспекты периодизации

Внешнее и внутреннее влияние, которое сказывалось в процессах развития музыкальной культуры Китая в XX в., напрямую зависело от социально-политического положения страны в тот или иной период. Общеизвестно, что история XX в. демонстрирует бурное и беспокойное становление нового государственного образования на территории Китая, которое в 1949 г. будет провозглашено как Китайская Народная Республика. Однако на развитии музыкальной культуры и анализируемого нами влияния русской культуры несомненно влияли события до и после, а также исторические события на территории России.

Начало XX в. в Китае ознаменовано падением многовекового института монархии. Синхайская революция 1911 г. положила начало новой эпохи – эпохи Китайской республики с установлением демократических принципов, однако, возникшая политическая нестабильность, разрозненность политических сил в стране привело к внутренним противостояниям и вооруженной борьбе за власть. В то же время в России произошли подобные изменения: прекратила существование Российская империя с отречением от власти Николая II; в 1917 году осуществлена Октябрьская революция; в 1918 образована Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика (РСФСР); в 1922 году – СССР. Советское правительство уже в 1918 году заявило о поддержке преобразований революционной партии Китая. Идеи марксизма-ленинизма и социалистическая идеология стали активно распространяться в Китае. Эти события в России способствовали значительному прибытию в Китай эмигрантов, основную часть которых составляли высокообразованные и высокопрофессиональные кадры во всех сферах.

В 1931 г. Китай столкнулся, помимо внутренних конфликтов, с внешней агрессией Японии, которая привела к оккупации довольно значительной территории. Победа во Второй мировой войне, в том числе с крушением Японской империи, освободила территорию Китая от многочисленных

захватчиков и способствовала тому, что Китайская республика стала основателем ООН и членом Совбеза этой организации.

Это событие не разрешило внутренние противоречия, гражданская война вспыхнула вновь, что привело к отделению Тайваня и созданию на остальной территории в 1949 г. Китайской Народной Республики во главе с Мао Цзэдуном. Первым государством признавшим КНР стал СССР, что, несомненно, имело огромное значение для установление дружественных отношений и активному социокультурному обмену. Время с 1949 по 1966 гг. определяют, как наилучшие годы в отношениях СССР-Китай.

Период Культурной революции с 1966 по 1976 гг. фактически «обнулil» всякое культурное взаимодействие двух стран. Последовавший за ним «период открытости» не был достаточно адекватно воспринят в Советском Союзе, что не позволило восстановить отношения в полную силу. Только к середине 80-х гг. XX столетия Россия и Китай постепенно стали сближаться и возобновлять культурный обмен на государственном уровне и с государственной поддержкой.

Период охватывающий конец XX и начало XXI вв. трудно охарактеризовать единообразно, поскольку сложная экономическая ситуация России с 1990 до 2000 гг. и бурный экономический рост в Китае наложили свой отпечаток на культурное взаимодействие, которое больше происходило на частном и бытовом уровне, чем на государственном. Однако, начиная с 2000 г., после стабилизации российской экономики и с принятием в КНР программы «Один пояс и один путь» культурные контакты значительно усилились, что особенно отчетливо наблюдается в последние годы.

Таким образом, на протяжении XX в. в истории взаимодействия русской и китайской музыкальной культуры определяются несколько периодов, которые характеризуются различной степенью синтеза указанных культур.

Способы влияния

Обратим внимание на то, что при анализе периодов в той или иной степени выделяются способы влияния музыкальной культуры России на искусство Китая в XX-XXI вв., а именно: эмиграционные процессы, затронувшие деятелей искусства; обучение русскими (советскими, российскими) педагогами начинающих музыкантов Китая; установление русской (советской, российской) системы музыкального образования; концертная и гастрольная деятельность, проведение музыкальных, в том числе, международных конкурсов и фестивалей.

Эмиграционные процессы

После Октябрьской революции в китайский Харбин хлынул поток эмигрантов со всей России. Учитывая, что основу эмигрантов составляли профессиональные и высокообразованные представители русского общества, как правило, занимавшие в России значимое социальное положение,

можно сказать, что с ними была «привезена» часть русской культуры. Как отмечают исследователи, уже к началу 20-х гг. XX в. в Харбине находилось 190 000 русских, что составляло более трети всех жителей. Вполне естественно, что в их потребности входило широкое культурное общение, просвещение и потребление музыкального искусства в привычных формах. В результате «появились русские музыканты – ведь там, где собираются русские, дело никогда не обходится без музыки. Русские музыканты в Пекине, Тяньцзине, Шанхае, Гуанчжоу также организовывали музыкально-педагогические общества, открывали специализированные музыкальные школы, устраивали концерты».

Мощная русская диаспора способствовала развитию музыкального искусства своим примером пропагандируя классическую музыку. Первый оперный театр был открыт в Харбине в 1927 г. с названием «Русская опера», где в 1927-29 гг. пел С.Я. Лемешев. В Шанхае в 1930-х гг. активно работал Э.И. Элиров (до эмиграции директор Государственной балетной школы в Москве), организовав Русское балетное объединение «Русский балет». Там же в 1933 году начал работу Театр русской оперетты под руководством З.А. Битнер и Л.И. Розена. Именно Харбин и Шанхай стали теми двумя основными точками распространения русской музыкальной культуры в Китае. В этих городах появились драматические театры, музыкальные и балетные школы, вокальные студии, давались концерты как классической, так и популярной музыки.

Несмотря на то, что данная деятельность была обращена к русским мигрантам, она способствовала ознакомлению коренного населения с несвойственными китайской культуре жанрами и формами музыкального искусства. Китайские слушатели научились воспринимать нетрадиционное для Китая многоголосье, звучание новых для национальной культуры музыкальных инструментов, национальных мелодий иных культур. В данном случае исследователи приходят к определенному выводу: «Без воспитания новой формации китайских слушателей плодотворное взаимодействие традиционной и европейской музыкальных культур было бы невозможным».

В начале XX в. в Китае, практически одновременно, были созданы сразу три крупных симфонических оркестра: Пекинский, Харбинский и Шанхайский. Их репертуар составляли классические европейские произведения В.А. Моцарта, Л. Бетховена, Ф. Шуберта, а также произведения русской композиторской школы П. Чайковского, С. Рахманинова, А. Бородин, Н. Римского-Корсакова, М. Мусоргского.

Однако, данный процесс обнажил существенный недостаток: основную часть музыкантов составляли русские профессионалы музыкального искусства, европейские музыканты и незначительная часть китайских исполнителей. Развивающаяся китайская музыкальная культуры в рамках

классической мировой культуры остро нуждалась в собственных профессионалах. Эта проблема могла разрешиться только подготовкой (обучением) собственных кадров.

Обучение классическому музыкальному искусству

Отметим, что обучение китайских музыкальных профессионалов русскими педагогами проходило на протяжении XX в. в следующих формах: организация учебных заведений для представителей русской эмиграции с последующим расширением национального представительства; участие русских педагогов в организации и работе национальных музыкальных учебных заведений, включая приезд педагогов из России в Китай для осуществления преподавательской деятельности; направление талантливых студентов для обучения в СССР и Российской Федерации; обеспечение специализированной литературой и организация процесса преподавания.

Скорость, с которой в Харбине открывались музыкальные учебные заведения в первую очередь обусловлена большим запросом русскоязычного населения. В 1921 году открылась музыкальная школа под руководством Е.П. Дружининой, В.Н. Машиной, Ю.К. Плотницкой и С.М. Тавгиридзе, в 1924 г. Высшая музыкальная школа имени А.К. Глазунова под руководством педагога и скрипача У.М. Гольдштейна. Чуть позднее открылась третья под руководством В.Л. Гершгорина (Миланская консерватория). Это послужило основой для образования в 1925 г. Харбинской консерватории. Кроме этого, в городе существовали несколько частных музыкальных студий. Как подчеркивают исследователи: «Они сыграли большую роль в развитии музыкальной жизни Харбина и других городов Китая, дали мощный толчок музыкальному образованию русской и китайской молодежи. За 1921–1931 гг. в них получили хорошую музыкальную подготовку и воспитание сотни русских и китайских юношей и девушек».

Отметим, что за двадцатипятилетнюю историю только Первой Харбинской музыкальной школы обучение в ней прошли 1500 человек. Так же известно, что начиная с 1930-х гг. в ней обучались китайские ученики, чье число значительно увеличилось к середине 40-х гг..

Однако первой национальной консерваторией в Китае стала образованная в 1927 г. Шанхайская национальная консерватория под руководством Сяо Юмэя. С момента ее образования значительной частью стали представители русской школы – Б.С. Захаров, В.А. Чернецкая, А.Ю. Слуцкий, С.С. Аксаков, Е.И. Селиванов. По некоторым данным из семнадцати преподавателей десять были выходцами из России. Их роль в воспитании первого поколения китайских композиторов и исполнителей классической музыки высоко оценивается в работах по исследованию музыкальной культуры Китая как российскими, так и китайскими учеными.

Период второй мировой войны и, последующей за ней, гражданской,

вплоть до 1949 г. стали временем «оттока» и смены в преподавательском составе представителей русской эмиграции. Однако, наступивший после установления Китайской Народной Республики период взаимодействия с СССР стал одним из самых плодотворных. В 1950 г. возникла инициатива по культурному обмену между этими странами, которая включала обучение китайских студентов в музыкальных образовательных учреждениях Москвы и Ленинграда. Такой обмен обогатил музыкальную культуру Китая, поскольку прошедшие обучение «привезли самые лучшие в мире плоды обучения и начали распространять в Китае советские методы».

В продолжение этого сотрудничества с 1953 г. в Китай были направлены советские специалисты, например, по фортепьянному исполнительскому искусству: «В период с 1954 по 1960 гг. туда было приглашено три известных советских пианиста-педагога. Это Д. Серов (преподавал в Шанхайской консерватории с ноября 1954 года по март 1956 года), А. Татулян, преподававший в Пекине в 1955-1957 годах, Т. Кравченко, преподававшая в Пекине в 1957-1958 и в 1959-1960 годах».

После восстановления отношений в 1979 г. и их постепенной стабилизации культурные контакты, в том числе в музыкальной и педагогической сферах восстановились. Китайское правительство возобновило направление за государственный счет студентов для обучения в специализированных вузах России, которые известны высоким качеством подготовки выпускников.

После 1990 г. российские и китайские учебные заведения стали устанавливать прямые контакты между собой и приглашать известных российских музыкантов и наставников для преподавания. Некоторые педагоги подписали контракты на работу в китайских институтах и консерваториях на длительный срок.

Исследователи отмечают, что «третья акция отправки студентов» в начале 2000-х годов отличалась по масштабу и охвату. Только первое направление в консерватории по классу фортепьяно в конце 2002 – начале 2003 г. составило 157 человек. При этом конкурсный отбор проходил по всем ведущим музыкальным вузам Китая.

Формирование системы музыкального образования на основе принципов русской школы

Естественно, что развитие музыкального искусства Китая в начале XX столетия произошло не только в отдельных Харбине и Шанхае. Изменения социально-культурных основ, вызванных изменением политической ситуации и более широким контактам с другими странами, активизировало данные процессы в китайской музыкальной культуре и связанного с ней образования. Известно, что в 1920-х – 1930-х гг. были открыты: в Пекинском государственном педагогическом университете факультет музыки; музыкальный институт Пекинского университета (1922); в Хуанском

университете факультет музыки для девушек (1925); музыкальное отделение в Шанхайской академии художеств и в Шанхайском университете искусств (1925); консерватория в Гуанчжоу (1932); еще в 1919 г. были основаны Пекинская академия музыки и Пекинская академия эстетики.

Однако влияние русской национальной музыкальной школы в части преподавания классической музыки было настолько велико, что Шанхайская консерватория, самая влиятельная на тот момент в Китае, с 1935 г. выстроила учебный процесс по образцу русских (дореволюционных) консерваторий. Позднее система музыкального образования с ее принципами и уровнями подготовки была использована для формирования всей китайской национальной музыкальной школы.

Начиная с 1949 г. переводились учебные материалы, используемые в программах образования в СССР: учебники, методические материалы по подготовке специалистов, учебно-дидактические материалы, книги Б. Астафьева, С. Гинзбурга, Ю. Келдыша, Д. Кабалевского и многих других. Многие из них не потеряли своей актуальности поскольку «Некоторые аспекты по сей день актуальны для китайских педагогических музыкальных практик».

Расширение контактов после 1990-го г. позволило многим китайским педагогам пройти стажировку в российских вузах, непосредственно прикоснувшись к педагогике и музыкальной культуре России.

Указывая на особую роль русских специалистов в становлении китайской национальной музыкальной школы в XX и начале XXI вв., исследователи указывают: «в России уровень преподавания музыкальных специальностей – один из наиболее высоких в мире; педагоги уделяют огромное внимание развитию индивидуальных способностей учащихся, ориентируясь на глубину понимания изучаемых произведений; в российских учебных заведениях значителен объем и качество научно-методических разработок».

Проведение музыкальных концертов, конкурсов и фестивалей

Вполне естественным является тот факт, что влияние русской музыкальной культуры на трансформацию китайской определялся не только обучением специалистов, но и формированию интереса китайского слушателя к музыке.

Выше уже упоминалось, что в начале XX в. главными «пропагандистами» были представители эмиграционного движения. Добавим, что в Шанхае для приобщения к классической музыке Б. Захаровым в 20-х гг. было организовано общество камерных концертов, а сообщество «Среда» устраивало творческие вечера с приглашением всех желающих. Православное хоровое пение, через хоровые концерты в Рождество и Пасху, стало частью общественной жизни и для русских, и для православных китайцев. Общество эмигрантов в Харбине своими силами почти двадцать

лет устраивало дни русской культуры. Известно, что в 1926 г. состоялся концерт, посвященный А.С. Пушкину. В репертуаре выступающих было «У лукоморья» из оперы «Руслан и Людмила» М. Глинки, сцена «Корчма» из оперы «Борис Годунов» М. Мусоргского. Харбинский симфонический оркестр в 1927 г. исполнил Девятую симфонию Бетховена совместно с хором Большого театра. Известно, что этот оркестр принимал участие в постановке русских опер П. Чайковского, А. Бородина, М. Мусоргского, А. Рубинштейна, Н. Римского-Корсакова. Шанхайской труппой «Русского балета» активно ставилась классика, например «Ромео и Джульетта» С. Прокофьева.

В исследованиях отмечается, что «После создания КНР в силу идеологических соображений усиливается влияние советского государства на формирование политики государства и правительства в отношении приобщения масс к культуре и образованию». Это стало толчком к многочисленным гастролям советских музыкальных коллективов в Китае: Ансамбля народного танца имени И. Моисеева, знаменитой «Березки», Ансамбля песни и пляски Советской Армии им. А.В. Александрова.

В 1954 г. на экраны выходит фильм-балет с Н. Улановой «Ромео и Джульетта», а в 1957 г. его фрагменты исполнили Д. Ойстрах и В. Ямпольский, гастролируя по крупным городам Китая.

Политика реформ и открытости, особенно с середины 1990-х годов дала толчок для проведения многочисленных праздников, фестивалей и международных конкурсов в Китае. В это время в том же Харбине была основана новая традиция – новогодние симфонические концерты, где всегда звучит музыка из русской классики. На фестивале «Лето Харбина» (1994) симфонический оркестр исполнил Четвертую симфонию П. Чайковского.

Отметим, что многолетняя работа по воспитанию плеяды деятелей музыкального искусства Китая, в котором активное участие принимали советские и российские специалисты, отмечена многочисленными успехами их учеников на международных конкурсах, самым престижным из которых остается Международный конкурс имени П.И. Чайковского.

Таким образом, влияние на трансформацию китайской в XX – начале XXI вв. основывалось на массовом приобщении китайских слушателей и музыкантов к традициям и основам русской музыкальной культуры и национальной школы.

Принципы влияния на развитие национальной музыкальной школы Китая

Отметим, что на социокультурное развитие Китая в первой половине XX в. до установления КНР в 1949 г., оказывало свое воздействие нестабильность политического положения, постоянные конфликты и войны, вторжения на территорию Китая иностранных войск, оккупация. Однако даже в таких неблагоприятных условиях музыкальная культура Китая

оказалась довольно «закрытой» для привычного западного вмешательства с его императивными установками. Несмотря на освоение и введение в музыкальную культуру несвойственных музыкальных инструментов, форм музыкальных произведений, изменения в исполнительском искусстве, как в инструментальной музыке, так и в вокальном исполнении, значительному росту песенных жанров, китайская музыкальная культура сумела сохранить свою идентичность.

В данном случае некоторым «сдерживающим» фактором, способствующим созданию и развитию китайской национальной музыкальной школы, стали представители русской музыкальной культуры. Они в своей деятельности руководствовались принципом, по которому музыкальная культура страны может развиваться только при сохранении и обращении к сокровищнице национального музыкального ресурса. Русский опыт создания музыкальной национальной школы определял привнесение мотивов и идей традиционной национальной музыки для создания новых произведений. Это подразумевало использование фольклорного этнического материала путем его цитирования и адаптации для западноевропейских форм музыкальных произведений. Исходя из этого, возникал принцип творческой деятельности композитора: создавать произведения с опорой на национальный колорит и богатые народные традиции, которые становятся фундаментом для национальной школы композиции и развития национального музыкального языка.

Следует добавить, что еще одна традиция русской музыкальной школы способствовала тому, что она стала образцом для последующего развития китайской музыкальной культуры. Это традиция прямого контакта с живыми классиками во время обучения, которое было доступно в Шанхайской и Харбинской консерваториях, а также позднее в середине XX в. в консерваториях Советского Союза. Такое общение «ученик-наставник» соответствует китайскому менталитету и многовековому институту наставничества, преобладавшему в музыкальной культуре Китая.

Возвращаясь ко времени становления национальной музыкальной культуры Китая в первой половине XX в., отметим, что на тот момент, по мнению исследователей, в умах представителей китайской музыкальной культуры уже утвердилось мнение, что «истинная» музыка только западноевропейская. Даже руководитель Шанхайской консерватории Сяо Юмэй в 1930 г. говорил, что «китайское музыкальное искусство отстало от западного на сто лет».

Поворотным моментом стала деятельность композитора и пианиста А.Н. Черепнина, который, по его словам, «учил китайцев оставаться китайцами». Посетив Шанхайскую консерваторию в 1934 г., он был разочарован работами китайских композиторов, отмечая, что «они сочиняли музыку, ничем не исходящую из китайских народных традици-

онных источников», которые так его впечатлили. Тогда же он предложил организовать конкурс музыки «с китайским колоритом». Обосновав свое предложение тем, что выбирает пьесы в китайском стиле, которые сам смог бы исполнить, А.Н. Черепнин продемонстрировал, что национальные китайские мотивы могут быть востребованы и звучать в форме классических музыкальных произведений. В дальнейшем он выступал активным пропагандистом национальной музыкальной культуры Китая, исполняя собственные произведения в китайском стиле и произведения молодых китайских композиторов.

В результате взаимодействия с представителями русской музыкальной школы в китайской культуре произошел разворот от императивных установок западной классической музыки к переосмыслению собственного музыкального опыта, национальной музыкальной культуры с ее колоритом, самобытностью и спецификой. Китайские композиторы, руководствуясь опытом, методами и принципами русской музыкальной школы, осуществили творческое преломление национального фольклора в классических формах музыкальных произведений, способствуя эволюции музыкального искусства Китая в целом.

Заключение

Основываясь на традициях русской национальной музыкальной школы, в Китае удалось создать собственную школу с национальным характером путем синтеза западных классических музыкальных форм с национальными традициями и мотивами. При этом, влияние русской музыкальной культуры на китайскую признано и положительно оценено китайскими музыковедами.

Очевидно, что усиление интертекстуальных взаимодействий в музыке приводит к повышенной семиотичности ее структуры. При этом для авторов нередко оказывается актуальным не ее имманентное семантическое измерение, континуальное и внепонятийное по самой своей природе, а возникающая в процессе семиотизации дискретная сетка отношений между заимствуемыми фрагментами чужих текстов и их относительно конкретными значениями в новом контексте. В известной степени авторы начинают уподоблять музыкальный язык вербальной семиотической структуре, стремясь воплотить свойственные ей детерминированные соответствия.

Конечно, подобная семиотизация возникала при интертекстуальных взаимодействиях всегда, но в разные эпохи она имела неодинаковый облик. Если до XIX в. цитаты, например, как правило, находились в относительно согласованных отношениях с контекстом (а в литургической музыке служили средством утверждения единства и неизменности сакральной истины), то в более позднее время они все чаще становятся предметом по-

лемики. В то же время, в большинстве случаев авторы видят в чужом материале именно *однозначный* смысл, с которым можно либо согласиться, либо подвергнуть критическому переосмыслению.

В связи с этим возникает еще один неизбежный вопрос: имеет ли интертекстуальность как специальный художественный прием перспективы в будущем, возможно ли ее дальнейшее развитие? На первый взгляд, композиторы полностью исчерпали ее потенциал, использовали все мыслимые варианты – вплоть до построения сочинения целиком из одних цитат. Но вопрос о перспективах, конечно, имеет и более общий характер, так как ощущение внешней исчерпанности оказывается связанным с большинством композиторских техник XX в.. Представляется, что проблема заключается не в самом методе, а в том, какую реальную смысловую нагрузку он несет в целостном контексте произведения. Ведь многочисленные ситуации пародийного заимствования в церковной музыке Ренессанса и барокко отнюдь не превращают ее в пересказ чужого текста. Реальные перспективы интертекстуальности – в умении композитора услышать в чужом материале новый смысл, или же создать его с помощью смысла, уже заключенного в нем. Возможности ее развития — в преодолении семантической инерции, ощущении динамики и подвижности, возможности *смещения сформированных значений*. Необходимость понимания *многозначности* чужого материала, открытости его смыслового потенциала и представляют объективное будущее межтекстовых взаимодействий как творческого метода.

Библиографический список

1. Айзенштадт С.А. О роли русской фортепианной школы в процессе художественного формирования пианистического искусства Китая и Японии: в 3-х ч. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота. 2015. № 3 (53). Ч. 1. С. 22-27.
2. Айзенштадт С.А. Фортепианные школы Дальневосточного региона (Китай, Корея, Япония). Проблемы теории, истории, исполнительской практики: Дис. ... д-ра искусствоведения. – Новосибирск, 2015. 326 с.
3. Айзенштадт С.А. Александр Черепнин в Китае: путешествие, изменившее судьбы китайской музыки / С.А. Айзенштадт, Л. Цзя // Обсерватория культуры. 2022. № 19 (6). С. 648-658.
4. Алепко А.В. Музыкальные учебные заведения и педагоги русской эмиграции в Китае (1923-1945 гг.) // Личность, творчество, образование в социокультурном пространстве Дальнего Востока России и стран Азиатско-Тихоокеанского региона: материалы международной научно-практической конференции (30 ноября 2022 г., г. Хабаровск) / ред. Е.В. Савелова, сост. Е.Н. Лунегова. – Хабаровск, 2023. С. 3-11.
5. Ван Чжичэн. История русской эмиграции в Шанхае / Пер. с кит. Пань Чэнлонга, Л.П. Черниковой. – М.: Русский путь, 2008. 573 с.
6. Гайдай П.В. Диалог культур как ведущая тенденция в современном музыкально-педагогическом образовании России и Китая // Гуманитарный вектор. – Чита. 2011. № 1 (25). С. 26-27.
7. Говердовская Л.Ф. Общественно-политическая и культурная деятельность русской эмиграции в Китае в 1917-1931 гг. / Л.Ф. Говердовская. – Москва: ИДВ РАН, 2004. 186 с.
8. Дивеева Г.А. Шанхайская национальная консерватория в 1920-1940-е гг. XX в.: к проблеме взаимодействия с традициями российского музыкального образования // Terra Numana.

2014. № 1. С. 138-139.

9. Дрожжина М.Н. Оперное вокальное исполнительство в Китае (в контексте проблемы Восток – Запад) / М.Н. Дрожжина, К. Ли // Россия – Япония – КНР – Республика Корея: История, теория, практика и современные перспективы культурного сотрудничества: Сб. материалов Междунар. конф. – Новосибирск, 25–26 сент. 2020 г. С. 75-83.
10. Ду Хуэйцю. Современная концепция вокального образования в КНР в свете российских и китайских научно-методических достижений: дис. ... кандидата педагогических наук: 13.00.02 / Ду Хуэйцю. – Москва, 2021. 169 с.
11. Корабельникова Л.З. Александр Черепнин: долгое странствие / Л.З. Корабельникова. – Москва: Языки русской культуры, 1999. 288 с.
12. Куликова Г.В. 70 лет российско-китайских дипломатических отношений и народная дипломатия // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2019. № 24. С. 39-68.
13. Лаво Р.С. Аксиологические основания музыкального образования в Китае / Р.С. Лаво, Чжан Цзиньхуэй // Культура и цивилизация. 2022. Том 12. № 2А. С. 128-137.
14. Ли Сяоин, Чжан Цинъюнь. Влияние советской и российской музыки на китайскую музыкальную культуру первой половины XX века. – Пекин: Российские, центральноазиатские, восточноевропейские исследования, 2011.
15. Ло Чжихуэй. Концертная жизнь современного Китая дис. ... кандидата искусствоведения: 17.00.02 / Ло Чжихуэй. – Санкт-Петербург, 2016. 213 с.
16. Лю Сяньфэй, Химич М.Д. Особности воздействия православной религии на китайскую вокально-хоровую культуру // Вестник науки и образования. 2018. № 2 (43). С. 96-98.
17. Плотникова Н.С. Теория интертекстуальности и ее преломление в музыкальной культуре постмодерна // URL: <https://nsportal.ru/shkola/muzyka/library/2017/09/30>
18. Сун Гуйцзюань. Влияние российского музыкально-педагогического образования в Китае // Международный научно-исследовательский журнал. 2022. № 1 (115). С.121-124.
19. Хисамутдинов А.А. Театральное и музыкальное искусство русской эмиграции в Шанхае // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2017. № 3. С. 33-40.
20. Хохлов А.Н. Дни русской культуры в Харбине до и после 1931 г. // Общество и государство в Китае. 2014. № 44 (2). С.222-238.
21. Ху Ицзюань. Становление и развитие музыкального образования в Китае: автореф. дис. ... кандидата искусствоведения: 17.00.09. – Минск, 2010. 24 с.
22. Хуан Пин. Влияние русского фортепианного искусства на формирование и развитие китайской пианистической школы: автореферат дис. ... кандидата искусствоведения: 17.00.02 / Хуан Пин. – Санкт-Петербург, 2008. 20 с.
23. Цюй Ва. Исторические аспекты влияния творчества Сергея Прокофьева на китайскую фортепианную музыку XX века // Манускрипт. 2019. № 12 (2). С.130-134.
24. Чжао Яньчжань. Национальный колорит русской музыкальной школы как фактор влияния на развитие китайской фортепианной музыки // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. Серия: Исторические науки. Культурология. Политические науки. 2023. № 1. С. 149-151.
25. Чэнь Чэньцзы. Эволюция музыкального искусства Китая: о развитии диалога музыки Востока и Запада // Вестник музыкальной науки. 2023. № 1 (11). С. 162-169.

References

1. Aizenshtadt S.A. On the role of the Russian piano school in the process of artistic formation of the pianistic art of China and Japan: in 3 parts // Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art criticism. Questions of theory and practice. – Tambov: Gramota. 2015. № 3 (53). Part 1. P. 22-27.
2. Aizenshtadt S.A. Piano schools of the Far Eastern region (China, Korea, Japan). Problems of theory, history, performance practice: Diss. ... Doctor of Art Criticism. – Novosibirsk, 2015. 326 p.
3. Aizenshtadt S.A. Alexander Cherepnin in China: a journey that changed the fate of Chinese music / S.A. Aizenshtadt, L. Jia // Observatory of Culture. 2022. № 19 (6). P. 648-658.
4. Alepko A.V. Music educational institutions and teachers of the Russian emigration in China (1923-1945) // Personality, creativity, education in the socio-cultural space of the Russian Far

- East and the countries of the Asia-Pacific region: materials of the international scientific-practical conference (November 30, 2022, Khabarovsk) / ed. E.V. Savelova, compiled by E.N. Lunegova. – Khabarovsk, 2023. P. 3-11.
5. Wang Zhicheng. History of Russian emigration in Shanghai / Translated from Chinese by Pan Chenglong, L.P. Chernikova. – M.: Russian Way, 2008. 573 p.
6. Gaidai P.V. Dialogue of Cultures as a Leading Trend in Modern Musical and Pedagogical Education in Russia and China // Humanitarian Vector. – Chita. 2011. № 1 (25). P. 26-27.
7. Goverdovskaya L.F. Socio-political and cultural activities of Russian emigration in China in 1917-1931 / L.F. Goverdovskaya. – Moscow: IFES RAS, 2004. 186 p.
8. Diveeva G.A. Shanghai National Conservatory in the 1920-1940s of the twentieth century: on the problem of interaction with the traditions of Russian music education // Terra Humana. 2014. № 1. P. 138-139.
9. Drozhzhina M.N. Operatic vocal performance in China (in the context of the East-West problem) / M.N. Drozhzhina, K. Li // Russia - Japan - PRC - Republic of Korea: History, theory, practice and modern prospects of cultural cooperation: Coll. proc. Int. conf.. – Novosibirsk, September 25-26, 2020. P. 75-83.
10. Du Huiqiu. The modern concept of vocal education in the PRC in light of Russian and Chinese scientific and methodological achievements: dis. ... candidate of pedagogical sciences: 13.00.02 / Du Huiqiu. – Moscow, 2021. 169 p.
11. Korabelnikova L.Z. Alexander Cherepnin: a long journey / L.Z. Korabelnikova. – Moscow: Languages of Russian Culture, 1999. 288 p.
12. Kulikova G.V. 70 Years of Russian-Chinese Diplomatic Relations and Public Diplomacy // China in World and Regional Politics. History and Modernity. 2019. № 24. P. 39-68.
13. Laveau R.S. Axiological Foundations of Musical Education in China / R.S. Laveau, Zhang Jinhui // Culture and Civilization. 2022. Vol. 12. № 2A. P. 128-137.
14. Li Xiaoying, Zhang Qingyun. The Influence of Soviet and Russian Music on Chinese Musical Culture of the First Half of the Twentieth Century. – Beijing: Russian, Central Asian, East European Studies, 2011.
15. Luo Zhihui. Concert Life of Modern China dis. ... candidate of art history: 17.00.02 / Luo Zhihui. – Saint Petersburg, 2016. 213 p.
16. Liu Xianfei, Khimich M.D. Features of the influence of the Orthodox religion on the Chinese vocal and choral culture // Bulletin of science and education. 2018. № 2 (43). P. 96-98.
17. Plotnikova N.S. Theory of intertextuality and its refraction in the musical culture of postmodernism // URL: <https://nsportal.ru/shkola/muzyka/library/2017/09/30>
18. Song Guijuan. The Influence of Russian Music and Pedagogical Education in China // International Research Journal. 2022. № 1 (115). P. 121-124.
19. Khisamutdinov A.A. Theatrical and Musical Art of Russian Emigration in Shanghai // Humanitarian Research in Eastern Siberia and the Far East. 2017. № 3. P. 33-40.
20. Khokhlov A.N. Days of Russian Culture in Harbin before and after 1931 // Society and State in China. 2014. № 44 (2). P. 222-238.
21. Hu Yijuan. Formation and Development of Music Education in China: author's abstract. dis. ... candidate of art history: 17.00.09. – Minsk, 2010. 24 p.
22. Huang Ping. The Influence of Russian Piano Art on the Formation and Development of the Chinese Pianistic School: Abstract of the dis. ... candidate of art history: 17.00.02 / Huang Ping. – St. Petersburg, 2008. 20 p.
23. Qu Wa. Historical Aspects of the Influence of Sergei Prokofiev's Work on Chinese Piano Music of the 20th Century // Manuscript. 2019. № 12 (2). P. 130-134.
24. Zhao Yanzhan. National Flavor of the Russian Music School as a Factor Influencing the Development of Chinese Piano Music // Humanities, Socio-Economic and Social Sciences. Series: Historical Sciences. Cultural Studies. Political Sciences. 2023. № 1. P. 149-151.
25. Chen Chenzi. Evolution of Chinese Musical Art: On the Development of Dialogue between East and West Music // Bulletin of Musical Science. 2023. № 1 (11). P. 162-169.

Гончаренко А.Н.

Аспирант, факультет искусств. Старший преподаватель кафедры музыкальной звукорежиссуры. Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов.

Влияние идей музыкального авангарда XX века на современную популярную музыку*

Аннотация. В настоящей статье автор рассматривает влияние творческих идей, предложенных представителями музыкального авангарда первой половины и середины XX века, на современную популярную музыку и музыкальные технологии. Эти идеи были связаны как с достижениями технического прогресса в области звукозаписи и звукоусиления, так и с формированием нового композиторского мышления, радикально отличавшегося от традиционного академического подхода к написанию музыки.

Ключевые слова: музыкальный авангард, конкретная музыка, мебелировочная музыка, искусство шумов, электронная музыка.

Goncharenko A.N.

Postgraduate student, Faculty of Arts. Senior Lecturer, Department of Music Sound Engineering. Saint Petersburg Humanitarian University of Trade Unions.

The influence of the ideas of the musical avant-garde of the twentieth century on modern popular music

Abstract. In this article, the author examines the influence of creative ideas proposed by representatives of the musical avant-garde of the first half and mid-twentieth century on modern popular music and music technologies. These ideas were associated both with the achievements of technical progress in the field of sound recording and sound amplification, and with the formation of a new composer's thinking, radically different from the traditional academic approach to writing music.

Key words: musical avant-garde, concrete music, furniture music, art of noise, electronic music.

* © Гончаренко А.Н., 2025.

Влияние идей музыкального авангарда XX века на современную популярную музыку

В начале XX века в музыкальной культуре сформировалось направление, получившее название «Первый музыкальный авангард». Его можно условно обозначить периодом с 1908 по 1925 год. Предпосылками к появлению этого направления стали изменения, происходившие в обществе. Развитие научного знания, технический прогресс, идеи преобразования и улучшения окружающего мира, освоения космического пространства, духовного развития всего человечества – все это приводило к мысли о том, что в этом новом, лучшем мире должно быть новое искусство, отражающее все грани того прогресса, который происходил в жизни человечества.

В 1907 году известный итальянский композитор, пианист и дирижер Ферруччо Бузони публикует свой трактат, названный им «Эскиз новой эстетики музыкального искусства». В этом трактате Бузони попытался обозначить пути развития музыкального искусства в будущем. Основная идея трактата заключалась в том, что музыка в ее современном понимании связана по рукам и ногам ограничениями и правилами, заложенными в равномерно-темперированном строе. В результате наши уши научились воспринимать только малую часть бесконечно разнообразных звуков природы. Мир звука, окружающего слушателя, невозможно уместить в 12 полутонов, из которых состоит октава. Поэтому в будущем будет сформирована новая структура октавы из гораздо большего количества ступеней. Для этого потребуются новые музыкальные инструменты, не связанные с равномерной темперацией. Например, Динамофон (другое название «Telharmonium») Тадеуша Кахилла – электроакустический инструмент, построенный в 1897 году, конструкция которого позволяла настраивать его с более тонкими соотношениями, чем 12 полутонов на октаву. Также предстоит большая работа по перестройке восприятия слушателей. «Только длительная и тщательно выполненная серия экспериментов и постоянная тренировка слуха поможет новому поколению сделать этот незнакомый материал пригодным для работы и Искусства» [1].

Эти идеи оказали сильнейшее влияние на умы многих композиторов и музыкантов по всему миру. В России исследования в данной области связаны прежде всего с именем Арсения Аврамова, композитора, одного из наиболее ярких представителей музыкального авангарда. Арсений Аврамов пытался объединить искусство и технологию. В 1916-1917 годах проводил эксперименты с ультрахроматикой, когда октава делилась не на 12, а на 48 ступеней, и для исполнения музыкальных произведений использовались 4 перестроенных рояля. Таким образом Аврамов пытался преодолеть ограничения равномерной темперации. Арсений Аврамов является автором «Симфонии гудков», в которой присутствует большое количество всевозможных «машинных» звуков: свиста пара, шума самолетов, заводских гудков, выстрелов. Это сочинение считается одним из предвестников «конкретной музыки» Пьера Шеффера.

Французский композитор, музыкальный теоретик и инженер Пьер Шеффер (1910-1995) является автором направления в музыкальном искусстве XX века, которое он назвал *Musique concrete* - «Конкретная музыка». Это направление возникло благодаря появлению новых технических средств и технологий, а именно магнитофонов и записи звука на магнитную ленту. Звуковое событие, записанное на магнитную ленту, превращалось в «звуковой объект», который становился основой для создания музыкального произведения. «Для образования звуковых формаций используют всё, что может произвести тот или иной звук: музыкальные инструменты, электронное оборудование, звуки окружающего нас мира» [5]. Технические возможности магнитофона позволяли использовать записанный звук не только в исходном виде, но и подвергать его различным трансформациям. Например, замедлить или ускорить воспроизведение, воспроизвести ленту в обратном направлении, применить к звуковому сигналу на выходе магнитофона различные звуковые эффекты. Применение этих трансформаций могло менять исходное звучание до неузнаваемости. В результате исходное звучание теряло свой контекст и превращалось в тот самый самостоятельный «звуковой объект».

Эксперименты Шеффера, как и многие другие идеи представителей музыкального авангарда, значительно опередили свое время. Тогда, в 50-е годы XX века, они не получили широкого применения в музыкальном творчестве. И лишь спустя почти 30 лет эти идеи оказались востребованы в массовой культуре, в популярной музыке.

Основная причина того, что «конкретная музыка» не получила должного развития, заключалась в дороговизне и редкости технических средств, необходимых для ее реализации. Магнитофон мог воспроизвести только одну записанную магнитную ленту. Для написания музыкальной композиции этого было недостаточно, поэтому требовалось несколько магнитофонов. Сами по себе эти магнитофоны звучать не могли. Требовались микшерный пульта и системы звукоусиления. Также требовались приборы обработки звука, которые в то время нередко существовали в единственном экземпляре и выпускались на заказ для студий звукозаписи или радиостанций. Пьер Шеффер работал инженером в системе французского радио, и имел уникальную возможность применять в своем творчестве все доступные технические средства. Не имея доступа к необходимому звуковому оборудованию, заниматься «конкретной музыкой» было невозможно.

Ситуация изменилась много лет спустя с развитием электроники и компьютерной техники. Производство записывающих устройств и средств обработки звука становится массовым, магнитная лента постепенно заменяется на магнитные жесткие диски и микросхемы памяти. Появляются популярные музыкальные жанры, в которых формируется новый прин-

цип построения композиции. В основе этого принципа лежит работа с т.н. «сэмплами» (англ. Sample – фрагмент, образец) и «лупами» (англ. Loop – петля, кольцо). Сэмплы – это записанные звуковые фрагменты. Лупы – это те же фрагменты, но воспроизводящиеся по кругу, без остановки. Для работы с сэмплами и лупами были созданы специальные устройства – «сэмплеры». Сэмплер – это электронное устройство, позволяющее записывать звуковые события и обрабатывать их с помощью встроенных в это же устройство средств обработки. Фактически это именно то, что предложил Пьер Шеффер в конце 40-х годов прошлого века. Только технический прогресс сделал необходимые для данного творчества устройства массовыми и доступными по цене. В XXI веке прогресс пошел еще дальше, и сэмплеры превратились из физических устройств в компьютерные программы, что сделало эти технологии еще более доступными.

В настоящее время эта технология применяется во многих популярных музыкальных жанрах. В электронной музыке, представителями которой являются такие артисты, как Depeche Mode, Aphex Twin, The Prodigy и пр., работа с сэмплерами является основополагающей. Для сэмплеров выпускаются библиотеки записанных звуков, которые еще больше расширяют творческие возможности композиторов.

Не менее интересной фигурой является другой французский композитор и пианист – Эрик Сати (1866-1925), который завоевал себе громкое имя и очень заметное место в истории музыки не только творчеством, но еще больше – вызывающей, независимой позицией по отношению к академическому искусству [2]. Он является одним из создателей идеи т.н. «подготовленного фортепиано», когда звукоизвлечение происходит с участием различных дополнительных предметов, которые или размещаются на молоточках фортепиано (например, канцелярские кнопки), располагаются между молоточками и струнами (например, листы бумаги) или прикрепляются к струнам (например, канцелярские скрепки, бельевые прищепки и пр.). Это была одна из попыток расширить тембровые возможности привычных музыкальных инструментов. В дальнейшем «подготовленное фортепиано» стало одной из визитных карточек композитора Джона Кейджа (1912-1992), ставшего одной из главных фигур послевоенного музыкального авангарда. «Подготовленное фортепиано» также нашло свое применение и в популярной музыке. Например, такие музыканты-экспериментаторы как Дэвид Боуи или рок-группа The Velvet Underground активно использовали его в своем творчестве.

Другой известной идеей Эрика Сати является т.н. «Меблировочная музыка». Это принцип построения музыкальной композиции, которая строится из произвольного повторения одной или нескольких музыкальных фраз. При этом количество этих повторений ничем не ограничено. Термин «Меблировочная музыка» был предложен Эриком Сати в 1916 году.

Первым произведением, написанным в этой технике, принято считать пьесу «Vexations» (фр. «Раздражения, неприятности»). В пьесе было всего два такта нотного текста и авторский комментарий: «исполнять 840 раз подряд, по желанию, но не больше». Исполнение этой композиции длилось примерно 18 часов. «Меблировочная музыка» не предназначалась для прослушивания в привычном смысле. Это была фоновая музыка, по словам самого Эрика Сати – «ритмичная музыка для повседневной жизни – для нотариальных контор, банков, магазинов». Много лет спустя эта идея стала основной для музыкального направления «минимализм», ставшего популярным сначала в конце 60-х годов, а потом в 90-е годы, когда минимализм оказался востребованным в электронной танцевальной музыке. Появляются такие направления как «minimal techno», «minimal house», в которых композиция строится из многократных повторений одних и тех же коротких музыкальных фраз. В настоящее время также выпускается большое количество фоновой музыки (для магазинов, вокзалов и аэропортов, кафе и ресторанов), которая написана в полном соответствии с идеями Эрика Сати, предложенными более 100 лет назад.

Значительное влияние на развитие авангардной музыки и музыкального искусства XX века оказал итальянский художник, композитор и теоретик искусства Луиджи Русоло (1885-1947). Художник-футурист, он был одной из ключевых фигур футуристического движения, и прославился своей радикальной идеей о художественном равенстве шумов и музыкальных звуков. В 1913 году выходит манифест «Искусство шумов», в котором Луиджи Русоло выражает основные идеи музыкального искусства будущего и конкретно о роли шумов в этом искусстве. Вот основные тезисы этого манифеста:

Классическая музыкальная традиция оперирует музыкальными звуками. В современную индустриальную эпоху этот подход устарел. Классические гармония и мелодия не могут отразить происходящие в современном мире события. «Сегодняшняя музыка, становясь постоянно все более сложной, стремится объединять самые несочетаемые, странные и резкие звуки. Так мы подходим все ближе к звуку-шуму» [3].

В музыку должны быть включены «шумовые звуки» - грохот машин, шум уличной толпы, скрежет металла и т.п. Также следует обратить особое внимание на звуковые диссонансы, которые мало применяются в классической гармонии, но в современном мире очень востребованы, так как они приближают классические созвучия к шуму.

Современные композиторы должны стремиться к расширению и обогащению звуковой палитры отдаляясь от чистых звуков и приближаясь к шумовым звучаниям. Также требуется отойти от традиционных видов ритма и обратить внимание на ритмы, существующие внутри шумов.

Для написания и исполнения новой музыки требуются новые музы-

кальные инструменты, способные издавать шумовые звуки, но при этом имеющие возможность изменять динамику и высоту тона, как традиционные музыкальные инструменты.

Таковыми инструментами стали изобретенные Русоло и его единомышленниками «Интонарумори» - серия механических инструментов, воспроизводящих природные и промышленные шумы. Каждый инструмент был приспособлен к воспроизведению одного типа звуков. Например, «Гудок» - имитировавший вой сирен, «Ворчун» - издававший звуки, похожие на урчание, скрип, «Взрыватель» - имитатор взрывов и грохота и пр.

В 1913-1914 годах Русоло провел несколько концертов, в которых звучала музыка, написанная для интонарумори.

Идеи Русоло оказали большое влияние на дальнейшее развитие современной музыки. Они отражали общее направление взглядов на будущее музыкального искусства, характерных для начала XX века. В 40-е годы эти идеи будут подхвачены Пьером Шеффером. Позднее появятся синтезаторы и различные электромузыкальные инструменты, которые будут расширять звуковую палитру в сторону шумов и звуков, ранее в музыке не использовавшихся. В 70-е годы формируется музыкальное направление, получившее название «индастриал». Данное направление возникло на перекрестке панк-рока, экспериментальной электронной и психоделической музыки. Наиболее известные представители – музыкальные группы Throbbing Gristle, Einsturzende Neubauten, Art of Noise и многие другие. Творческие идеи этих коллективов напрямую связаны с манифестом Русоло, а группа Art of Noise так и вообще взяла свое название по названию манифеста.

Еще одно музыкальное творческое направление - саунд-дизайн, ставший важной частью современного медиапространства и постоянно применяющийся в кино, рекламе, телепередачах, компьютерных играх, также происходит от идей, заложенных в манифесте Луиджи Русоло еще в 1913 году.

Большое влияние на современную популярную музыку оказали взгляды и идеи одного из лидеров послевоенного музыкального авангарда Карлхайнца Штокхаузена (1928-2007). Новаторство Штокхаузена было разнообразным. От экспериментов с пространственным звучанием до новых принципов сочинения музыки: алеаторика и сериализм. «Электронная музыка обнаруживает совершенно особые возможности, а именно возможности сочинения «пространственной композиции» необыкновенно разнообразно и с большой точностью. Многослойная пространственная композиция означает следующее: звук может не только двигаться вокруг слушателя на стабильном расстоянии от него, но также отодвигаться от слушателя, уходить вдаль и придвигаться, находиться в непосредственной близости от него» [4]. В числе прочих была предложена идея полного отка-

за от акустических музыкальных инструментов. Для сочинения и исполнения музыки использовались только электронные синтезаторы. Этот подход нашел отражение в 70-е годы в творчестве музыкального коллектива Kraftwerk (нем. «Электростанция»), воплотившего в популярной музыке идеи Штокхаузена – отказ от любых традиционных инструментов и чуть позже – от живых исполнителей на сцене. Вместо музыкантов на сцену выставлялись роботизированные манекены, вместо голосов звучали вокодеры. Музыкальный материал воспроизводил ритмичные механические шумы, урбанистические звуковые ландшафты. Роботизированная механистическая музыка, в которой человек сливается с машиной. Kraftwerk стали первой музыкальной группой, которая перевела электронную музыку из категории «экспериментальной» в категорию «мейнстрим». Их творчество дало толчок к появлению электронной танцевальной музыки, техно, хип-хоп, синти-поп и многим другим музыкальным направлениям. В 1993 году появляется группа Daft Punk, творчество которой (включая сценический образ) является дальнейшим развитием музыкальных идей Kraftwerk и Карлхайнца Штокхаузена.

Таким образом представители музыкального авангарда первой половины и середины XX века сформировали множество идей развития музыкального искусства, намного опередивших свое время. Шеффер, Сати, Руссоло, Штокхаузен предложили как новаторский подход к творческому процессу, так и технологические идеи, в полной мере реализованные только спустя много лет. А эволюция художественного восприятия у слушателей привела к тому, что экспериментальная музыка постепенно превратилась в популярную и массовую.

Библиографический список

1. Бузони Ферруччо. Эскиз новой эстетики музыкального искусства, – СПб.: «Планета музыки», 2022.
2. Шнейерсон Г.М. Французская музыка XX века, – М.: «Музыка» 1970. 150 с.
3. Луиджи Руссоло. Искусство шумов, – Милан. 1916.
4. Просняков М.Т. Живая легенда электроники. Отец «техно» в музыке (К.Штокхаузен) – «Музыка и электроника», 2004. № 4.
5. Смирнов А. Конкретная музыка, электронный ресурс // URL: www.asmir.info/lib/muconcr

References

1. Busoni Ferruccio - Sketch of a new aesthetics of musical art, – St. Petersburg: “Planet of Music”. 2022.
2. Shneerson G.M. French music of the twentieth century, – M.: “Music” 1970. 150 p.
3. Luigi Russolo. The art of noise, – Milan. 1916.
4. Prosnjakov M.T. Living legend of electronics. Father of “techno” in music (K. Stockhausen) – “Music and Electronics”, 2004. № 4.
5. Smirnov A. Concrete music, electronic resource // URL: www.asmir.info/lib/muconcr

Ферзба Г.О.*Институт современного искусства, Москва.***Classical crossover как феномен современной музыкальной культуры: от истоков до наших дней***

Аннотация. Статья посвящена феномену classical crossover и его роли в современном музыкальном искусстве. Рассмотрено смысловое значение и толкование понятийно-терминологического аппарата в целях определения структуры предметной области: формы и содержания произведений, методов и приемов их создания, критериев оценки, соответствующих общепринятым правилам теории музыкального познания.

Изучены истоки становления классического кроссовера в контексте особенностей развития музыкальной индустрии второй половины прошлого века. Предложено понимание формирования classical crossover с точки зрения принципов постмодерна, пропагандирующего стилистическую диффузию, мозаичность, аллюзию и переосмысление культурного наследия.

Выявлены основные тенденции существования классического кроссовера в современном социокультурном пространстве. Приведены факты взаимодействия элитарного и массового искусства в целях популяризации оперных произведений в широкие массы.

Ключевые слова: classical crossover, классический кроссовер, музыкальное искусство, Марио Ланца, феномен, стиль, направление, массовая культура, популяризация, постмодернизм.

Ferzba G.O.*Institute of Contemporary Art, Moscow.***Classical crossover as a phenomenon of modern musical culture: from its origins to the present day**

Abstract. The article is devoted to the phenomenon of classical crossover and its role in modern musical art. The semantic meaning and interpretation of the conceptual and terminological apparatus are considered in order to identify the structure of the subject area: the form and content of works, methods and techniques of their creation, evaluation criteria corresponding to the generally accepted rules of the theory of musical cognition.

The article examines the origins of the classical crossover in the context of the development of

* © Ферзба Г.О., 2025.

Classical crossover как феномен современной музыкальной культуры: от истоков до наших дней

the music industry in the second half of the last century. An understanding of the formation of the classical crossover is proposed from the point of view of the principles of postmodernism, which promotes stylistic diffusion, mosaic, allusion and reinterpretation of cultural heritage.

The main trends in the existence of a classical crossover in the modern socio-cultural space are revealed. The facts of the interaction of elite and mass art in order to popularize opera works to the masses are presented.

Key words: classical crossover, classical crossover, musical art, Mario Lanza, phenomenon, style, direction, mass culture, popularization, postmodernism.

Classical crossover в современной музыкальной культуре имеет не длительный, но весьма успешный путь развития. Сегодня с достаточной степенью уверенности можно сказать, что критерий успешности классического кроссовера для зрительской аудитории и финансовая устойчивость, являющиеся одними из основных факторов «жизнеспособности» художественного произведения, обеспечили право его самостоятельного существования в социокультурной среде.

Однако для понимания сущности данного явления необходимы глубинные и всесторонние исследования, которые до настоящего времени комплексно не проводились и носят хаотичный, разрозненный характер. Очевидно, что системный подход по изучению истоков возникновения classical crossover, определению смыслового значения терминологии, форм проявления и содержания, выявлению причинно-следственных связей бытования в контексте исторических процессов развития музыкального искусства, должен помочь в нахождении его места и роли в современной культуре.

Из общих определений, существующих на сегодняшний день в исследовательской музыковедческой среде, суть феномена classical crossover заключается в синтетической природе, подразумевающей совмещение различных стилей, жанров и направлений [1]. При этом обязательной составляющей такого синтеза является наличие внутренней взаимосвязи или взаимовлияния с классицизмом (академизмом), как образцовым эталоном в музыке.

Именно на это указывает дословный перевод classical crossover, где «crossover» обозначает «переход», «пересечение», а «classical» - «классический». При проведении дальнейшего анализа прижившегося названия классического кроссовера, мы обнаруживаем, что это «некое» пересечение с классикой без упоминания наименования второй стороны. Что именно должно пересекаться с классической музыкой название classical crossover не содержит и трактовке не подлежит из-за отсутствия объекта толкования.

Другими словами, смысловое значение названия классического кроссовера не закрепляет жесткой привязки между внутренними компонен-

тами композиции, как отдельной единицы художественного сочинения, допуская их свободное сочетание (соединение или слияние). Это, в свою очередь, сокращает возможность четкого определения формы и содержания произведений, относящихся к данной категории, установлению методов и приемов по их созданию и оценке соответствия нормам и правилам, согласующихся с общепринятыми понятиями с точки зрения музыкальной теории.

Поэтому в настоящий момент в музыкальном пространстве наличествует огромное разнообразие классического кроссовера. Вновь созданные композиции прямо или косвенно попадают под определение явления *classical crossover*, имея в содержании комбинации современной и классической музыки. Это обусловлено сложившейся практикой (обычаем делового оборота) восприятия классического кроссовера как некоего удачного сочетания в одном музыкальном произведении элементов элитарной и массовой культуры [2].

Для формального подтверждения причастности к статусу классического кроссовера в сфере коммерциализации музыкального пространства проводятся хит-парады, или чарты. Практика хит-парадов берет свое начало с 1940 г., с американского журнала *Billboard* и активно применяется сегодня. Их смысл заключается в ранжировании на постоянной основе заранее определенных видов музыкальных произведений по популярности среди аудитории поклонников и зрителей в краткосрочный временной промежуток.

Для удобства осуществления вышеуказанного отбора применяются разнообразные критерии и градации, которые можно заключить в числовом выражении в зависимости от количества продаж, концертных выступлений, посещаемости публики до трансляций в теле- и радиопрограммах и интернете. Высшей планкой музыкального хит-парада является первое место, предоставляемое наиболее популярному произведению, серии, альбому или лидеру продаж, именуемое *chart-topper*.

На рынке музыкальной индустрии практикуются хит-парады жанров. В данном сегменте понятийно *crossover* сводится к случаю, когда популярное произведение попадает в перечень нескольких хит-парадов, относящихся к разным жанрам. Первое упоминание о классическом кроссовере относится к 90-м годам XX века. Оно связано с официальной публикацией хит-парада во вновь созданной категории музыкальной премии *Grammy* журналом *Billboard*.

Однако указанные технологии в большей мере отражают коммерческий успех медиа-продуктов, существующих на рынке продаж, нежели форму и содержание и даже подтверждение их популярности не проливает свет на раскрытие сущности явления классического кроссовера и его значимости на современном этапе развития массовой культуры.

Очевидно, что для осмысления данных вопросов необходимо обратиться к истокам возникновения феномена classical crossover и тем фигурам, которые считаются первооткрывателями или родоначальниками стиля, а их творчество стало убедительным фактом успешной артистической деятельности. Для этого давайте уточним, что в настоящее время принято считать классическим кроссовером.

Одним из основных вопросов в данном спектре остается то, что в профессиональном сообществе до сих пор не выработано единое мнение в отношении места нахождения явления classical crossover в иерархической лестнице понятий и определений. Одни называют его направлением в современном музыкальном искусстве, другие – жанром, третьи – стилем. Мы, в рамках данной, статьи склоняемся к применению последнего утверждения, подразумевая под смысловым значением классического кроссовера наличие системы признаков, художественных концепций, выразительных средств, возникших в исторических рамках под воздействием определенного мировоззрения.

Следующее представление о классическом кроссовере более однородно и сводится к мысли о синтезе частей музыкальных произведений (или их интерпретации), принадлежащих к массовому и классическому искусству в единое целое. При этом их соотношение, трактовка, техника совмещения не определены конкретными требованиями и допускают полную творческую свободу автора. Здесь следует отметить, что в сознании профессионального сообщества бытует твердое убеждение о том, что такие произведения сочиняются и исполняются на очень высоком уровне по качественным характеристикам, чем и достигается «исключительность» стиля классического кроссовера.

Завершающим в данном смысловом триединстве является убеждение, что сочетание элитарного и массового искусства является взаимовыгодным и приводит к взаимообогащению, которое заключается, с одной стороны, в «облагораживании» современной музыки эталонными идеалами академизма, доказавшего принадлежность к «высокому» искусству, и, с другой - популяризации классической музыки в масштабах массовой зрительской аудитории.

В историческом аспекте миссия популяризации академической музыки стояла у истоков создания стиля классического кроссовера и явилась фундаментом к формированию его особенностей. К объективным предпосылкам данного процесса следует отнести зарождающиеся возможности таких средств массовых коммуникаций как грамзапись и радио, способствующих одновременному охвату почитателей классических произведений посредством трансляции аудиозаписей.

Технический прогресс и доступ к записи массовых тиражей открыли горизонты подачи классического звучания, замещая традицию «живых»

концертных выступлений. При этом данная форма имела три серьезных преимущества. Во-первых, тиражи в значительной степени превосходили по численности зрительскую аудиторию концертов, во-вторых – технологии записи давали возможность исправления любых ошибок и реального достижения чистоты звучания голоса, инструментального сопровождения, регулировки тембрового окраса и полноты звука, а, в-третьих – стали доступными эксперименты интерпретаций музыкального звукоизвлечения посредством сочетания инструментальных и электронных технологических методов и приемов.

Очередной вехой в популяризации классической музыки принято считать наращивание потенциала киноиндустрии, ставшей «действенным средством тиражирования и пропаганды музыкальных ритмов и шлягеров» [3, 98]. Музыкальная канва фильмов середины прошлого столетия предполагала тесное переплетение развития сюжетно-драматической линии с вокальными партиями главных героев или служила лейтмотивом, передавая характер персонажа или явления [4, 171].

Музыке отводилось огромное количество экранного времени. С достаточной долей уверенности можно утверждать, что киноленты того временного периода были схожи с сегодняшними музыкальными фильмами.

Знаковой фигурой в популяризации классической музыки второй половины прошлого века принято считать певца и актера Марио Ланца. Его творческий путь начинался с получения академической вокальной основы. Затем выступления в концертах и патриотическом шоу «Крылатая победа» режиссера Мосс Харта во время службы в армии дали опыт участия в массовых мероприятиях.

Следующий этап творческой жизни певца связан с радио – его пригласили ведущим на радиопередачу «Великие моменты в музыке», которую он вел на протяжении 1945 - 1946 года, беседуя в прямом эфире с коллегами по цеху. В течение передачи приглашенные артисты исполняли два произведения из своего репертуара, а Марио Ланца – четыре. Популярность артиста росла, он стал узнаваемым в широких кругах зрительской аудитории.

И самой вершиной творческого олимпа певца явилось заключение семилетнего контракта с киностудией «Метро-Голдвин-Майер» на съемки в фильмах в ролях с вокальным исполнением. Кинематограф дал огромные возможности доступа к широким массам поклонников, для которых Марио Ланца исполнял академические партии из опер и новые произведения неоклассики («Granada», «Be My Love», «Because You're Mine» и др.).

По сути творчество Марио Ланца стало неким ориентиром успешного пути певца, популяризирующего классические произведения на публичной арене. Артист адаптировался к процессам музыкальной индустрии, продвигающей принципы массового характера в искусстве, сохранив

при этом академическую основу вокальной школы. Именно данная миссия впоследствии будет определена вновь рожденным стилем classical crossover в качестве основополагающей.

В западных исследованиях к истокам классического кроссовера относят творчество афроамериканских исполнителей джаза (1930-1960 годы) в соотношении с развитием массовой культуры середины XX века. Э.Д. Джонсон считает, что изначально творческий почерк в джазе Нэт Кинг Коула, Диззи Гиллеспи и настроение в блюзовом вокале Бесси Смит, Билли Холидей и др. носили гибридный характер и «не вписывались ни в одну из традиционных стилевых ниш» [5, 9].

Указанный факт был обусловлен нарастающей тенденцией слияния джаза с классической музыкой, вызванной лирическими настроениями, витающими в обществе в послевоенные годы. В качестве примера можно привести творческий путь Диззи Гиллеспи, получившим классическое музыкальное образование, которое он адаптировал на собственное восприятие традиции афроамериканской музыки, и впоследствии утверждал, что они «изобрели свой путь» [6, 451].

Для удобства рассмотрения истоков возникновения классического кроссовера с социологического ракурса, западные исследователи подключают фундаментальные основы, заложенные в теории о градации культурных пластов сквозь призму оценочной категории «высокое-низкое», обуславливая активизацию интереса к classical crossover во второй половине прошлого века коммерческим спросом на массовую музыкальную продукцию.

При этом Э. Лювеллин указывает на наличие двойственного восприятия классического кроссовера со стороны массовой аудитории. Она утверждает, что, с одной стороны, стилевой синтез в музыке вызывает интерес у определенного круга почитателей вне зависимости «от расовой принадлежности, пола, возраста и социального статуса», а, с другой – вновь сформированная «смешанная» аудитория порождает спрос именно на указанный синтетический продукт, отвечающий ее чаяниям и вкусовым предпочтениям [5, 9].

В.Д. Конен также обращается к теории о «трех пластах» музыкальной культуры, но уже с позиции научного обоснования неизбежности зарождения синтеза, как закономерного процесса развития [7]. Исходя из теории, к первому пласту относят фольклор, как канон исторически сложившихся традиций, второму – классику, как эталонный образец «высокого» искусства, третьему – массовую музыку XX века. В ходе эволюции происходит длительный и поступательный процесс диалога культур, принадлежащих различным пластам, их взаимное обогащение и постепенное стирание границ. Кризисным периодам характерны скачкообразные ответные действия, порождающие новые явления в культурном пространстве различных видов искусства.

Предполагается, что возникновение *classical crossover* является результатом влияния тенденций постмодернизма. Посткультура прошлого века явилась реакцией протеста в отношении разделения культуры на различные слои и выражением отказа от бесконечного усложнения музыкальной формы, происходящих в преобразовательных инновационных процессах второго пласта. Очевидно, что полный разрыв с классическими устоями и представлениями в музыкальном искусстве в сложившихся исторических условиях был невозможен, а диалог с массовым искусством на фоне индустриализации и коммерческого интереса – перспективным и взаимовыгодным.

К основным идеям постмодернизма в музыкальном искусстве относят нарочитое (сознательное) смешение, мозаичность, коллажность отдельных элементов в едином целом; замена подлинника копией (как следствие потеря индивидуума в стилистике), полистилистика, контекстное изложение содержания; объединение противоположностей в одном музыкальном полотне и др. Именно данные качества впитал в себя вновь зарождающийся стиль *classical crossover*, как свободу творческих начал и вероятную возможность причастности к классическому искусству.

В российском профессиональном сообществе в большинстве исследований превалирует заинтересованность к теме классического кроссовера с уклоном в область эстрадного исполнительства представителей классической школы. Еще одно направление, наиболее обсуждаемое в музыкаловедческих кругах, связано с определением роли *classical crossover* и оценке значимости в социокультурном пространстве.

В этой части наблюдаются серьезные разногласия между противниками и сторонниками стиля. Первые не признают его феноменом, в целом, и указывают на вторичность идей, заимствованных от оригинальных произведений, в частности, а, следовательно, и потерю авторского начала в создании художественного произведения. А вторые – выделяют *classical crossover* в исключительное явление, соответствующее закономерному процессу развития современной музыки с особой миссией популяризации классического искусства, наделяя его признаками высокого уровня профессиональных исполнительских качеств.

К примеру, Ф.М. Шак, проводя анализ причинно-следственных связей возникновения стиля *classical crossover*, обращает внимание на отрицательное влияние коммерческой составляющей, считая такую экономическую зависимость не соответствующей «принципам высокого искусства», относящимся к создаваемым художественным произведениям музыкальной культуры [8, 322]. При этом А.Е. Кром уходит от ценностных характеристик классического кроссовера, указывая, что свобода в преодолении стилевых рамок являет собой «вектор эволюции – от «локального» искусства, ... к массовому» [5, 10].

Чтобы дать объективную характеристику classical crossover на современном этапе развития музыкальной культуры логично проанализировать наличие стилевой «рамочной» классификации по видам музыкальных сочинений, типу исполнительских форм, вариантам представления массовой аудитории. Очевидно, что такое разделение будет весьма условным, так как осуществляется в целях проведения ориентировочных конструкций в различных плоскостях «бытования» классического кроссовера.

Виды музыкальных сочинений, относящихся к стилю classical crossover в наиболее обобщенном приближении можно разделить на три группы, исходя из принципов и подходов по их созданию:

- интерпретация современных классических произведений. К их числу относятся ремейки, создание вариаций вокальных фрагментов инструментальных произведений, аранжировки арий из опер, неаполитанских песен, частей симфоний и др. К примеру, композиция из репертуара С. Брайтман «Anytime, Anywhere», являющаяся адаптированной версией «Adagio» Альбини;

- академическая переработка произведений поп-культуры. К ним относятся произведения, в которых стиль эстрадно-джазового звучания или рок-вокала после обработки приобретает оперный или симфонический окрас, облагораживаясь в тип классической подачи;

- создание новых произведений на принципах синтеза методов и приемов, присущих классическому и массовому искусству. Указанные произведения отличаются оригинальностью авторских идей. Им присущи такие качества, как наличие профессионального почерка в композиционном стиле изложения и свободное владение средствами музыкальной выразительности. Чаще всего такие произведения создают яркие представители стиля классического кроссовера.

Тип исполнительских форм у classical crossover понятийно не отличается от общепринятых в музыкальном искусстве и подразделяется на сольное и коллективное (ансамблевое) исполнения. Каждому из них присущи характерные черты, зависящие от сюжетно-идейной смысловой нагрузки. В профессиональном плане исполнители соло почти всегда являются классическими вокалистами с академической школой. Сольное выступление не редко сопровождается инструментальным звучанием в симфоническом ключе с нарочито ритмичным акцентом по типу эстрадных тенденций массовой культуры. Для придания дополнительной выразительности соло, в музыкальную ткань включают хоровые мотивы, как ассоциативную привязку к высокому оперному искусству. Характерными чертами ансамблевого исполнения является разнообразное звучание тембральных красок, наложение ритмов и мотивов инструментальных и вокальных партий.

Описание вариантов представления classical crossover массовой ауди-

тории сводится к типичным формам, существующим в настоящее время в массовой культуре. Наиболее распространенными принято считать концертные выступления, телевизионные трансляции и передачи, аудиозаписи в различных вариациях и интернет.

Отдельное внимание в развитии классического кроссовера необходимо уделить роли телевидения начиная со второй половины XX века. Оно открыло возможности для расширения горизонтов распространения классической музыки, представив экранное время для ее трансляции в различных форматах от концертов и оперных и музыкальных постановок до образовательно-познавательных программ, а также музыкальных оформлений передач, телеверсий, рекламных роликов и другого телеконтента.

Параллельно данным процессам происходит становление массовой культуры и популярная музыка в виде различных направлений стилей и жанров буквально врывается в телевизионное пространство. Доступность к массовому и классическому искусству становится не просто очевидной, она предоставляет возможность права выбора музыкальных предпочтений и, что является главенствующим, широкомасштабному формированию социального отношения к произведениям искусства, принадлежащим к различным пластам и их объединяющим синтетическим сплавам, коим является классический кроссовер. А, как мы упоминали выше, социальное мнение рождает спрос, мотивирующий выработку идей по реализации рыночных предложений.

Еще одной ступенью в развитии музыкальной индустрии является зарождение и стремительное развитие видеоклипов, трансляцию которых с большим успехом осуществляет телевидение. В отечественном телевизионном пространстве в 1981 году был создан отдельный канал под названием MTV. Музыкальные клипы, будучи сами по себе феноменом, в основе которого лежит синтетическая природа легко слились со стилем классического кроссовера.

Указанный союз оказался взаимовыгодным для продвижения массового продукта. Взаимность интереса заключается в том, что видеоклипы наполняются качественным музыкальным сопровождением, прочно завоевавшим «место под солнцем», а классический кроссовер обретает визуальную реализацию сюжетного замысла, привлекая дополнительный интерес зрителей и почитателей стиля.

Сегодня видео музыкальных клипов перешагнуло рамки телевизионных экранов и все более распространяется на просторах сети интернета с колоссальным числом просмотров, достигающих сотни тысяч кликов. Такое поглощение зрительского внимания подтверждает жизнеспособность аудиовизуального синтеза, включающего в себя не только слияние различных направлений, жанров и стилей музыкального искусства, но и визуальный ряд, использующий средства выразительности художествен-

но-изобразительных средств.

Примером клипов в стиле классического кроссовера может быть гимн закрытия барселонской Олимпиады, который прозвучал в исполнении Х. Каррераса и С. Брайтман и гармонично совмещал академическую и эстрадную подачу вокального совершенства.

Также огромное значение в развитии классического кроссовера занимает прорыв в сфере музыкальной технологизации. В 90-е годы прошлого века возрос интерес к использованию электронной музыки. Наиболее наглядно это прослеживается в массовой культуре с применением экранных искусств, систем усиления звука, что способствует большему охвату публичного участия зрителей [9].

В такие масштабные концерты не единожды приглашаются выдающиеся оперные певцы, которые исполняют классические произведения для массовой аудитории в условиях шоупространства. Примером тому могут служить популяризирующие классическую музыку гала-концерты «Трех теноров», ежегодные благотворительные концерты Jose Carreras Gala, которые проводятся с 1995 года на телевидении в Мюнхене. Яркими представителями стиля классического кроссовера являются Ребекка Олвера, Андреа Бочелли, Джошуа Гробана, Шарлотта Чёрч, Сиссель Киркьебе и др.

Еще один пример использования classical crossover в современной киноиндустрии можно привести, вспомнив партию инопланетной дивы из фантастического фильма «Пятый элемент» Л. Бессона (вышел в 1997 году). Указанная ария совмещает музыку оперного жанра и электронное звучание современной композиции, создавая особое ощущение космического мира, обволакивая гармонией классического естества и завораживающими фибрами электроники.

Подводя итог, можно сказать, что classical crossover является синтетическим стилем в современной музыкальной культуре. Его корни исходят из закономерно сложившегося взаимодействия элитарного и массового искусства в результате исторических преобразований в музыке эпохи постмодерна [10]. Учитывая высокую миссию популяризации академического искусства, classical crossover убедительно подтверждает высокий профессиональный уровень подачи произведений, отстаивая их причастность к эталонному качеству.

Вследствие синтеза тенденций классической и современной культуры classical crossover подвижен в выборе формы и содержания произведений, что приводит к гармоничному слиянию их частей в единое целое и созданию композиций, востребованных среди широких масс зрительской аудитории [11]. Популярность, в свою очередь, обеспечивает экономическую устойчивость стиля и возможность развития в рыночных отношениях музыкальной индустрии.

Библиографический список

1. Данько Л.И. Музыкальное направление classical crossover в современной аудиовизуальной культуре. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата искусствоведения. – СПб.: 2013. С. 6.
2. Цукер А.М. И рок, и симфония... – М.: Композитор, 1993. С. 39.
3. Гуревич С.Д. Динамика звука в кино: монография. – СПб.: РИИИ, 1992. 133 с.
4. Познин В.Ф. Аудиовизуальный продукт: технология плюс творчество: монография. – СПб.: СПбГУКиТ, 2006. 256 с.
5. Кром А.Е. Американский музыкальный минимализм и искусство кроссоверов: параллели и взаимодействия // А.Е. Кром. Музыкаведение, 2018. № 12. С. 8-11.
6. Росс А. Дальше – шум. Слушая XX век /Алекс Росс; пер. с англ. М.Калужского и А. Гиндиной – М.: Астрель: Corpus, 2012. 560 с.
7. Конен В. Д. Третий пласт. Новые массовые жанры в музыке XX века. – М.: Музыка, 1994. С. 10.
8. Шак Ф.М. Джаз и массовая музыка в социокультурных процессах второй половины XX – начала XXI века. Диссертация на соискание ученой степени доктора иск. – Ростов-на-Дону: Ростовская гос. консерватория им. С.В. Рахманинова, 2018. 366 с.
9. Новые аудиовизуальные технологии: учебное пособие / отв. ред. К. Э. Разлогов. – М.: Едиториал УРСС, 2005. 488 с.
10. Цилинко А.П., Илларионова Н.Н. Интеграция традиций в музыкальном стиле «кроссовер» как способ минимизации межпоколенческого ценностного раскола // Ученые записки Российского государственного социального университета. 2019. Т. 18. № 1. С. 100-106.
11. Попкова М.Д. Стилевое единство неклассической культуры XX века: поиски оснований: дис. ... канд. филос. наук: 24.00.01 / Попкова Марина Дмитриевна. – Тюмень, 2013. 166 с.
12. Рябова Е.Л., Терновая Л.О. Явные и скрытые смыслы забастовок // Власть истории и история власти. 2022. Т. 8. № 1 (35). С. 30-42.
13. Рябова Е.Л., Терновая Л.О. Боль разделенных городов - последствия геополитических игр // Власть истории и история власти. 2021. Т. 7. № 1 (27). С. 10-20.
14. Рябова Е.Л., Терновая Л.О. Геополитическая авантюра: цена внешнеполитического прощета в истории // Власть истории и история власти. 2021. Т. 7. № 5 (31). С. 515-524.
15. Рябова Е.Л., Терновая Л.О. Политизация образов истории повседневноности (на примере образа ворот) // Власть истории и история власти. 2021. Т. 7. № 7 (33). С. 782-791.
16. Рябова Е.Л., Терновая Л.О. Геополитические смыслы закрытых границ: размышления в связи с карантинном // Альманах Крым. 2020. № 20. С. 11-22.
17. Рябова Е.Л., Терновая Л.О. Экологические смыслы международного сотрудничества: все тайное становится явным // Власть истории и история власти. 2020. Т. 6. № 1 (19). С. 10-19.
18. Рябова Е.Л., Терновая Л.О. Геополитика в маске // Власть истории и история власти. 2020. Т. 6. № 4 (22). С. 500-511.
19. Рябова Е.Л., Терновая Л.О. Связь времен и смыслов: священные деревья // Миссия конфессий. 2019. Том 8. Часть 2 (№ 37). С. 133-142
20. Рябова Е.Л., Терновая Л.О. Итало-Российская торговая палата: торговые связи в конфигурации международных отношений // Миссия конфессий. 2018. Том 7. Часть 5. № 32. С. 585-595.
21. Рябова Е.Л. К вопросу о единстве образования и воспитания: институциональный дискурс // Альманах «Казачество», 2023. № 66 (1). С. 11-18.
22. Рябова Е.Л., Терновая Л.О. Острова и государственные границы: история, культура, столкновение цивилизаций // Власть истории – История власти. 2024. Том 10. Часть 7. № 57. С. 70-78.
23. Рябова Е.Л., Терновая Л.О. Академии наук и искусств в аспекте связи традиционных ценностей с модернизацией // Этносоциум и межнациональная культура. 2024. № 2 (188). С. 9-17.
24. Рябова Е.Л., Терновая Л.О. Символы границы и границы символов // Этносоциум и межнациональная культура. 2024. № 11 (197). С. 33-42.
25. Рябова Е.Л., Терновая Л.О. Возможности веб-квеста в изучении теории государственного управления // Этносоциум и межнациональная культура. 2024. № 1 (187). С. 9-18.

References

1. Danko L.I. The classical crossover musical trend in contemporary audiovisual culture. Abstract of a dissertation for the degree of candidate of art history. – SPb.: 2013. P. 6.
2. Zucker A.M. Both rock and symphony... – M.: Kompozitor, 1993. P. 39.
3. Gurevich S.D. Sound dynamics in cinema: monograph. – SPb.: RIII, 1992. 133 p.
4. Poznin V.F. Audiovisual product: technology plus creativity: monograph. – SPb.: SPbGUKiT, 2006. 256 p.
5. Krom A.E. American musical minimalism and the art of crossovers: parallels and interactions // A.E. Krom. Musicology, 2018. № 12. P. 8-11.
6. Ross A. Further - noise. Listening to the 20th century / Alex Ross; trans. from English by M. Kaluzhsky and A. Ginda - Moscow: Astrel: Corpus, 2012. 560 p.
7. Konen V. D. Third layer. New mass genres in the music of the 20th century. – Moscow: Muzyka, 1994. P. 10.
8. Shak F. M. Jazz and mass music in the socio-cultural processes of the second half of the 20th - early 21st century. Dissertation for the degree of Doctor of Arts. - Rostov-on-Don: Rostov State Conservatory named after S.V. Rachmaninov, 2018. 366 p.
9. New audiovisual technologies: textbook / ed. K. E. Razlogov. – M.: Editorial URSS, 2005. 488 p.
10. Tsilinko A.P., Illarionova N.N. Integration of Traditions in the Musical Style “Crossover” as a Way to Minimize the Intergenerational Value Split // Scientific Notes of the Russian State Social University. 2019. Vol. 18. № 1. P. 100-106.
11. Popkova M.D. Stylistic Unity of the Non-Classical Culture of the 20th Century: Search for Foundations: Dis. ... Cand. Philosophical Sciences: 24.00.01 / Popkova Marina Dmitrievna. – Tyumen, 2013. 166 p.
12. Ryabova E.L., Ternovaya L.O. The Obvious and Hidden Meanings of Strikes // The Power of History and the History of Power. 2022. Vol. 8. № 1 (35). P. 30-42.
13. Ryabova E.L., Ternovaya L.O. The Pain of Divided Cities - the Consequences of Geopolitical Games // The Power of History and the History of Power. 2021. Vol. 7. № 1 (27). P. 10-20.
14. Ryabova E.L., Ternovaya L.O. Geopolitical Adventure: The Price of Foreign Policy Miscalculation in History // The Power of History and the History of Power. 2021. Vol. 7. № 5 (31). P. 515-524.
15. Ryabova E.L., Ternovaya L.O. Politicization of Images of Everyday History (using the Image of a Gate as an Example) // The Power of History and the History of Power. 2021. Vol. 7. № 7 (33). P. 782-791.
16. Ryabova E.L., Ternovaya L.O. Geopolitical Meanings of Closed Borders: Reflections on Quarantine // Almanac Crimea. 2020. № 20. P. 11-22.
17. Ryabova E.L., Ternovaya L.O. Ecological meanings of international cooperation: everything secret becomes clear // The power of history and the history of power. 2020. Vol. 6. № 1 (19). P. 10-19.
18. Ryabova E.L., Ternovaya L.O. Geopolitics in a mask // The power of history and the history of power. 2020. Vol. 6. № 4 (22). P. 500-511.
19. Ryabova E.L., Ternovaya L.O. The connection of times and meanings: sacred trees // The mission of confessions. 2019. Vol. 8. Part 2 (№ 37). P. 133-142
20. Ryabova E.L., Ternovaya L.O. Italian-Russian Chamber of Commerce: Trade Relations in the Configuration of International Relations // Mission of Confessions. 2018. Vol. 7. Part 5. № 32. P. 585-595.
21. Ryabova E.L. On the Unity of Education and Upbringing: Institutional Discourse // Almanac “Cossacks”, 2023. № 66 (1). P. 11-18.
22. Ryabova E.L., Ternovaya L.O. Islands and State Borders: History, Culture, Clash of Civilizations // The Power of History - History of Power. 2024. Vol. 10. Part 7. № 57. P. 70-78.
23. Ryabova E.L., Ternovaya L.O. Academies of Sciences and Arts in the Aspect of the Connection of Traditional Values with Modernization // Ethnosociety and Interethnic Culture. 2024. № 2 (188). P. 9-17.
24. Ryabova E.L., Ternovaya L.O. Symbols of the Border and the Boundaries of Symbols // Ethnosociety and Interethnic Culture. 2024. № 11 (197). P. 33-42.
25. Ryabova E.L., Ternovaya L.O. Possibilities of a Web Quest in the Study of Public Administration Theory // Ethnosociety and Interethnic Culture. 2024. № 1 (187). P. 9-18.

Мефодьева М.А.

Кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных языков в сфере международных отношений ИМОИиВ, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань.

Садриева А.Н.

Кандидат культурологии, доцент кафедры художественного образования. Нижнетагильский государственный социально-педагогический институт (филиал) федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования Уральский государственный педагогический университет.

Малиш М.А.

Кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и политологии. Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина.

Проблемы сохранения мирового культурного наследия*

Аннотация. В статье освещаются проблемы сохранения мирового культурного наследия. Актуальность исследования обусловлена процессами цифровой глобализации мирового культурного пространства, появлением цифровых способов презентации и трансляции культурно-исторических объектов, а также глобальными политическими вызовами, ростом военно-политических конфликтов, стихийных бедствий, угрожающих сохранению памятников культуры. На основе анализа понятий «культура», «культурные ценности», «культурное наследие» установлено, что культурное наследие отражает совокупность объектов материальной и нематериальной культуры, характеризующихся ценностной значимостью для будущих поколений. Проанализированы причины разрушения материальных объектов культуры, правовые основы охраны, сохранения и популяризации мирового культурного наследия. Сделан вывод, что в современном цифровом мире происходит трансформация мирового культурного наследия в виртуально-цифровую среду, формируется новое виртуальное пространство мировой культуры, появляются новые цифровые способы сохранения, презентации и трансляции объектов материального и нематериального мирового культурного наследия.

Ключевые слова: культура, культурные ценности, мировое культурное наследие, археологические объекты, нематериальные объекты культуры, цифровое культурное наследие.

Mefodeva M.A.

Associate professor, Department of Foreign Languages in International Relations, Institute of International Relations, History and Oriental Studies Kazan (Volga region) Federal University.

* © Мефодьева М.А., Садриева А.Н., Малиш М.А., 2025.

Sadrieva A.N.

Candidate of Cultural Studies, Associate Professor of the Department of Art Education. Nizhny Tagil Nizhny Tagil State Social and Pedagogical Institute (branch) of the Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education Ural State Pedagogical University.

Malish M.A.

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of History and Political Science. Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin.

Problems of preserving world cultural heritage

Abstract. The article highlights the problems of preserving world cultural heritage. The relevance of the study is determined by the processes of digital globalization of the world cultural space, the emergence of digital methods of presentation and transmission of cultural and historical objects, as well as global political challenges, the growth of military-political conflicts, natural disasters that threaten the preservation of cultural monuments. Based on the analysis of the concepts of "culture", "cultural values", "cultural heritage", it was established that cultural heritage reflects a set of objects of material and intangible culture, characterized by value significance for future generations. The causes of the destruction of material cultural objects, the legal basis for the protection, preservation and popularization of world cultural heritage are analyzed. It is concluded that in the modern digital world, the world cultural heritage is being transformed into a virtual-digital environment, a new virtual space of world culture is being formed, new digital methods of preserving, presenting and broadcasting objects of material and intangible world cultural heritage are appearing.

Key words: culture, cultural values, world cultural heritage, archaeological sites, intangible cultural objects, digital cultural heritage.

Введение

Проблемы сохранения мирового культурного наследия в настоящее время не теряют своей актуальности. Под действием природных и антропогенных факторов происходит нарушение целостности культурных объектов, продолжается разрушение и уничтожение культурно-исторических памятников. Разнообразны причины разрушения мирового культурного наследия: военно-политические конфликты на территориях расположения культурно-исторических памятников и культурно-исторических ландшафтов, неправомерная деятельность коммерческих или хозяйственных предприятий, разрушительные природные явления. Внимания требуют и вопросы сохранения объектов нематериального культурного наследия, к которому относятся языки, фольклор, традиции, обычаи и верования, традиционные уклады жизни и представления об устройстве мира у разных народностей и народов мира.

Культурное наследие является многоаспектным феноменом, в котором находят отражение социально-политический и природный контексты, определяющие механизмы его сохранения и трансляции. К настоящему времени отечественными и зарубежными учеными разработаны фундаментальные теоретические и практические основы систематизации археологического наследия, обобщен обширный материал по вопросам государственной охраны и реконструкции материальных объектов культуры, а также систематизации и сохранения объектов нематериального культурного наследия [5; 6; 9]. В эпоху цифровой глобализации общества мировое культурное наследие трансформируется в цифровой формат, что создает новый феномен цифрового культурного наследия и новые способы сохранения, презентации и трансляции объектов мировой культуры [4; 13].

В современных условиях проявления глобальных политических вызовов, роста числа военно-политических противоречий и конфликтов во всем мире, природных стихийных бедствий, угрожающих сохранению памятников культуры, а также цифровой глобализации мирового культурного пространства по-новому ставятся вопросы о сохранении материальных и нематериальных культурно-исторических объектов мировой культуры. Появление новых вызовов и угроз современного мира, новых цифровых способов презентации и трансляции культурно-исторических объектов актуализирует вопросы сохранения мирового культурного наследия, которые сегодня являются предметом активного научно-практического дискурса.

Результаты и обсуждение

Проблемы сохранения мирового культурного наследия решаются в контексте анализа основных теоретических подходов и нормативно-правового осмысления понятий «культура», «культурные ценности», «культурное наследие». Культура как общественное явление, по мнению Г.М. Шаповаловой, «представляет совокупность материальных и духовных ценностей (ресурсов), а также средств и способов их создания и умение использовать эти ресурсы для эволюционного развития человечества» [13, с. 86]. В современном цифровом мире возникают новые цифровые технологии, которые привели к возникновению цифровой формы культуры [4]. К цифровому культурному наследию относятся «не только цифровые объекты, имеющие культурную ценность, но и способы их создания, хранения и воспроизведения, которые сами являются элементами культуры» [4, с. 136].

В научном дискурсе, наряду с термином «культурное наследие», широкое распространение получило понятие «культурные ценности». Культурные ценности, согласно О.С. Нагорной, Е.В. Ерохиной, представляют собой «материальные и духовные объекты, созданные в результате творче-

ской и интеллектуальной деятельности человечества, воплощающие историю, обычаи и традиции многих поколений» [6, с. 91]. Культурное наследие, по мнению Е.С. Стрибко, определяется как «совокупность объектов материальной и нематериальной культуры, созданных предшествующими поколениями для дальнейшей передачи последующим поколениям с целью установления связи с прошлым» [9, с. 228]. Объекты культурного наследия, с точки зрения Е.Л. Красновой, представляют «совокупность материальных свидетельств прошлого, ценность которых проверена временем и сознательным стремлением людей сохранить их для будущих поколений» [4, с. 137]. Данные понятия практически идентичны и отражают ценностную значимость материальных и нематериальных объектов культуры. Замена определения «культурная ценность» общим понятием «культурное наследие» «обусловлена стремлением к воссоединению культурных ценностей в единое культурное пространство – культурное наследие – и служит выражением энтропийных процессов, протекающих в социокультурной сфере» [5, с. 7].

Понятие «культурное наследие» сравнительно новое, связано с принятием ЮНЕСКО в 1972 г «Конвенции об охране всемирного культурного и природного наследия» [2]. Конвенция определяет перечень объектов мирового культурного наследия, в который входят «памятники: произведения архитектуры, монументальной скульптуры и живописи, элементы или структуры археологического характера, надписи, пещеры и группы элементов, которые имеют выдающуюся универсальную ценность с точки зрения истории, искусства или науки; ансамбли: группы изолированных или объединенных строений, архитектура, единство или связь с пейзажем которых представляют выдающуюся универсальную ценность с точки зрения истории, искусства или науки; достопримечательные места: произведения человека или совместные творения человека и природы» [2].

В Конвенции определена необходимость государственной охраны, сохранения и популяризации культурного наследия. В настоящее время во всем мире реализуются программы по популяризации значимости сохранения культурного наследия, совершенствуются правовые механизмы в сфере сохранения культурно-исторических памятников, обладающих культурной ценностью. Как пишут О.С. Нагорная, Е.В. Ерохина, «на сегодняшний момент в мире продолжается трансформация правового законодательства по защите культурного достояния, ведутся многочисленные реставрации и работы по восстановлению разрушенных объектов» [6, с. 95].

Как и в прошлые исторические эпохи так и в настоящее время имеют место антропогенные и природные угрозы, создающие риски для сохранения культурно-исторического наследия, о чем говорилось выше. В современном мире «всемирное культурное наследие противостоит новым

по своему типу и масштабу угрозам: демонстративное полное уничтожение шедевров мировой цивилизации экстремистами, незаконная продажа экспонатов в целях финансирования терроризма, непредсказуемые природные катаклизмы» [6, с. 91]. Военный конфликт в Ираке в 2003-2011 гг. нанес значительный ущерб культурно-историческому наследию страны. В ходе военного противостояния в 2003 г. был разграблен Багдадский музей, значительная часть здания и музейных экспонатов были уничтожены, из музейных хранилищ вынесены многие реликвии, относящиеся к древней цивилизации шумеров. Культурные ценности целого ряда стран – Ирака, Ливии, Сирии, Мали, с 2014 г подвергаются систематическому разрушению. Было уничтожено более половины древних артефактов музея Мосула, три погребальные башни в Долине гробниц, в городе Бусра поврежден крупнейший античный амфитеатр Сирии – символы цивилизации Древнего мира. В Сирии только за 2014 г, согласно данным международного научного института UNOSAT, было безвозвратно уничтожено 24 объекта культурного наследия, повреждены 290 памятников [11]. Как пишут О.С. Нагорная, Е.В. Ерохина, «ущерб, нанесенный объектам мирового наследия, невозможно оценить точно, – часть из них была вывезена контрабандой и попала через черный рынок в частные коллекции» [6, с. 92]. Угрозы разрушения и разграбления мирового культурного наследия во время военных конфликтов требуют от мирового сообщества создания эффективного комплекса мер обеспечения охраны культурных ценностей в кризисной экологической и геополитической ситуации. Необходим комплексный анализ действующих международно-правовых механизмов защиты культурных ценностей в период вооруженных конфликтов с целью реализации мер по их совершенствованию.

Частью национальной культуры является нематериальное культурное наследие, которое оказывает влияние на формирование идентичности народов, имеет определяющее воздействие на многие социально-экономические, политические, культурно-бытовые сферы жизни народов мира. Внимание мирового научного сообщества к объектам нематериального культурного наследия привело к принятию 17 октября 2003 г международной Конвенции «Об охране нематериального культурного наследия», согласно которой нематериальное культурное наследие отражает «обычаи, формы представления и выражения, знания и навыки, – а также связанные с ними инструменты, предметы, артефакты и культурные пространства, – признанные сообществами, группами и, в некоторых случаях, отдельными лицами в качестве части их культурного наследия» [3]. Как отмечает Ю.А. Чулисова, «поскольку передача нематериальных ценностей осуществляется непосредственно от поколения к поколению, объекты нематериального культурного наследия должны постоянно воссоздаваться обществом, поскольку это память, которую легко утратить»

[12, с. 118]. В настоящее время осмысление теоретико-методологических подходов к определению объектов нематериального культурного наследия, а также «изучение и систематизация действующего законодательства, направленного на охрану таких объектов, с целью дальнейшей выработки предложений по повышению его эффективности» [12, с. 115] продолжают оставаться актуальным в сфере сохранения нематериальных объектов мирового культурного наследия.

Памятники культурного наследия являются собственностью государства, и вопросы их сохранения имеют важное значение в культурной политике государств. В настоящее время объекты культурного наследия обладают «достаточно высокой инвестиционной привлекательностью, что, в свою очередь, дает возможность содержать объекты культурного наследия в надлежащем состоянии» [9, с. 230]. Важной задачей государственной политики в сфере культуры, как отмечалось выше, является сохранение нематериального культурного наследия, которое отражает «совокупность присущих этнической, социальной или конфессиональной группе духовных, интеллектуальных и нравственно-этических ценностей, являющихся отражением культурной и национальной самобытности» [12, с. 119].

Материальные и нематериальные объекты культуры народов, населяющих территорию РФ, являются неотъемлемой частью всемирного культурного наследия. В настоящее время государственная политика в области сохранения культурного наследия в РФ отражена в ряде федеральных и региональных нормативно-правовых актов. Вопросы охраны и использования памятников культуры отражены в Стратегии государственной культурной политики на период до 2030 года [7], регулируются Федеральным законом РФ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов РФ» № 73-ФЗ от 25 июня 2002 г. [10], нормами Градостроительного Кодекса РФ № 190-ФЗ от 29 декабря 2004 г. [1], основным принципом которого является соблюдение требований сохранения объектов культурного наследия. В Стратегии государственной культурной политики на период до 2030 года отмечается, что «к наиболее опасным для будущего Российской Федерации возможным проявлениям гуманитарного кризиса можно отнести: деформация исторической памяти, негативная оценка значительных периодов отечественной истории, распространение ложного представления об исторической отсталости Российской Федерации» [7]. Согласно основным направлениям культурной политики РФ, государство гарантирует сохранность объектов культурного наследия народов РФ в интересах настоящих и будущих поколений, а «одной из приоритетных задач органов государственной власти РФ и органов государственной власти субъектов РФ должна являться государственная охрана объектов историко-культурного наследия» [8, с. 214]. Необходимо обратить внимание на ряд проблем, существующих в сфере охраны объектов

культурного наследия. Анализируя состояние охраны археологических объектов в РФ, В.В. Озеров отмечает проблемы присутствия археологических объектов на территориях новостроек и хозяйственного освоения земель, проведение несанкционированных раскопок, влияние природных факторов, разрушающих целостность культурных объектов [8].

Важной задачей в сфере сохранения объектов культурного наследия продолжает оставаться их систематизация. В соответствии с Концепцией сохранения и развития нематериального культурного наследия был создан каталог объектов нематериального наследия народов РФ, представляющий «информационную систему, включающую в себя банк данных объектов нематериального культурного наследия народов (идентификация, документирование, исследование), единство и сопоставимость которых обеспечиваются за счет общих принципов формирования, методов и формы ведения каталога» [12, с. 118]. Однако, как пишет В.В. Озеров, «несмотря на то, что в нашей стране создается единая государственная система мониторинга археологического наследия, до настоящего времени в официальных документах нет точных статистических сведений о состоянии археологического наследия в РФ» [8, с. 16], что требует совершенствования системы мониторинга материальных и нематериальных объектов культуры.

Приоритетным направлением в сохранении культурного наследия является его цифровая трансформация, которая предполагает создание качественной цифровой копии объектов культуры. Достоинством цифровой трансформации объектов культуры является то, что «материалы оцифровки вводятся в специализированные базы (или облачные хранилища), которые впоследствии могут использоваться для помощи в реставрации предметов, для создания высококачественных копий, 3D-моделирования предметов, онлайн-каталогов, виртуальных выставок, мультимедийного сопровождения реальных экспозиционных или выставочных проектов, а также мобильных приложений и образовательных программ» [4, с. 134]. Важность оцифровки музейных и архивных фондов обусловлена возможностью сохранения предметов культуры, «которые подвержены физическому разрушению, а также последующему использованию полученной информации в различных целях» [4, с. 134].

Заключение

Проблемы сохранения мирового культурного наследия раскрыты в контексте понимания понятий «культура», «культурные ценности», «культурное наследие», «цифровое культурное наследие». Культурное наследие понимается как совокупность объектов материальной и нематериальной культуры, характеризующихся ценностной значимостью для будущих поколений. Раскрыты правовые основы государственной охраны, сохра-

нения и популяризации культурного наследия. Описаны причины разрушения мирового культурного наследия: военно-политические конфликты, неправомерная деятельность коммерческих или хозяйственных предприятий, разрушительные природные явления. Сделан вывод, что в современном цифровом мире происходит трансформация мирового культурного наследия в виртуально-цифровую среду, формируется новое виртуальное пространство мировой культуры, появляются новые цифровые способы сохранения, презентации и трансляции объектов материального и нематериального мирового культурного наследия.

Библиографический список

1. Градостроительный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 г. № 190-ФЗ (ред. от 02.07.2021 г.) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.10.2021 г.). // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_51040/ (Дата обращения: 18.05.2025).
2. Конвенция об охране всемирного культурного и природного наследия. // URL: <https://whc.unesco.org/archive/convention-ru.pdf> (Дата обращения: 19.05.2025)
3. Конвенция об охране нематериального культурного наследия. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/cultural_heritage_conv.shtml?ysclid=mav1ttv5a2638314226 (Дата обращения: 19.05.2025)
4. Краснова Е.Л. Сохранение и трансляция культурного наследия в цифровую эпоху: к построению модели // Музей. Памятник. Наследие. 2022. № 1 (11). С. 134-140.
5. Курьянова Т.С. Сохранение и актуализация культурного наследия: учебное пособие / науч. ред. О.М. Рындина. Томск: Издательский Дом ТГУ, 2014. 82 с.
6. Нагорная О.С., Ерохина Е.В. Проблема сохранения объектов культурного наследия: от национального к глобальному измерению // Вестник Совета молодых учёных и специалистов Челябинской области. 2016. №1 (12). Т.1. С. 91-96.
7. Об утверждении Стратегии государственной культурной политики на период до 2030 года: распоряжение Правительства РФ от 29.02.2016 № 326-п. // URL: <http://www.pravo.gov.ru> (Дата обращения: 17.05.2025).
8. Озеров В.В. Актуальные вопросы сохранения объектов культурного наследия // Археология евразийских степей. 2022. № 1. С. 213-219.
9. Стрибко Е.С. Проблема обеспечения сохранности культурного наследия в современных реалиях // Электронный научный журнал «Век качества». 2022. № 2. С. 226-234. // URL: <http://www.agequal.ru/pdf/2022/222015.pdf>.
10. Федеральный закон от 25.06.2002 N 73-ФЗ (ред. от 26.12.2024) «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 13.01.2025). // URL: <https://www.zakonrf.info/doc-15548436/?ysclid=mauz8vkw581129> (Дата обращения: 19.05.2025).
11. Чернядьева А.С. Защита культурных ценностей во время вооруженных конфликтов. Некоторые аспекты // Океанский менеджмент. 2021. № 4 (13). С. 21-24.
12. Чулисова Ю.А. Конституционно-правовая охрана объектов нематериального культурного наследия в России: проблемы и перспективы развития // Известия Саратовского университета. 2022. Т. 22. Вып. 1. С. 114-122.
13. Шаловалова Г.М. «Цифровая культура» и «цифровое наследие» – доктринальные дефиниции в области культуры на этапе развития современного российского законодательства // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. 2018. Т. 10. № 4. С. 81-89.

References

1. Urban Development Code of the Russian Federation of 29.12.2004 № 190-FZ (as amended on 02.07.2021) (as amended and supplemented, entered into force on 01.10.2021). // URL: <http://www.>

consultant.ru/document/cons_doc_LAW_51040/ (18.05.2025).

2. Convention for the Protection of the World Cultural and Natural Heritage. // URL: <https://whc.unesco.org/archive/convention-ru.pdf> (19.05.2025)

3. Convention for the Safeguarding of the Intangible Cultural Heritage. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/cultural_heritage_conv.shtml?ysclid=mav1ttv5a2638314226 (Accessed: 19.05.2025)

4. Krasnova E.L. Preservation and transmission of cultural heritage in the digital age: towards building a model // Museum. Monument. Heritage. 2022. № 1 (11). P. 134-140.

5. Kuryanova T.S. Preservation and actualization of cultural heritage: a tutorial / scientific. ed. O.M. Ryndina. Tomsk: Publishing House of TSU, 2014. 82 p.

6. Nagornaya O.S., Erokhina E.V. The Problem of Preserving Cultural Heritage Sites: From National to Global Dimensions // Bulletin of the Council of Young Scientists and Specialists of the Chelyabinsk Region. 2016. № 1 (12). Vol. 1. P. 91-96.

7. On Approval of the Strategy of State Cultural Policy for the Period up to 2030: Order of the Government of the Russian Federation of 02/29/2016 № 326-р. // URL: <http://www.pravo.gov.ru> (05.17.2025).

8. Ozerov V.V. Actual Issues of Preserving Cultural Heritage Sites // Archeology of the Eurasian Steppes. 2022. № 1. P. 213-219.

9. Stribko E.S. The Problem of Ensuring the Preservation of Cultural Heritage in Modern Realities // Electronic Scientific Journal «Century of Quality». 2022. № 2. P. 226-234. // URL: <http://www.agequal.ru/pdf/2022/222015.pdf>.

10. Federal Law of 25.06.2002 N 73-FZ (as amended on 26.12.2024) «On Cultural Heritage Sites (Historical and Cultural Monuments) of the Peoples of the Russian Federation» (as amended and supplemented, entered into force on 13.01.2025). // URL: <https://www.zakonrf.info/doc-15548436/?ysclid=mauza8vkwk581129> (19.05.2025).

11. Chernyadyeva A.S. Protection of cultural property during armed conflicts. Some aspects // Ocean management. 2021. № 4 (13). P. 21-24.

12. Chulisova Yu.A. Constitutional and legal protection of intangible cultural heritage objects in Russia: problems and development prospects // Bulletin of the Saratov University. 2022. Vol. 22. Issue. 1. P. 114-122.

13. Shapovalova G.M. «Digital culture» and «digital heritage» - doctrinal definitions in the field of culture at the stage of development of modern Russian legislation // Territory of new opportunities. Bulletin of the Vladivostok State University of Economics and Service. 2018. Vol. 10. № 4. P. 81-89.

Ло Ни

Аспирант. Российский Государственный Педагогический Университет имени А.И. Герцена.

Становление и развитие хоровой музыки в Китае в середине XX века: историко-культурный анализ*

Аннотация. Статья представляет собой комплексное исследование исторических и культурных предпосылок формирования хоровой музыки в Китае в середине XX века. В работе анализируются ключевые факторы, определившие развитие национальной хоровой традиции: социально-политические изменения после образования КНР, реформы в системе музыкального образования, а также культурные взаимодействия с Западом, включая влияние христианских миссионеров и советской хоровой школы. Особое внимание уделяется роли жанра «школьной песни» как переходного звена между традиционной и современной музыкой, деятельности Ли Шутуна – одного из основоположников китайского хорового искусства, а также вкладу Левого музыкального движения в популяризацию массовой хоровой культуры. Отдельно рассматривается новаторство выдающихся композиторов – Не Эра и Сянь Синхая, чьи произведения сочетали европейские полифонические техники с китайскими мелодическими и ритмическими элементами. В заключении делается вывод о значении этого периода для становления уникального китайского хорового стиля, интегрировавшего национальные традиции в мировое музыкальное пространство.

Ключевые слова: хоровая музыка, Китай, школьная песня, музыкальное движение, музыкальное образование, национальный стиль, культурный синтез.

Lo Ni

Postgraduate Student of A.I. Herzen Russian State Pedagogical University.

The formation and development of choral music in China in the middle of the 20th century: historical and cultural analysis

Abstract. The article is a comprehensive study of the historical and cultural prerequisites for the formation of choral music in China in the middle of the 20th century. The paper analyzes the key factors that determined the development of the national choral tradition: socio-political changes af-

* © Ло Ни, 2025.

Становление и развитие хоровой музыки в Китае в середине XX века: историко-культурный анализ

ter the formation of the PRC, reforms in the music education system, as well as cultural interactions with the West, including the influence of Christian missionaries and the Soviet choral school. Special attention is paid to the role of the “school song” genre as a transitional link between traditional and modern music, the activities of Li Shutong, one of the founders of Chinese choral art, as well as the contribution of the Left-wing Musical Movement to the popularization of mass choral culture. The innovation of the outstanding composers Nie Er and Xian Xinghai, whose works combined European polyphonic techniques with Chinese melodic and rhythmic elements, is considered separately. In conclusion, it is concluded that this period was important for the formation of a unique Chinese choral style that integrated national traditions into the world musical space.

Key words: choral music, China, school song, musical movement, musical education, national style, cultural synthesis.

Китайская хоровая культура представляет собой уникальный феномен в мировом музыкальном искусстве, поскольку её становление произошло лишь в XX столетии, несмотря на многотысячелетнюю историю музыкальных традиций Поднебесной. «Исторически китайское хоровое пение является очень молодым видом искусства. Оно сложилось под влиянием комплекса эволюционно-исторических факторов, которые обусловили появление хорового исполнительства в начале XX века» [5, с. 104].

Многовековой опыт национального музыкального искусства базировался на традициях монодического пения, создавшего в Китае неповторимые образцы одноголосной культуры. Однако именно середина XX века стала переломным периодом, когда под влиянием комплекса исторических, политических и культурных факторов происходило активное формирование национальной хоровой традиции. «...одной из ярких примечательных особенностей китайской хоровой музыки является то, что она отражает политический контекст истории китайского народа в разные периоды времени» [1, с. 205]. Анализ исторических и культурных предпосылок развития хоровой музыки в Китае середины XX века позволяет выявить механизмы формирования национальной музыкальной идентичности в условиях глобальных политических трансформаций.

Развитие хоровой музыки в Китае середины XX века неразрывно связано с кардинальными социально-политическими изменениями, происходившими в стране на протяжении первой половины столетия. Ключевыми историческими событиями, определившими вектор развития музыкального искусства, стали Синьхайская революция 1911 года, Движение четвертого мая 1919 года, антияпонская война сопротивления (1937-1945) и образование Китайской Народной Республики в 1949 году.

Синьхайская революция положила конец феодальной системе и открыла путь к модернизации китайского общества, включая сферу образования и культуры. Падение имперской власти создало условия для проникновения западных идей и культурных практик, среди которых важное

место заняли новые формы музыкального образования.

Движение четвертого мая 1919 года стало мощным катализатором культурных преобразований, провозгласив необходимость модернизации китайской культуры через синтез национальных традиций с достижениями мировой цивилизации. Интеллектуальная элита Китая осознала необходимость создания такой культурной продукции, которая была бы одновременно национальной по содержанию и современной по форме.

Период антияпонской войны сопротивления (1937-1945) оказал решающее влияние на характер и направление развития китайской хоровой музыки. Военное время потребовало мобилизации всех духовных ресурсов нации, и музыка стала одним из важнейших инструментов патриотического воспитания. В этот период хоровая музыка окончательно утвердилась как массовое искусство, способное объединять людей в едином порыве.

Проникновение хорового пения в китайскую музыкальную культуру происходило через несколько основных каналов. Первым и наиболее значимым стало распространение христианства, принесшего с собой традиции церковного многоголосия. Христианские общины, возникавшие в крупных городах, регулярно исполняли гимны и духовные композиции, знакомя китайских слушателей с принципами западного многоголосия. Христианские школы, открывавшиеся при миссиях, стали первыми учебными заведениями в Китае, где систематически изучались основы западной музыки. В этих школах китайские учащиеся получали практические навыки хорового пения, осваивали нотную грамоту и знакомились с принципами гармонии.

Вторым важным фактором стала модернизация системы образования. Создание школ европейского типа потребовало разработки новых учебных программ, включавших музыкальное воспитание. Урок музыки, введенный в начальных и средних школах, стал основной площадкой для распространения хорового пения среди широких слоев населения.

Третьим каналом проникновения западных музыкальных традиций стала деятельность китайских студентов, обучавшихся в России, Европе и Америке. Возвращаясь на родину, они привозили с собой знания, умения и навыки, которые внедряли в китайскую практику, активно адаптируя музыкальные традиции других стран к восточному контексту.

Становление китайской хоровой музыки неразрывно связано с развитием специфического жанра «школьной песни», который возник в начале XX века в контексте образовательных реформ. Этот жанр представлял собой уникальный синтез западных мелодических структур с китайскими поэтическими текстами и явился первой формой организованного коллективного музицирования в современном Китае.

Пионером жанра «школьной песни» стал выдающийся деятель культуры Ли Шутун (1880-1942), чья многогранная деятельность охватывала

музыку, педагогику, каллиграфию и театральное искусство. В 1905 году он опубликовал сборник «Коллекция национальных песен», заложив основы нового музыкального жанра. Ли Шутун разработал инновационный подход к созданию песен, сочетая европейские мелодии с текстами на китайском языке, а также используя традиционные китайские напевы в современной обработке. «Китайские музыканты начали использовать в своем творчестве богатый национальный песенный материал, приобщая школьников к хоровому исполнительству» [4, с. 142]. Наиболее значимым достижением Ли Шутуна стало введение приемов многоголосия в китайскую музыку.

Середина 1930-х годов ознаменовалась возникновением Левого музыкального движения, которое кардинально изменило характер и функции хоровой музыки в китайском обществе. Это движение, возникшее под влиянием марксистской идеологии, провозгласило необходимость создания музыки, отражающей интересы трудящихся масс и способной мобилизовать народ на борьбу против внешних агрессоров. Программные установки Левого музыкального движения включали несколько ключевых принципов: музыка выступала орудием классовой борьбы и национального освобождения, содержание музыкальных произведений было призвано отражать жизнь трудящихся масс, широкая аудитория нуждалась в доступных формах музыкальных произведений.

Ведущими фигурами Левого музыкального движения стали композиторы Не Эр (1912-1935) и Сянь Синхай (1905-1945), чье творчество определило основные направления развития китайской хоровой музыки. Не Эр создал «Марш добровольческой армии», ставший государственным гимном КНР. Он заложил основы патриотической массовой песни, способной выражать национальные чувства в доступной для широких масс форме.

Музыкальный язык Не Эра отличался простотой и выразительностью. Он использовал яркие, запоминающиеся мелодии, основанные на народных интонациях, и простые гармонии, доступные для понимания массовой аудитории. При этом его произведения не утрачивали художественной ценности, демонстрируя возможность создания высококачественной музыки на основе демократических принципов. «События, которые развивались в Китае, диктовали тематику и характер произведений для хоров. Произведения стали воспевать китайский народ, поднимать его боевой дух и прививать огромную и чистую любовь к Родине. В хоровых произведениях использовались простые и понятные мотивы, которые быстро запоминались и могли в последствии напеваться всеми – от детей до стариков» [2, с. 63].

Сянь Синхай развил традиции массовой песни, подняв их до уровня масштабных хоровых форм. Его вершиной творчества стала патриотическая кантата «Хуанхэ» («Жёлтая река»), созданная в 1939 году. Это

монументальное произведение, сочетающее народные мелодии с симфонической разработкой, стало символом китайской национальной музыки XX века. Кантата для солистов, хора и симфонического оркестра стала вершиной китайской хоровой музыки первой половины XX века и образцом успешного синтеза европейских композиторских техник с национальным музыкальным материалом. Как отмечают исследователи китайской музыки, «Хуанхэ» продемонстрировала возможности создания крупномасштабных сочинений с отчетливой национальной спецификой и явилась поворотным пунктом в развитии китайского хорового искусства.

Одним из ключевых достижений китайской хоровой музыки середины XX века стало успешное решение проблемы создания национального стиля в рамках заимствованных западных жанров и форм. Китайские композиторы разработали оригинальную методологию синтеза, основанную на принципе органического соединения европейских композиторских техник с традиционными элементами китайской музыкальной культуры.

Основными компонентами национального стиля стали:

- использование пентатонических ладов, характерных для традиционной китайской музыки;
- включение в партитуры традиционных национальных инструментов;
- обращение к региональным музыкальным диалектам и фольклорным интонациям;
- использование поэтических текстов классической китайской литературы;
- применение специфических вокальных приемов, характерных для традиционного китайского пения.

Развитие хоровой музыки в Китае в середине XX века сопровождалось активным поиском баланса между западными композиционными техниками и традиционными китайскими музыкальными принципами. Пентатонические лады, лежащие в основе многовековой китайской музыкальной культуры, выступали как ключевые элементы гармонического языка. Композиторы этого периода, такие как Сянь Синхай и Не Эр разработали методы построения многоголосных хоровых текстур на основе пентатоники, что позволяло сохранять национальный колорит даже при использовании европейских форм – фуги, кантаты, оратории.

К особенностям гармонизации пентатоники в хоровой музыке можно отнести:

1. Модальная гармония – вместо классических мажоро-минорных аккордов использовались кластеры и кварто-квинтовые созвучия, что создавало прозрачное, но узнаваемо китайское звучание.
2. Имитация народных инструментов – хоровые партии часто имитировали тембры пипы, эрху и гуциня через специфическое голосоведение и микрохроматику.

3. Синтез с европейской полифонией – в произведениях «Желтая река» (Сянь Синхай) и «Марш добровольцев» (Не Эр) пентатонические мелодии сочетаются с контрапунктической разработкой.

Процесс формирования национального стиля не был механическим соединением восточных и западных элементов. Он требовал глубокого понимания особенностей обеих музыкальных традиций и творческого подхода к их синтезу. Китайские композиторы должны были не только освоить западную технику композиции, но и переосмыслить её в контексте национальной культурной традиции. «Самая важная социальная роль хоровой музыки в Китае за последние 100 лет заключается именно в том, что она выполняла различные исторические миссии в разные периоды существования государства, продвигала разные темы современности и подчеркивала патриотизм и коллективизм, красной нитью прошедший через разные исторические периоды» [3, с. 355].

Исторические и культурные предпосылки развития хоровой музыки в Китае середины XX века представляют собой сложный комплекс взаимосвязанных факторов, определивших уникальный характер этого феномена. Социально-политические трансформации, связанные с национально-освободительной борьбой, создали мощную мотивацию для развития массовых форм музыкального искусства. Культурные контакты с Западом обеспечили доступ к новым художественным технологиям и жанровым формам. Образовательные реформы создали институциональную основу для распространения хорового пения среди широких слоев населения.

Ключевым достижением периода стало формирование оригинальной эстетической концепции, основанной на принципе творческого синтеза восточных и западных музыкальных традиций. Китайские композиторы доказали возможность создания подлинно национального искусства в рамках заимствованных художественных форм, заложив основы для дальнейшего развития китайской хоровой культуры.

Таким образом, опыт развития хоровой музыки в Китае середины XX века представляет значительный интерес для понимания механизмов культурной адаптации и формирования национальной идентичности в условиях социокультурных трансформаций. Успешное решение проблемы синтеза традиций и инноваций, достигнутое китайскими музыкантами, может служить моделью для других национальных культур, стоящих перед аналогичными вызовами сохранения культурной самобытности.

Библиографический список

1. Ван Ч. К вопросу о формировании в Китае хорового искусства // Музыкальная культура глазами молодых ученых : Сборник научных трудов XVII Международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 09–11 декабря 2021 года / Ред.-сост. Н.И. Верба, научн. редактор Р.Г. Шитикова. Том Выпуск 17. – Санкт-Петербург: Центр научно-информационных технологий «Астерион», 2022. С. 203-205.

2. Дай Л. Школьные песни как основа формирования китайского хорового искусства в начале XX века // Мировые стратегии РАЗВИТИЯ НАУКИ и образования в новой реальности: междисциплинарные исследования: Материалы I Международной научно-практической конференции, Краснодар, 29–30 января 2024 года. – Краснодар: Издательство «Наука и технологии», 2024. С. 62–65.
3. Дунсян Ч. Возникновение хорового искусства Китая в историческом контексте // Бизнес. Образование. Право. 2022. № 4 (61). С. 350–357.
4. Лежнева Т.М. Роль школьной песни «Сюе Тан Юэй Ге» в китайской хоровой культуре // Научно-практические аспекты современного хорового искусства и образования: сборник статей по материалам VII и VIII Всероссийских конференций «Герценовские хоровые ассамблеи: научно-практические аспекты современного хорового искусства и образования», Санкт-Петербург, 25 марта 2021 года. Том Выпуск 7. – Санкт-Петербург: Центр научно-информационных технологий «Астерион», 2022. С. 141–143.
5. Ло И. Роль хорового искусства в Китае в процессе формирования национального самосознания / И. Ло, Т. М. Лежнева // Инновационные технологии в технике и образовании : Материалы XV Международной научно-практической конференции. Посвящается году «Педагога и наставника», Чита, 07–08 декабря 2023 года. – Чита: Забайкальский государственный университет, 2023. С. 103–107.
6. Рябова Е.Л. К вопросу о единстве образования и воспитания: институциональный дискурс // Альманах «Казачество», 2023. № 66 (1). С. 11–18.

References

1. Wang C. On the Formation of Choral Art in China // Musical Culture Through the Eyes of Young Scientists: Collection of Scientific Papers of the XVII International Scientific and Practical Conference, St. Petersburg, December 9–11, 2021 / Ed. N.I. Verba, Scientific Editor R.G. Shitikova. Volume Issue 17. – St. Petersburg: Center for Scientific and Information Technologies “Asterion”, 2022. P. 203–205.
2. Dai L. School Songs as the Basis for the Formation of Chinese Choral Art in the Early Twentieth Century // World Strategies for the DEVELOPMENT of SCIENCE and Education in the New Reality: Interdisciplinary Research: Proceedings of the I International Scientific and Practical Conference, Krasnodar, January 29–30, 2024. – Krasnodar: Science and Technology Publishing House, 2024. P. 62–65.
3. Dongxiang C. The emergence of choral art in China in a historical context // Business. Education. Law. 2022. № 4 (61). P. 350–357.
4. Lezhneva T.M. The role of the school song “Xue Tang Yuei Ge” in Chinese choral culture // Scientific and practical aspects of modern choral art and education: a collection of articles based on the materials of the VII and VIII All-Russian conferences “Herzen Choral Assemblies: Scientific and Practical Aspects of Modern Choral Art and Education”, St. Petersburg, March 25, 2021. Volume Issue 7. – St. Petersburg: Center for Scientific and Information Technologies “Asterion”, 2022. P. 141–143.
5. Lo I. The Role of Choral Art in China in the Process of Formation of National Identity / I. Lo, T.M. Lezhneva // Innovative Technologies in Engineering and Education: Proceedings of the XV International Scientific and Practical Conference. Dedicated to the Year of the “Teacher and Mentor”, Chita, December 7–8, 2023. – Chita: Transbaikalian State University, 2023. P. 103–107.
6. Ryabova E.L. On the Unity of Education and Upbringing: Institutional Discourse // Almanac “Cossacks”, 2023. № 66 (1). P. 11–18.

Гао Чуньюй

Профессор. Цицикарский университет, КНР.

Лу Ин

Магистрант. Цицикарский университет, КНР.

Ван Луяо

Магистрант. Цицикарский университет, КНР.

Праздник весны в поэзии русской эмиграции в Китае*

Аннотация. В первой половине XX века большое количество русских писателей-эмигрантов жило и писало в Китае. Китайский Новый год часто выражается в поэзии русской эмиграции в Китае. В этой статье рассматриваются китайский традиционный праздник-праздник Весны, стихи о традиционном китайском празднике «Лунный новый год», связь праздника с культурой. Стихотворения о китайском Новом годом, созданные русскими писателями-эмигрантами в Китае, отражают тогдашний Китай и соединяют нынешнюю Россию и Китай.

Ключевые слова: русские писатели-эмигранты, стихи, Лунный новый год, Китай.

Gao Chunyu

Professor. Qiqihar University, China.

Lu Ying

Master's student. Qiqihar University, China.

Wang Luyao

Master's student. Qiqihar University, China.

The Spring Festival in the Poetry of Russian Emigrants in China

* © Гао Чуньюй, Лу Ин, Ван Луяо, 2025.

Abstract. In the first half of the 20th century, a large number of Russian émigré writers lived and wrote in China. The Chinese New Year is often expressed in the poetry of Russian émigrés in China. This article discusses the traditional Chinese festival of Spring Festival, poems about the traditional Chinese festival of Lunar New Year, and the connection between the festival and culture. Poems about Chinese New Year written by Russian émigré writers in China reflect China at that time and connect present-day Russia and China.

Key words: Russian emigrant writers, poetry, Lunar New Year, China.

Статья выполнена в рамках программы отделения магистров Цицикарского университета, проект QUZLTS_CX2024040

В первой половине XX века большое количество русских писателей-эмигрантов жило и писало в Китае. Литература русской эмиграции в Китае неразрывно связана с Китаем, и многомерная китайская письменность ярко интерпретирует этот уникальный китайский атрибут. Произведения русских писателей-эмигрантов в Китае отражают историю Китая, восточные обычаи и китайско-российские отношения, представляют чрезвычайно драгоценную исследовательскую ценность. «Писатели-эмигранты не только вникают в национальные традиции восточной культуры и уважают ее национальную духовную жизнь, но и находят точки соприкосновения между культурами различных этносов, чтобы не разъединять людей по национальным признакам, а объединять их. Русские писатели-эмигранты прилагают усилия для достижения этой цели. Творчество писателей-эмигрантов – это вклад не только в культуру своей страны, но и в культуру Востока и Запада» [Мяо Хуэй, 2008, с. 141]. Поэзия русских поэтов-эмигрантов в Китае, которая показывает Китай в глазах «другого», отражает чувства и переживания поэтов из повседневной жизни в Китае. Будущим самым важным праздником в Китае, Праздник весны (Чуньцзе 春节) представляет длительную историю и традиционные обычаи Китая, символизирует единство и процветание, а также возлагает новые надежды на будущее. Русские эмигранты, прожившие в Китае несколько лет, следовали обычаям страны и окунулись в праздничную атмосферу китайского Нового года. Поэтому вполне естественно, что китайский Новый год вошел в поэзию русской эмиграции в Китае.

1. Китайский традиционный праздник-праздник Весны

Становление традиционных праздников – это процесс многолетнего накопления и конденсации истории и культуры того или иного народа или страны. Традиционные китайские праздники с разнообразными формами и богатым содержанием являются важной частью долгой истории и культуры китайской нации. Древние традиционные праздники китайской нации охватывают гуманитарные и естественные науки, такие

как первобытные верования, культура жертвоприношений, астрономические календари, и содержат глубокие и богатые культурные коннотации. Традиционные китайские праздники, сложившиеся у древних предков, не только наглядно фиксируют богатую и красочную общественную жизнь и культурное содержание предков китайской нации, но и аккумулируют в себе широкие и глубокие историко-культурные коннотации. Являясь важной частью превосходной традиционной культуры Китая, традиционные праздники содержат в себе богатые культурные коннотации и уникальные духовные ценности, ярко демонстрируя духовный мир китайской нации.

Праздник весны, или Китайский Новый год проходит в последний день старого года и первый день нового года по лунному календарю, однако обычно праздники проводятся на протяжении примерно трёх недель, а сам день Нового года является его кульминацией. Во время Праздника весны китайцы по традиции собираются всей семьёй, чтобы вместе поклониться Буддам, поминуть предков, помолиться о хорошем урожае в будущем году. Основное содержание этих мероприятий заключается в том, чтобы убрать из своей жизни всё старое и ненужное и приветствовать то новое, что принесёт им радость и счастье. Все мероприятия Праздника весны очень красочны и имеют ярко выраженные национальные особенности. «С исторической точки зрения, праздник — это отражение эпохи с ее социокультурными нормами, ценностями и идеалами. Через изучение культурных практик можно понять суть общественных отношений и особенностей той или иной социальной группы» [Валерьевна, 2017, с. 357].

«Праздник рассматривается как пространственно временной континуум, в котором осуществляется гармонизация человека с миром в процессе коммуникации с базовыми ценностями культуры, обеспечивающими человеку восстановление духовной связи с содержательным центром данной культуры» [Мостицкая, 2015, с. 107]. Праздник весны является самым торжественным традиционным праздником китайского народа и символизирует единство, процветание и новую надежду на будущее. Китайцы отмечают Праздник весны уже более 4000 лет, который был поднят Юй Шунем. Однажды, более чем за 2000 лет до нашей эры, Шунь стал Сыном Неба, который привел своих подчиненных к поклонению Небу и Земле. С тех пор люди считают этот день первым днем года, который считается первым днем первого месяца. Говорят, что именно так возник Лунный Новый год, который позже назвали Праздником весны. Раньше Праздник весны назывался Новым годом. Месяц, на который приходится Праздник весны, называется первым месяцем.

2. Стихи о «Праздник весны» русских поэтов-эмигрантов в Китае

«Проникновение в сущность праздника — это прекрасный способ для иностранца получить представление о людях страны и китайской культу-

ре» [Арустамова, 2024, с. 67]. Когда русские эмигранты приезжают в Китай, они сталкиваются со столкновением и интеграцией двух укладов жизни, культур и народных обычаев и т.д., и свежий опыт, который приносит всё это, вдохновляет их. Русские поэты-эмигранты в Китае пишут об обществе и природе, о радостях и страданиях той страны, в которой живут, но не является родиной, и в результате их произведения должны отражать реальную жизнь Китая того времени. «Для русских поэтов-эмигрантов в Китае становится наиболее характерным внимание к передаче реальных условий жизни, как правило, условий существования обычного человека, его поведению в повседневности, мечтам, желаниям и поступкам. Обыденная жизнь, в свою очередь, включает в себя и праздники» [Гао Чуньюй, 2024, с. 189]. Стихи о китайском Новом годе отражают чувства и переживания повседневной жизни поэтов-эмигрантов в Китае. Таким образом, мы имеем образ Китая, воспринимаемый глазами «чужого», и образ Китая как убежища для иммигрантов. Высокое мастерство поэтической выразительности поэтессы сочетается с сильным интересом к традиционным обычаям китайского народа.

В своём стихотворении «Лунный Новый год» поэтесса Паркау¹ подробно рассказывает о том, как китайцы отмечают Праздник весны. Паркау показывает праздничную сцену, фейерверки и петарды на улицах Харбина, а также описывает, как китайцы надевают красивую новую одежду и начинают есть праздничные блюда. Поэтесса проявила себя как этнограф, подробно описала быт китайцев: настроение народа, видение благополучного и счастливого будущего, приготовление веера, поклонение богам, праздничное банкет, фейерверк.

В стихотворении «Лунный Новый год» Паркау изображен необычайно радостным (без тем грусти и одиночества, которые характеризуют рождественские изображения). Описание Праздника весны включает в себя важный аспект китайского праздника – посиделки родственников, ужин с друзьями и семьей, а также традиционную игру в маджонг. «Поэтессе интересовала не только «внешняя», фактическая сторона китайского праздника, но и его история, связанные с ним предания и традиции – причины, по которым китайцы стали устраивать во время этого праздника фейерверк. Согласно народной легенде, шум петард помогал людям изгнать страшное чудовище по имени Нянь. Победа над ним создавала праздничную атмосферу, вселяла в людей надежду на грядущие радость и блага» [Арустамова, 2021, с. 79].

Китайский Новый год - прекрасное окно для иностранцев, чтобы получить представление о китайской культуре. Это прекрасный день: «Солнце

1 Александра Паркау (1887–1954) – поэтесса, журналист и писатель. Стихотворение «Лунный Новый год» цитируется по изданию «Огонь неугасимый: стихи» [Паркау, 1937, с. 116–117].

село над кольцом строений, / Зимний вечер благостен и мирен», [Паркау 1937: 117] Пейзаж с восточной экзотикой фрагментами вторгнулся в глаза: «Тонкий дым сжигаемых курений / В окнах фанз и у камней кумирен. / В синих площадках клейкие пельмени, / Убраны дракончиками нарвы, / И цветы и звери в пестрой смене / Женских курм расцвечивают чары». Именно тогда взрываются хлопушки, которые больше всего удивляют иностранцев: «Но внезапно отдых благодушный / Оглушает громом канонада, / Роят снег фонтаны искр воздушных». Вероятно, это ассоциация с пережитой войной: «Ленты улиц, точно жерла ада. » Это же звуки праздничных торжеств: «Что-ж не слышно жалоб или стонов? / Дружный хохот воздух оглашает. » Сумеречные барабаны и утренний колокол: «Как созвездья дальних небосклонов / <...> И гремят с заката до заката/ Частой дробью шумные хлопушки». Хлопушки, отгоняющие зло, вероятно, до сих пор преследуют поэта, подсказывая ему снова и снова: «Добрым людям взрывы не опасны, / Их боятся только злые духи», Молитвы старика: «Шепчут глухо быстро и бесстрастно / Заклинанья древние старухи. » Это год воссоединения с далеким гостем: «Коротают новогодний вечер / И хозяева, и гости за маджаном.»

Праздничная культура народа имеет одинаковый с ним возраст и продолжает иметь народно-мифологические оттенки [Слюсаренко, 2000, с. 28]. С более гуманной и субъективной точки зрения поэтесса описывает важный обычай Китайского Нового года, а именно воссоединение. Она испытала на себе праздничную атмосферу встречи семьи и друзей на Китайский Новый год, а также народную традицию приветствовать и благословлять друг друга. В стихотворении более подробно показаны детали Китайского Нового года, что показывает, что поэтесса прожила в Китае несколько лет и очень хорошо знает и понимает Китайский Новый год и китайские народные традиции.

Острый глаз, скрупулезная наблюдательность и скрупулезные мазки кисти поэтессы – все это не имеет себе равных. Поэтесса использует тон признательности и похвалы, чтобы ярко, реалистично и всесторонне подвести итог Китайского Нового года.

Стихотворение под названием «Лунный Новый год» указывает на то, что Паркау уже была знакома с традиционным китайским календарем. Лунный календарь уникален для Китая, и Китай использует лунный календарь для записи года на протяжении тысячелетий. В стихотворении описываются различные мероприятия во время лунного Нового года в Китае. Это типичное произведение, описывающее китайские местные условия и нравы. В стихотворении есть характерный прием письма: «Что-ж не слышно жалоб или стонов? / Дружный хохот воздух оглашает. / Как созвездья дальних небосклонов / Огоньки фонариков мелькают». Вторым предложением объясняется первое. Другими словами, два предложения имеют

один и тот же смысл, а второе предложение написано более конкретно и ясно. Почему нет никаких жалоб, только смех, ведь лунный Новый год – это самый главный традиционный праздник в Китае для празднования Нового года и встречи нового. Что касается звезд вдалеке, то они отражаются в свете фонаря. Какое настроение будет у зарубежной поэтессы на этом национальном празднике Китая? Повседневные сцены и жизненный опыт становятся отправной точкой для поэтического выражения. Сильный интерес поэтессы к реальному состоянию жизни, а также проникающая способность непосредственно раскрывать суть вещей, заставляют стихотворение передавать сильное напряжение фактуры жизни, и это напряжение отражается в прямолинейном высказывании, исключая таким образом все распространенные художественные приемы. Сентиментальный характер поэтессы побуждает ее иметь более уникальный кругозор и более новый угол обзора.

Русская поэтесса-эмигрантка Паркау изображает образ Китая простым и тонким языком и с уникальной и новой точки зрения, которая показывает не только обычаи, реальную жизнь и быт Китая, но и духовный мир, национальную психологию и культурные традиции китайцев. Судя по восхищению поэтессы Китаем, хотя образ Китая в его перу разнообразен и конкретен, у него есть грандиозная повествовательная схема. «Своим чутким пером и острым чувством культуры А. Паркау продемонстрировала огромный духовный потенциал «праздничной» тематики в русской литературе» [Гао Чуньюй, 2024, с. 175].

Китайский Новый год у Светлова – это цвет и мелодичность. «Новый год Китая»² - радостный и оживлённый праздник, звуки придают ему своеобразный символ.

Это не монотонный звук, а концерт звуков: «Звуки скрипок, труб и гонга / Отбивают такты звонко,» [Ли Яньлин 2005: 587] С радостными нотками: «И растет, растет экстаз, / Увлекая в дикий пляс. » Прощание со старым годом и встреча нового: «Это духов злых и вредных / От своих фанзёшек бедных / Гонит прочь китайский люд, » С добрыми надеждами: «Чтобы в доме был уют, / Чтобы светлых духов сила / Торговать им пособила, / Чтобы всем чертям назло / Им во всем бы повезло. / И, живя в столь сладких грезах, / Ходят все в блаженных позах» С добрыми пожеланиями: «Синь-нянь! Синь-си! »

«Этот праздник особенно привлекал русских своей красочностью, шу-

2 Светлов Николай (1908-1970): поэт литературного объединения «Чураевка» «первой волны» русской эмиграции в Китае. В Харбин привезен был в детстве. Там же окончил школу и поступил в Харбинский институт востоковедения (Ориентальный институт), проучился три года. Изучал китайский язык. В 1929 году Светлов написал стихотворение «Новый год Китая» в Харбине. Стихотворение «Новый год Китая» цитируется по изданию «Литература русских эмигрантов в Китае» [Ли Яньлин, 2005, с. 587].

мом, обильным столом» [Таскина 1994: 42]. « Стихотворение не просто воссоздает радостную атмосферу, царящую среди китайцев в их самый главный народный праздник, но выражает и праздничное сопереживание русского лирического субъекта, а вместе с ним – русского читателя» [Забияко 2020: 153]. Во время жизни в Китае Николай Светлов находился под влиянием китайской культуры, и многие его работы уникальны с китайской спецификой и полны жизни, в них задействованы китайские обычаи, культурные верования и т.д. В стихотворении «Новый год Китая» особый интерес выражен к китайскому Новому году, а запуск петард берет свое начало из древних китайских народных легенд. Перед читателями предстает шумная картина с гонгами и барабанами, петардами и оживленной сценой прощания со старым и приветствия нового. В этом стихотворении полностью описаны многие китайские народные традиции и обычаи, и в стихотворении он изображает сцену празднования китайцами Нового года, и пишет о радостной атмосфере китайцев во время Нового года.

Именно китайская атмосфера, художественное представление о Китае и влияние китайской культуры в значительной степени составляют творческие особенности русских поэтов-эмигрантов в Китае и формируют уникальный китайский сюжет русских поэтов-эмигрантов в Китае. Первое, что бросается в глаза в китайском комплексе, это множество специальных слов, связанных с китайской жизнью, многие из которых являются заимствованиями непосредственно из китайского языка. Частота повторения таких слов значительно выше, чем это обычно бывает в русском языке. Кроме того, в приграничных районах Северо-Восточного Китая и Дальнего Востока России, где часто общались китайцы и русские жители, русский диалект был отмечен большим количеством китайских слов, и это особое языковое явление использовалось как уникальное художественное средство в поэзии русской эмиграции в Китае. Почти каждое слово в этом стихотворении является символом китайских новогодних традиций и обычаев, барабаны, гонги, петарды и т.д. – все это инструменты, придуманные китайцами и используемая для празднования Нового года; Молитва о мире и счастье — это традиционный китайский способ празднования Праздника весны; Запуск петард — древний обычай в китайском фольклоре. Перед читателями предстают шумный гонг и барабан, петарды в унисон, живая сцена прощания со старым и приветствия нового. Видно, что поэт очень хорошо знает и понимает фестивали и обычаи китайского народа.

В долгой истории и культуре Китая Праздник весны является символом воссоединения, счастья и надежды для китайского народа. Хотя поэт находится в чужой стране, и обычаи Нового года в каждой стране разные, но радостная атмосфера и ощущение счастья одинаковы и поэт был заражен этой атмосферой. Россия и Китай представляют Европу и Азию, Запад и Восток, две разные культуры, неодинаковые традиции, народы и

характеры. Эти русские поэты-эмигранты, которые когда-то жили в Китае, переплели китайскую и русскую культуры в своих произведениях и тесно связали Китай и Россию через свои поэтические описания. Красота и образина, доброта и зло, радость и грусть стали общее переживание и чувство обеих стран. Эти русские поэты-эмигранты, которые когда-то жили на земле Китая, оставили много прекрасных стихов, которые углубили понимание Китая для современных россиян и заставили китайцев больше узнать о России, гостеприимной стране.

3. Китайская новогодняя поэзия и китайская культура

Знакомясь с литературными произведениями о праздниках русских писателей-эмигрантов в Китае, обнаружишь и заметишь эмоциональные особенности формирования и конструирования китайского образа. Несмотря на то, что образы Китая, написанные русскими писателями-эмигрантами, демонстрируют весьма очевидные различия, общей чертой является то, что формирование и конструирование китайских образов не происходит изолированно, они раскрывают и отражают внутренние эмоции персонажей, которые также раскрывают и отражают определенную эмоциональную тенденцию писателей. Только на основе точного схватывания богатых эмоций, передаваемых литературными произведениями о праздниках русских писателей-эмигрантов, мы можем глубоко и точно обнаружить богатые коннотации, стоящие за образом Китая. Русские поэты-эмигранты в Китае простым языком раскрывают обычаи и традиции китайцев, стойкость духовных сил, крепкие навыки выживания, оптимистичный и живой образ жизни и глубокое восприятие любви, эту мощную духовную силу, национальную психологию, культурные традиции и образ жизни не могут быть побеждены никакими тяготами и лишениями и всегда существуют в крови китайского народа. Китайцы всегда живут так тяжело и счастливо, глубоко и энергично, ответственно и весело, горько и упорно, просто и глубоко осмысленно, и дни шли вперед и вперед.

Русские поэты-эмигранты в Китае используют поэзию, чтобы запечатлеть свои эмоции и переживания на чужбине. Россия – страна, которая придает большое значение культуре и образованию, и даже находясь вдали от родины и в чужой стране, эмигранты могут сознательно продолжать свое культурное наследие, не отступать от своих культурных и научных начинаний. Помимо преподавания русского языка, культурной и академической деятельности, многие русские эмигранты, эмигрировавшие в Китай после Октябрьского события в России, также активно занимались переводом и исследованием китайской литературы, чтобы лучше понять Китай и духовную культуру Китая и лучше интегрироваться в жизнь китайского народа. Именно в ходе этого процесса у некоторых русских писателей-эмигрантов сложилась тесная связь с традиционной китайской культурой, которая время от времени в их литературных произведениях проявлялась.

Большое количество произведений также имеет китайскую специфику в искусстве, такую как широкое вмешательство китайского языка и естественное зарождение китайской художественной концепции. Китайский дух, воплощенный в произведениях русских писателей-эмигрантов в Китае, питается китайскими культурными традициями и духовными ресурсами, что позволяет многим русским писателям-эмигрантам понимать китайские культурные явления с разных точек зрения, сохраняя при этом духовный темперамент и обаяние русского народа. В процессе поиска новых творческих материалов и способов выражения некоторые русские писатели-эмигранты естественным образом приходят к некоему неизбежному пересечению и даже интеграции с культурным духом страны, в которой они живут. «Литература русского зарубежья в Китае – это зеркало, в котором отражается великая эпоха, и в этом заключается важная литературная ценность литературы русского зарубежья в Китае» [Ли Яньлин 2011: 75].

Литература русской эмиграции в Китае родилась на земле Китая, творчество русских писателей-эмигрантов охватило всю первую половину XX вв. в истории Китая и на различных важных этапах общественного развития Китая. Когда они рассматривают природные объекты и обычаи Китая как «чужой земли» в поле своего зрения, и чувствуют образ и условия жизни китайцев той эпохи, и даже больше посвящают себя этим сложным и запутанным социальным событиям физически и умственно, они также вольно или невольно конструируют свои собственные образы Китая с помощью активных и ярких мазков кисти. Образы Китая, отраженные в произведениях зарубежных русских писателей, конкретны и богаты. «В произведениях русских писателей-эмигрантов китайские народные обычаи не только показывают китайские чувства писателя, но и всегда проецируют постороннее ощущение» [Чжоу Цинмин 2023: 210].

Создаваемый образ Китая, русскими писателями, пережившими физические и душевные трудности, даже лишения, не является полностью вестернизацией, потому что время и пространство существования влияют на их наблюдение и суждение о китайских образах перед ними. Многообразие и сложность изображения Китая, созданные русскими писателями-эмигрантами в Китае, дают новое пространство и измерение для глубокого понимания китайского общества и истории в первой половине 20-го века. Стихи поэтов-эмигрантов о традиционном китайском празднике «Праздник весны» не только обогащают содержание литературы русской эмиграции в Китае, но и расширяют объём китайской литературы в первой половине XX века, что имеет большое значение для развития русской и китайской литературы.

Библиографический список

1. Арустамова А.А., Кондаков Б.В. Через океан: очерки литературы русской эмиграции в Ки-

- тае и в США (1920–1930-е гг.): монография / Пермский государственный национальный исследовательский университет. Пермь: Пермский гос. нац. ис. ун-т. 2021. 152 с.
2. Арустамова А.А. «Лунный Новый год» А. Паркау: память культуры. Вестник Тюменского государственного университета. 2024. № 1. С. 62–83.
 3. Валерьевна К.Л. Праздники российской эмиграции как отражение исторического кода до-революционной России (1920—1930-е гг.) // Научный диалог. 2017. № 11. С. 356–368.
 4. Гао Чуньюй. «Весенняя сирень» на чужбине: «Пасхальные стихи» А. Паркау // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. 2024. № 5. С. 175–179.
 5. Гао Чуньюй. Праздники в стихах русских поэтов-эмигрантов в Китае // Современное профессиональное образование. 2024. № 2. С. 188–191.
 6. Забияко А.А. Литература дальневосточного зарубежья: Учебное пособие для аспирантов по направлению 45.05.01. Благовещенск: Изд-во АмГУ, 2020. 317 с.
 7. Ли Яньлин. Харбинская литература русских эмигрантов Серебряного века // Русская литература и искусство. 2011. № 3. С. 74–79.
 8. Ли Яньлин [шеф-редактор]. Паровозы гудят у Цицикара (Литература русских эмигрантов в Китае. Т. 2. Пекин: Изд-во «Китайская молодёжь», 2005. 709 с.
 9. Мостицкая Н.Д. Праздничность и повседневность как феномены культурной коммуникации (на примере православной традиционности) // Вестник МГУКИ. 2015. № 2. С. 105–110.
 10. Мiao Хуэй. Китайская русская эмиграция и литературная деятельность // теория и обзор. 2008. № 4. С. 140–141.
 11. Паркау А. [Нилюс А. П.]. Огонь неугасимый: стихи. Шанхай: [б. и.]. 1937. 200 с.
 12. Слюсаренко М. Праздник в культуре и культура праздника в контексте современности. Вестник ТГПУ. 2000. № 3. С. 25–30.
 13. Таскина Е.П. Известный Харбин. – М.: Прометей, 1994. 192 с.
 14. Чжоу Цинмин. Изображение Китая русскими писателями-эмигрантами в Китае. Пекин: Изд-во Общественных наук Китая, 2023. 264 с.

References

1. Arustamova A.A., Kondakov B.V. Across the Ocean: Essays on the Literature of Russian Emigration in China and the USA (1920–1930s): Monograph / Perm State National Research University. Perm: Perm State Nat. Is. Univ. 2021. 152 p.
2. Arustamova A.A. "Lunar New Year" by A. Parkau: Cultural Memory. Bulletin of Tyumen State University. 2024. № 1. P. 62–83.
3. Valerievna K.L. Holidays of Russian Emigration as a Reflection of the Historical Code of Pre-Revolutionary Russia (1920–1930s) // Scientific Dialogue. 2017. № 11. P. 356–368.
4. Gao Chunyu. "Spring Lilac" in a Foreign Land: "Easter Poems" by A. Parkau // Modern Science: Actual Problems of Theory and Practice. 2024. № 5. P. 175–179.
5. Gao Chunyu. Holidays in the Verses of Russian Emigrant Poets in China // Modern Professional Education. 2024. № 2. P. 188–191.
6. Zabiya A.A. Literature of the Far Eastern Abroad: A Textbook for Postgraduate Students in the Direction 45.05.01. Blagoveshchensk: Publishing House of AmSU, 2020. 317 p.
7. Li Yanling. Harbin Literature of Russian Emigrants of the Silver Age // Russian Literature and Art. 2011. № 3. P. 74–79.
8. Li Yanling [Editor-in-Chief]. Steam engines are hooting at Qiqihar (Literature of Russian emigrants in China. Vol. 2. Beijing: Kitayskaya Molodezh Publishing House, 2005. 709 p.
9. Mostitskaya N.D. Festivity and everyday life as phenomena of cultural communication (on the example of Orthodox traditionalism) // Bulletin of MGUKI. 2015. № 2. P. 105–110.
10. Miao Hui. Chinese Russian emigration and literary activity // theory and review. 2008. № 4. P. 140–141.
11. Parkau A. [Nilus A.P.]. Unquenchable fire: poems. Shanghai: [b. i.]. 1937. 200 p.
12. Slyusarenko M. Holiday in culture and the culture of the holiday in the context modernity. Bulletin of TSPU. 2000. № 3. P. 25–30.
13. Taskina E.P. Unknown Harbin. - M.: Prometheus, 1994. 192 p.
14. Zhou Qingming. Portrayal of China by Russian émigré writers in China. Beijing: China Social Sciences Press, 2023. 264 p.

Ташлыкова Н.Ю.

Кандидат философских наук, доцент. Российский государственный университет имени А.Н. Косыгина.

Садриева А.Н.

Кандидат культурологии, доцент кафедры художественного образования. Нижнетагильский государственный социально-педагогический институт (филиал) федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования Уральский государственный педагогический университет.

Кошокова С.Я.

Кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и политологии. Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина.

Юсупова А.Ю.

Кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных языков в сфере международных отношений ИМОИиВ. Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань.

Культурное наследие России и проблемы его сохранения*

Аннотация. В данной статье поднимается очень актуальный на сегодняшний день вопрос государственной политики — проблема сохранения культурного наследия. Опираясь на нормативные документы и на международный подход к сохранению культурного наследия, авторы статьи исследуют теоретико-методические и практические аспекты изучения, сохранения и реставрации объектов культурного наследия в Российской Федерации с учетом сегодняшних вызовов и возможностей. В статье поднимается круг вопросов, нерешенность которых в течение ближайшего времени грозит физической потерей большого количества абсолютно уникальных памятников старины, которые в своей совокупности закладывают фундамент для механизма формирования исторической памяти будущих поколений. Особое внимание в статье уделяется современным методам сохранения культурного наследия, среди которых особую значимость имеют цифровые технологии и технологии искусственного интеллекта, открывающие новые возможности для решения реставрационных и восстановительных проблем объектов культурного наследия.

Ключевые слова: культурное наследие, сохранение культурного наследия, национальное достояние, культурная политика, цифровые технологии, искусственный интеллект.

* © Ташлыкова Н.Ю., Садриева А.Н., Кошокова С.Я., Юсупова А.Ю., 2025.

Tashlykova N.Y.

Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor. A.N. Kosygin State University of Russia.

Sadrieva A.N.

Candidate of Cultural Studies, Associate Professor of the Department of Art Education. Nizhny Tagil Nizhny Tagil State Social and Pedagogical Institute (branch) of the Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education Ural State Pedagogical University.

Saniyat Y.K.

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of History and Political Science. Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin.

Yusupova A.Y.

Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Department of Foreign Languages in International Relations, Institute of International Relations, History and Oriental Studies. Kazan (Volga region) Federal University.

Cultural heritage of Russia and problems of its preservation

Abstract. This article raises a very topical issue of public policy nowadays - the problem of cultural heritage preservation. Relying on normative documents and on the international approach to the preservation of cultural heritage, the authors of the article investigate theoretical, methodological and practical aspects of the study, preservation and restoration of cultural heritage objects in the Russian Federation taking into account today's challenges and opportunities. The article raises a range of issues, the unresolved of which in the near future threatens the physical loss of a large number of absolutely unique monuments of antiquity, which together lay the foundation for the mechanism of formation of historical memory of future generations. Special attention in the article is paid to modern methods of preservation of cultural heritage, among which digital technologies and artificial intelligence technologies are of special importance, opening new opportunities for solving restoration and rehabilitation problems of cultural heritage objects.

Key words: cultural heritage, cultural heritage preservation, national heritage, cultural policy, digital technologies, artificial intelligence.

В современных условиях развития общества, обусловленных, в первую очередь, пробуждением национального самосознания, объекты культурного наследия выполняют колоссальную социальную миссию, закладывая основу для всестороннего осмысления различных периодов истории народа, комплексного ее прочтения.

В контексте выше изложенного, следует отметить, что в современных условиях развития общества, обусловленных, в первую очередь, пробуж-

дением национального самосознания, объекты культурного наследия выполняют колоссальную социальную миссию, закладывая основу для всестороннего осмысления различных периодов истории народа, комплексного ее прочтения.

Учитывая количество объектов культурного наследия, Россию можно без преувеличения отнести к странам с богатым историческим и культурным прошлым. Так, по состоянию на декабрь 2024 года сейчас на государственном учете в Российской Федерации находится более 157 тысяч объектов культурного наследия, среди которых археологические и архитектурные памятники, шедевры монументального искусства и градостроительства, уникальные уголки природы и т.п. 32 объекта национального достояния России включены в Список Всемирного наследия ЮНЕСКО - 21 объект включен в список по культурным критериям (шесть из этих объектов признаны шедеврами), а 11 объектов включены по природным критериям (четыре из них признаны природными феноменами исключительной красоты и эстетической важности).

Сохранение культурного наследия является не только одним из наиболее актуальных направлений деятельности в Российской Федерации, но и составляет важный предмет исследования целого ряда наук, которые призваны создать теоретический и методологический фундамент для общего теоретического осмысления специфики и сущности этого процесса в национальном и международном масштабах. Объекты культурного наследия являются источником новых знаний, научных теорий и гипотез, которые оказывают влияние на формирование сознания общества, закладывают основы его культурного мировоззрения, влияют на чувство национального достоинства.

Сохранение культурного наследия в современной России носит институциональный характер, поскольку именно через соответствующие институты и нормы права создается надежная основа для эффективной адаптации к современным российским реалиям действующей во всем цивилизованном мире системы мер по сохранению исторических памятников и артефактов, являющихся национальным достоянием страны. В структуру институтов сохранения и охраны культурного наследия входят правовые нормы, разнообразные организационно-управленческие, административные, регулятивные и политико-экономические механизмы, каждый из которых тем или иным образом способствует практической деятельности государства и гражданского общества в сфере бережного отношения к культурному наследию.

Говоря об аспектах государственной политики в области сохранения и охраны культурного наследия, следует, прежде всего, отметить активное развитие сотрудничества по данному вопросу в международной сфере, которое все больше и больше объективирует связь между внешней и

внутренней политикой государств, в результате чего взятые на себя теми или иными странами международные обязательства становятся весомым стимулом формирования и реализации внутренней политики [6, с. 361].

В результате принятия в 1972 году Конвенции ЮНЕСКО об охране всемирного культурного и природного наследия на международном уровне был четко зафиксирован и согласован порядок сохранения и популяризации объектов культуры и природы, которые признаны достоянием культурного наследия всего человечества, а не отдельной какой-либо взятой страны, что имеет исключительное значение для всего мирового сообщества. Одна из ключевых идей этой Конвенции заключалась в создании организационных, институциональных и нормативных основ взаимодействия международной системы охраны культурного наследия с национальными программами и мероприятиями, что должно повысить эффективность выполнения оперативных решений по обеспечению защиты культурных объектов от разрушения.

Россия как участница Конвенции ЮНЕСКО с 1954 года взяла на себя обязательства обеспечить охрану объектов всемирного наследия, расположенных на ее территории. Впрочем, вполне очевидно, что указанные охраняемые меры базируются прежде всего на нормах внутреннего права. Речь, в первую очередь, идет о принятом 25 июня 2002 года Федеральном Законе (ФЗ № 73) «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации», являющемся основой современного законодательства в рассматриваемой области и регулирующем правовые, организационные и экономические отношения в сфере охраны культурного наследия, В новой редакции от 23.12.2023 Федерального закона (ФЗ № 7) «Об охране окружающей среды», который распространяется на объекты природного наследия - «природные памятники, геологические и физиографические образования и строго ограниченные зоны, природные достопримечательные места, подпадающие под критерии выдающейся универсальной ценности и определенные Конвенцией об охране всемирного культурного и природного наследия» [9].

Прежде чем рассмотреть принципы и инструменты сохранения культурного наследия в Российской Федерации, остановится на сущности термина «культурное наследие».

На сегодняшний день на доктринальном уровне понятие культурного наследия характеризуется как совокупность или достояние унаследованных человечеством от предыдущих поколений объектов материальной и духовной культуры, имеющих художественное, историческое, этнографическое и научное значение, и являющихся средством единения людей вокруг вечных ценностей любви, добра и красоты [2, с. 10]. Роль культурного наследия во всем мире чрезвычайно велика. Имеющее материальную и нематериальную форму, культурное наследие выступает как движущая

сила духовного развития личности и всего человечества в целом. Поэтому каждый объект культурного наследия должен обязательно находиться под защитой со стороны государства и общества.

В документах ЮНЕСКО культурным наследием признается все то, что создано руками, голосом, мыслями человека: исторические центры городов, культурные ландшафты, музеи, ремесла, документальное и цифровое кино, кинематографическое наследие, традиции, языки, ритуалы и верования, музыкальное и театральное искусство, литература, памятники архитектуры, живописные полотна, народная медицина, кулинария, спорт и т.п. Как видим, в зарубежном подходе к определению культурного наследия наблюдается тенденция к отходу от узкого, «материального», толкования понятия культурного наследия и включения в него духовной (нематериальной) составляющей [7, с. 112].

По мысли В.В. Литовченко, уже в самом словосочетании «культурное наследие» неразрывно соединены внутренний и внешний аспект, поскольку культурное достояние и памятники того или иного народа являются в то же самое время духовным богатством всего человечества. Поэтому сохранение и охрана культурного наследия изначально конституируется как сочетание двух видов деятельности: внешнего и внутреннего, что обусловлено феноменом «двойной значимости» объектов этой защиты» [6, с. 363].

Следует отметить, что сам процесс сохранения и охраны культурного наследия толкуется на международном уровне не как определенная «факкультативная деятельность» тех или иных государств, которая может реализовываться или не реализовываться в зависимости от исторических, экономических, политических, социальных, финансовых или любых других реалий. Этот процесс является обязательным направлением политики любого современного государства как полноценного члена мирового сообщества и имеет универсальную значимость, учитывая задачу сохранения и воспроизводства культурной составляющей человеческого существования и бытия.

В Российской Федерации давно уже функционируют не только федеральные, но и региональные программы по сохранению культурного наследия. Учитывая тот факт, что «практически каждый регион России обладает колоссальным потенциалом культурного наследия» [8, с. 185], его сохранение является частью региональной политики, в связи с чем в каждом субъекте РФ разработана нормативно-правовая база обеспечения сохранности и использования памятников истории и культуры региона и созданы все условия для практической работы по их восстановительным и реставрационным работам. При этом управление объектами культурного наследия осуществляется на основе экономического обоснования, а сам процесс сохранения национального достояния проводится в рамках сотрудничества государственных органов, туристических, общественных

организаций и населения, которое активно участвует в мероприятиях по сохранению и защите культурного наследия.

Российская региональная политика в сфере сохранения артефактов культурного наследия направлена на «организацию как можно более благоприятных условий содержания объектов истории и культуры региона, позволяющих максимально долго удерживать в целостном виде их материальную структуру, предотвращая, насколько это возможно, обветшание и разрушение» [10, с. 10]. Поэтому в региональных музеях, как правило, «существуют особые службы хранения и реставрации, специальные хранилища, оборудованные системами поддержания заданных параметров температурно-влажностного режима, где строго соблюдаются достаточно сложные правила эксплуатации» [10, с. 10].

Особое внимание в России уделяется восстановлению архитектурных памятников, подвергающихся сильному воздействию со стороны природных катаклизмов. По данным на декабрь 2024 года, в российском едином реестре зарегистрировано **более 157 тысяч объектов культурного наследия**, из них более 56 тысяч — археологические. Среди них - грандиозные соборы и маленькие сельские церкви, дворцы и старинные усадьбы. Но многие из них, к сожалению, находятся в плачевном состоянии. По мнению Е. Балабаевой, чтобы сохранить уникальное культурное наследие России, нужно не только восполнить дефицит реставраторов и привлечь новых специалистов, но и избавить законодательство от излишних требований, строгих правил и запретов, которые своими корнями уходят в «лихие 1990-е» [3]. На состоявшихся 9 декабря 2024 года парламентских слушаниях в Совете Федерации, где рассматривались вопросы, связанные с сохранением особо значимых для России памятников, В.Н. Матвиенко отметила: «Любое действие в отношении памятников культуры стало требовать длительной и дорогостоящей экспертизы, долгих согласований. В результате более трех тысяч объектов по всей стране физически утрачены, а каждый восьмой долгие годы не ремонтировался» [3]. Несмотря на то, что в Госдуму был внесен законопроект, предполагающий уменьшение бюрократической волокиты, все же, как подчеркнула Председатель Совета Федерации нужна еще и работа «на местах». К сожалению, как отметили парламентарии, региональные власти привычно затянули с постановкой на государственный учет выявленных объектов археологического наследия. В результате десятки тысяч поистине уникальных памятников в последние годы не были включены в систему государственного учета, что негативно сказывается на их статусе, а в некоторых случаях приводит к их утрате. Общенациональная ревизия памятников, проводимая региональными комиссиями, по мнению В.Н. Матвиенко, поможет создать персональную дорожную карту по каждому объекту и понять, в каком он находится состоянии, нуждается ли в восстановлении [3].

Однако, несмотря на проблемы, Россия все же заботится о своем историко-культурном наследии. В нашей стране функционирует целый ряд организаций, учреждений и т.д., которые в рамках своих должностных обязанностей курируют вопросы сохранения, использования и защиты всех объектов, представляющих культурную и историческую ценность. Однако не стоит забывать, что их работа была бы во многом невозможна без поддержки государства и правового регулирования этой сферы.

Анализируя политику Российской Федерации, связанную с вопросом сохранения культурного наследия, необходимо отметить, что она основывается на культурной структуре общества и его культурных достижениях, проблемных зонах социокультурной ситуации в стране и мире, социально-экономических возможностях субъектов федерации и уровне их взаимодействия. И в то же время российская политика в сфере сохранения культурного наследия зависит от развития глобальных процессов, от государственного управления и от многих других внешних и внутренних факторов развития общества [4, с. 33].

В XXI веке программы сохранения культурного наследия вышли на новый уровень, связанный с цифровизацией общества. Цифровые технологии открывают новые возможности для решения реставрационных и восстановительных проблем объектов культурного наследия, поскольку с их помощью можно не только повысить точность и эффективность процессов реставрации и сохранения, но и обеспечить доступность культурного наследия широкой публике. Цифровые инновации - от 3D-моделирования и создания виртуального образа объекта до использования искусственно-интеллекта для анализа и предсказания его состояния - способны радикально изменить подход к сохранению культурного наследия [5].

Важной инновацией в процессе сохранения культурного наследия является цифровая консервация. Этот подход предполагает использование передовых технологий визуализации для сканирования или цифрового воспроизведения артефактов в высокоточном 3D-формате. Такие цифровые двойники не только обеспечивают сохранение формы артефакта, но и позволяют проводить его виртуальное исследование и анализ.

Революцию в области сохранения культурного наследия произвели технологии *искусственного интеллекта* (ИИ), которые способны анализировать огромные объемы данных. Алгоритмы искусственного интеллекта (ИИ) помогают идентифицировать артефакты, оценивать их состояние и даже прогнозировать техническое обслуживание, что позволяет разрабатывать новые стратегии сохранения культурных ценностей. Кроме того, системы распознавания изображений на основе ИИ помогают бороться с незаконным оборотом, выявляя украденные артефакты в режиме онлайн.

В качестве успешного примера использования искусственного интел-

лекта в реставрации объектов культурного наследия можно назвать диагностику состояния фресок Церкви Спаса на Крови в Санкт-Петербурге. Определенные алгоритмы ИИ помогли определить степень повреждений этого шедевра и разработать эффективный план его реставрации. С помощью программ искусственного интеллекта, создавшего трехмерную модель собора на основе архивных чертежей и фотографий, был воссоздан облик московского Казанского собора, разрушенного в середине XX века, что поможет в его восстановлении [1, с. 168-168].

Сохранение культурного наследия, возрождение и реставрация памятников истории и культуры является приоритетным направлением российской государственной политики, ведь с бурным развитием технологических процессов все острее встает проблема антропогенного и техногенного разрушения шедевров, созданных человеческим гением на всем протяжении двухтысячелетней истории России. Однако, современная эпоха меняет формат сохранения культурного наследия. Современное развитие информационных технологий и телекоммуникаций, использование мобильной связи и глобальный интернет существенно не только расширили возможности доступа к культурному наследию, но и помогают восстановить многие шедевры национального достояния, которые пока еще окончательно не утрачены. Но чтобы хоть какая-то часть культурного наследия дошла до потомков, этого мало. Необходимо в ближайшем будущем и в кратчайшие сроки разработать универсальную программу по сохранению и охране наиболее ценных, с точки зрения историко-культурной значимости, артефактов отечественной истории и культуры. Исчезающие с лица земли объекты культурного наследия, критическое состояние заброшенных российских парков, усадеб, храмов, разрушающиеся на глазах лики старинных икон представляют серьезную угрозу для исторической памяти нации и требуют принятия незамедлительных мер по реставрации национальной культуры.

Библиографический список

1. Аbruкова Е.Р. Применение искусственного интеллекта в реставрации объектов культурного наследия: российский и международный опыт // Культура и цивилизация. 2023. Т. 13. № 12А. С. 166-173.
2. Акулeнко В.И. Магазинщикова И.П., Моздир М. ИИ, Тарасенко О.О. Культурное наследие человечества. – М.: URSS, 2002. 280 с.
3. Балабаева Е. Список объектов культурного наследия предлагают обновить // Парламентская газета. 2024. 9 декабря [электронный ресурс].
4. Белозор А.Ф. Культурная политика России: взаимодействие государства и бизнеса. – Брянск: БФ ОРАГС, 2009. 168 с.
5. Использование цифровых технологий в реставрации и сохранении объектов культурного наследия // URL: <https://nasledieproekt.ru/ispolzovanie-cifrovyyh-tehnologij-v-restavraczii-i-sohranении-okn>.
6. Литовченко В.В. Сохранение и охрана культурного наследия в современной России: внутренние и внешние аспекты // Международный научный вестник. 2014. № 8 (27). С. 361-367.

7. Максимов В.В. Правовая сторона сохранения культурных ценностей в конвенциях ЮНЕСКО: дис. ... канд. юрид. наук. – М.: 1997. 220 с.
8. Сорокина А.Ю. Культурно-историческое наследие в объективе региональной культурной политики // Культура. Образование. Право. Вып. 2. Материалы Международной научно-практической конференции. – Екатеринбург, 2009. С. 185-189.
9. Федеральный закон № 7-ФЗ (ред. от 25.12.2023) «Об охране окружающей среды» // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34823.
10. Черных Е.М. Сохранение историко-культурного наследия народов России: информационно-справочные материалы. - Ижевск: Изд-во «Удмуртский университет», 2012. 54 с.

References

1. Abrukova E.R. Application of artificial intelligence in the restoration of cultural heritage sites: Russian and international experience // Culture and Civilization. 2023. Vol. 13. № 12A. P. 166-173.
2. Akulenko V.I. Magazinshchikova I.P., Mozdor M. II, Tarasenko O.O. Cultural heritage of mankind. – М.: URSS, 2002. 280 p.
3. Balabaeva E. It is proposed to update the list of cultural heritage sites // Parliamentary newspaper. 2024. December 9 [electronic resource].
4. Belozor A.F. Cultural policy of Russia: interaction of the state and business. – Bryansk: BF ORAGS, 2009. 168 p.
5. Use of digital technologies in restoration and preservation of cultural heritage sites // URL: <https://nasledieproekt.ru/ispolzovanie-czifrovyh-tehnologij-v-restavraczii-i-sohranienii-okn>.
6. Litovchenko V.V. Preservation and protection of cultural heritage in modern Russia: internal and external aspects // International Scientific Bulletin. 2014. № 8 (27). P. 361-367.
7. Maksimov V.V. Legal aspect of preservation of cultural values in UNESCO conventions: diss. ... Cand. of Law. – Moscow: 1997. 220 p.
8. Sorokina A.Yu. Cultural and historical heritage in the light of regional cultural policy // Culture. Education. Law. Issue. 2. Materials of the International scientific and practical conference. – Ekaterinburg, 2009. P. 185-189.
9. Federal Law № 7-FZ (as amended on 25.12.2023) “On Environmental Protection” // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34823.
10. Chernykh E.M. Preservation of the historical and cultural heritage of the peoples of Russia: information and reference materials. – Izhevsk: Publishing house “Udmurt University”, 2012. 54 p.

Таннуэр Сыдикэ

Институт китайского языка и литературы Синьцзянского педагогического университета.

Назначение народных сказок о сыновней почтительности в различных этнических группах в районе Синьцзянь*

Аннотация. Назначение народных сказок о сыновней почтительности среди различных этнических групп в Синьцзянь, способствует налаживанию семейных отношений, социализации в обществе и национальной идентичности, пробуждает патриотические чувства во всех изученных этнических группах посредством ненавязчивого влияния. Народные сказки о сыновней почтительности среди различных этнических групп в Синьцзяне наряду с образовательной функцией несут задачу преобразования реальности, то есть они эффективны как в воспитании характера, так и в повышении патриотического сознания. Кроме того, они положительно влияют на формирование хорошей семьи и создание атмосферы солидарности.

В статье изучен функционал народных сказок о сыновней почтительности среди различных этнических групп в Синьцзянь и сделаны соответствующие выводы. Помимо этого, в статье показаны общие черты китайской культуры, отраженные в сказках, а также показана необходимость и важность распространения народных сказок о сыновней почтительности среди различных этнических групп Синьцзяня. На фоне построения социалистического общества выявление факторов сыновней почтительности в народных сказках этнических групп Синьцзяня имеет большое значение для совершенствования социалистических моральных качеств и построения гармоничных межличностных отношений.

Ключевые слова: народные сказки о сыновней почтительности, этнические группы, автономный район Синьцзянь, задачи образования, функция преобразования реальности.

Tanguer Sidike

College of Chinese Language and Literature, Xinjiang Normal University, Urumqi, Xinjiang, China.

The function of folk filial piety tale among various ethnic groups in Xinjiang

Abstract. The folk filial piety tale among various ethnic groups in Xinjiang promote family harmony, social harmony, and national identity and patriotic feelings of all ethnic groups through

* © Таннуэр Сыдикэ, 2025.

Назначение народных сказок о сыновней почтительности в различных этнических группах в районе Синьцзянь

subtle influence. The folk filial piety tale among various ethnic groups in Xinjiang have the functions of education and transformation of reality, i.e., they are effective in improving character cultivation and enhancing patriotic consciousness, and they also have an important positive influence on the formation of a good family and social atmosphere of close solidarity.

By studying the functions of folk filial piety tale among various ethnic Groups in Xinjiang and the corresponding conclusions, this paper can see the common features of Chinese culture presented by them, as well as the necessity and importance of spreading the Folk Filial Piety Tale among Various Ethnic Groups in Xinjiang. Under the background of building a socialist society, excavating the filial piety factors in the folk tales of Xinjiang ethnic groups is of great significance for perfecting socialist moral qualities and building harmonious interpersonal relationships.

Key words: folk filial piety tale, ethnic groups in Xinjiang, educational function, function of transforming reality.

Introduction

Xinjiang ethnic folk tales of filial piety are the crystallization of the wisdom of the peoples of Xinjiang. Cultural anthropologists point out: “All cultural elements, if we are right, must be active, functioning, and effective. The dynamic nature of cultural elements indicates that the important work of anthropology lies in studying the functioning of culture. There is a certain law to the cultural journey, and that law is in the functioning of the elements of culture.” [1]. In the oral transmission from one generation to another, those characters in the stories gradually penetrate into people’s mind and influence the way they behave. The central idea of folk filial piety tale is to teach people to perform filial piety and advise them to be kind. From the positive protagonists, one can learn many useful behaviors; from the negative characters, one can also be alerted. Wan Jianzhong pointed out: “The use of folklore by the people for traditional moral education has had a good influence on the formation of our national character. A considerable part of our traditional moral thoughts exists in folklore and is spread with the help of folklore.” [2].

Through the dissemination of folk stories of filial piety, the culture of filial piety is promoted, so that people can be guided and educated to respect the old and love the old, in order to make the old have a sense of security and care. With the rapid development of society, children spend a lot of time on their own careers and their own small families, which leads to the growth of the number of “empty-nested elderly”. This situation shows that, even when the material standard of living has reached a high level, and even when social welfare and social security are fully able to provide for the elderly, the moral concept of filial piety, which advocates love and care for one’s family, is still a moral concept that must be upheld and promoted by society. Expanding from honoring parents and ancestors to all elders in the world is the proposition of universal love embodied in filial piety. Through the dissemination of folk stories of filial piety, it will help to establish a more favorable social style, so that society can establish

an ethical foundation for benign operation. The folk stories of filial piety of the ethnic groups in Xinjiang have the functions of education and transformation of reality, and it is because of these functions that they are more dynamic and can be passed on and carried forward.

1. Educational function

Zhong Jingwen pointed out: "The content of folk literature is closely related to the life and thoughts of the masses, and the form is popular among them, and has a very broad mass base. It is the most convenient and popular oral textbook for people's self-education." [3]. Wan Jianzhong pointed out, "In the folk, traditional moral education is mainly implemented through the form of folk literature. The role of folk literature in educating young people is more obvious." [4]. Both of these two folklore experts, by studying the value function of folklore, came to the conclusion of the educational function it possesses. Scholar Xu Xiuqi summarizes the educational value of the process of folktale dissemination as being conducive to the promotion of the shaping of healthy personalities, the dissemination of local knowledge, the construction of ethics and morals, and the inculcation and experience of emotions [5]. To this day, filial piety education still has a very important value. The main purpose of the folk filial piety stories of all ethnic groups in Xinjiang is to stimulate filial feelings, improve filial judgment, respect for parents, respect for elders, love for the motherland, love for the people.

Combined with the reality of contemporary society, filial piety education not only has important moral education significance, but also has a certain significance for the elderly. At the same time, filial piety education also helps to establish a reasonable modern parent-child relationship, which can promote the harmony and stability of intergenerational relationships, family and even the whole society, and is the inherent requirement for building a harmonious society. However, contemporary filial piety education not only faces many unfavorable influencing factors, but also has been in a realistic dilemma. Among them, the unfavorable influencing factors mainly include: changes in the modern family structure have weakened the realistic basis for the existence of filial piety; the negative impact of the market economy has formed an impact on modern filial piety education. The lack of filial piety in the character of some people in modern society is reflected in the following aspects: not supporting parents, alienation of affection, disrespect for the elderly, looking to money and selfishness.

The folk stories of filial piety of Xinjiang ethnic groups can shape the children's ethical concepts to a certain extent through subtle influence, so that the children can consciously fulfill their responsibilities and obligations to respect the elderly and nourish them. Filial piety is the love of children for their parents. When filial piety is promoted from the family to the transformation of society, its role has been sublimated. From caring for the family to caring for the world, filial piety has expanded its social utility, enriched its connotation, elevated its spiritual realm,

and increased its practicality. By analyzing the folk stories of filial piety in Xinjiang, the educational functions of filial piety stories can be divided into two categories: improving character cultivation and enhancing patriotic consciousness.

1.1 Improvement of character cultivation

The dissemination and reading of folk stories of filial piety in Xinjiang are conducive to improving character cultivation. Because filial piety stories have a certain effect of sensitization, people through the reading of folk filial piety stories, subconsciously aware of the important responsibility and obligation of respect for the elderly, so as to consciously choose their own paradigm of filial piety, enriching and perfecting the individual's inner world. For example, through reading the Mongolian folktale "Filial Son Lao San" [6], one realizes that it is because of filial piety and respect for his parents that Lao San obtains such treasures as a bullhorn trumpet, a small silver pocket, and a broad-brimmed hat, and even ends up being khan and treats his people well. Attributing all good rewards to the main character who honors his parents naturally leads the reader to learn about good deeds.

Parents give their whole lives to raising their children. "All good deeds and filial piety are the basic rule of being a human being." By loving, understanding, accompanying parents, making parents happy and other aspects of the actual situation, one is able to be filial to parents. For example, the educational function of improving character cultivation can also be achieved by reading the plot of the Uyghur folktale "The Proud Apprentice" [7], which has the following storyline:

- 1) There was a wrestler who was so good that no one could beat him;
- 2) One of his disciples boasted in front of the khan that his wrestling ability was exactly the same as that of his master;
- 3) In a wrestling match, the master dodged lightly and threw his disciple to the ground.

From this story, we can see that respecting elders and teachers is also one of the contents of filial piety. As the saying goes, "Once a teacher, always a father", in this story, the disciple lost the match because of his arrogance, which also shows that people should be modest and move forward. Whether parents, relatives, or teachers, elders and other people who give us skills, knowledge, wisdom should be respected. "In the small sense, filial piety means to honor one's parents; in the broader sense, it means to contribute to society." Only by improving personal moral cultivation can filial piety be truly implemented in action, ultimately achieving benevolence, filial piety, and brotherly love. In the process of dissemination of filial piety, the folk stories of filial piety of Xinjiang ethnic groups have an important educational function, and they play an important role in upgrading personal thinking and promoting the construction of Chinese national culture.

1.2 Enhance the sense of patriotism

Zi said, "Filial piety begins with serving one's parents, passes through serving

the ruler, and ends with building up one's career." Meaning, Confucius said, "Filial piety begins with serving one's parents, passes through serving the ruler in the middle, and finally reaches building a career." [8]. Scholar Bao Lang, in his work "Study of Filial Piety Culture of Chinese Ethnic Minorities," [9] summarizes the cultural elements of filial piety in Chinese ethnic minority folktales as filial piety and respect for parents, show love and respect brothers, and patriotism and service to the country.

Patriotism is the glorious tradition of the Chinese nation, and it is also a manifestation of Chinese children's loyalty and love for the motherland, and patriotism is the spiritual force that promotes the unification of the motherland, prosperity and strength. Folk stories of filial piety of all ethnic groups in Xinjiang enhance the readers' sense of patriotism through the telling of stories of filial piety originating from the life of each ethnic group, which are passed down from generation to generation. Patriotic consciousness can be strengthened by listening to and reading folktales such as "The Magic Garden", and "The horse breaker". In the following, we select a folk tale with enhanced patriotic consciousness and analyze its storyline to explore the educational function it contains.

For example, the Kazakh folktale "The Magic Garden" [10] is a story:

1) There were two farmers named Hashan and Ashan. Hashan was working in the land assigned to Ashan and actually dug out a pot of gold, and the two of them backed off from each other;

2) They heard that there was a wise old man in a faraway place and went to ask him to rule. One of the wise old man's disciples said, "Use this gold to build a park on the Gobi, where poor people can rest and quench their thirst and feed their hunger with fruit." The old man put that disciple in charge of building the park;

3) One day on the road, the old man's disciple suddenly heard the bells of a camel caravan. The camel caravan was transporting all kinds of birds of prey, and the lad took out all the gold in his pouch, bought all the birds, and released them. But when he was almost at Aghoul, he regretted what he had done;

4) In a moment of remorse, he fell to the ground, fell asleep in a daze, and dreamed. He dreamed that a lark flew over to him and said, "Good lad, do not be sad; the birds will repay you." He woke up and looked around, and there were birds all around him. Not much effort was made to build a large forest.

From the smallest respect for parents, solidarity with relatives and friends, to the largest service to the community, love of the motherland and the people. In the story "The Magic Garden", the original owner and the later owner of the land, the wise old man and his disciple all have the ideology and spirit of loving the country and the people. They are all unwilling to get something for nothing, and when they get the treasure, they think about the people and, finally, build the wonderful orchard for the people.

The people are the main body of the country, while the core of patriotism is love for the people. The content of the spirit of patriotism of the Chinese nation

is characterized by: safeguarding the unity of the motherland, loving the people, guarding Chinese culture, and loving the countryside and the soil [11]. Folk tales of filial piety of Xinjiang's ethnic groups have a very significant educational value. Such stories praise the filial piety, diligence, kindness, modesty, self-sacrifice and love of the people, love of the hometown, love of the motherland and other good qualities of thought possessed by the protagonist; criticizing ungrateful, lazy, selfish, proud, arrogant, plotting and cunning negative image, revealing their ultimate tragic end. The foundation of filial piety education is "benevolence", i.e., guiding adults to teach by word and example and children to honor the old and respect the wise. The educational function of the folk stories of filial piety in Xinjiang is very significant, which is to enhance the people's patriotic consciousness and sense of social responsibility. At the same time, the enhancement of national consciousness and Chinese cultural identity is also an important content of filial piety stories. The patriotic education of the folk tales of filial piety in Xinjiang plays an important role in promoting social harmony and advocating civilized customs.

2 Reality-transforming Function

Folktales are also popular among the general public because of their ability to play a positive role in transforming reality [12]. Folktales are social and creative literary paradigms. Through folk tales of filial piety, people can further close the emotional relationship between family members, enhance mutual communication and emotion, and teach the next generation the knowledge and experience necessary for life, so that they can grow up quickly and become useful members of society. As we all know, the nature of our society is a socialist society, which always takes the interests of the people as the starting and ending point of all behavior, and takes caring for people, loving people, helping people, and improving their living conditions as the guide for all actions. Filial piety, in terms of its original meaning, is in line with human nature, and its benevolence and love, which emphasizes human relations, is exactly what the current society needs. Regardless of the development of the times, the culture of filial piety, which is rooted in human blood, will play a role.

The Chinese people have always had the traditional virtue of respecting the old and loving the young. After thousands of years of development, filial piety has become part of the psychological needs of the general public, and has become the basic value principle for people to choose the mode of inter generational family relations. Ancient people attached great importance to the moral discipline among family members, putting forward the moral code of "father's kindness, son's filial piety, brother's fraternity" as the main content, and educating all members of the family to cultivate their own personalities according to the requirements, in order to maintain family harmony [13]. The relationships between parents and children, husband and wife, brothers and sisters, and

mothers-in-law and daughters-in-law in the family are very important, and only by dealing with these relationships can a solid foundation be laid for the realization of family harmony. The so-called “family harmony” means that in a good family atmosphere, the success of children and the prosperity of the family can be realized. Therefore, the content of folk tales of filial piety in Xinjiang is conducive to the promotion of family harmony, the realization of neighborhood unity and social harmony.

2.1 Favorable to promote family harmony

In today's society, part of the population is facing the crisis of family discord and loss of support for the elderly. Although the family structure of today's society is undergoing localized changes, harmonious inter generational relations are still people's basic psychological needs and an important foundation for family harmony and social stability. Folk tales of filial piety of all ethnic groups in Xinjiang have the value function of transforming real life, and play a positive role in improving parent-child relationship, amicable children's relationship, and harmonious mother-in-law and daughter-in-law relationship.

2.1.1 Improving parent-child relations

There is no better virtue and greatest good deed than “filial piety”. At the same time, the content of “filial piety” is very broad, and filial piety is not only manifested in the material aspect of human beings, but also in their spiritual level. Morality can be perfected by listening to and reading the folk tales of filial piety from various ethnic groups in Xinjiang. In the Mongolian folktale “The Story of the Cowherd” [14], it is told that Lao-San, as a result of filial piety, was given three horses with magical powers, and from then on, his family prospered and eventually became khans. The family is the root of people, the base for the continuation of traditional ideas. Through the oral transmission of filial piety stories of the ethnic groups, the connotation of improving parent-child relationship is enriched and spread. Filial piety and respect for parents is a basic requirement for a harmonious family. In addition to taking care of and supporting parents materially, it is also necessary to satisfy their psychological and spiritual needs.

2.1.2 Harmonizing child relations

As the ancient saying goes, “When brothers lose their peace, their love and friendship will never end.” The sermon of “brotherly friendship and brotherly respect” is more pleasant and easier to enhance the feelings between brothers. Folk tales of filial piety of various ethnic groups in Xinjiang have the function of harmonizing the relationship between brothers and sisters. For example, the storyline of the Mongolian folktale “The Origin of the Big Dipper” [15] highlights this function.

- 1) There was a man who had a daughter and two sons; the daughter was taken by someone else and the brothers set out in search of their sister;
- 2) On their way, the brothers meet five men with magical powers and wor-

ship them as brothers. The seven brothers crossed the mountains and finally found their sister, but she was already dead;

3) The sister became a big bright star in the north of the night sky; the seven brothers were so sad that they turned into the seven stars of the Big Dipper and guarded around their sister.

“Raise your parents in filial piety and your brothers in brotherly love.” Confucius said in “The Classic of Filial Piety”: “There is nothing better than filial piety to teach the people to be dear. Teach the people to be courteous and obedient, there is nothing better than brotherly love.” [16]. However, in modern society, under the negative impact of the development of the market economy, the values of some groups in society have changed dramatically, and a series of scandals and vices have appeared. For example, they do not care about their parents, are estranged from their relatives, and do not respect the elderly. The content of folk filial piety stories of Xinjiang’s ethnic groups covers all aspects of family ethics, advocating that readers should respect their elders, fraternize with their siblings, and get along with their mothers-in-law and daughters-in-law. The content of their stories is easy to understand, relevant, thoughtful and meaningful.

2.1.3 Harmonizing mother-in-law and daughter-in-law relations

Among the relationships of family members, the relationship between mother-in-law and daughter-in-law is one of the most difficult to deal with. There are many kinds of mother-in-law and daughter-in-law relationship such as evil mother-in-law and tiger daughter-in-law, evil mother-in-law and good daughter-in-law, good mother-in-law and evil daughter-in-law. One of the reasons why mother-in-law-daughter-in-law relationship is difficult to deal with is that the female group is characterized by heavy feelings and full of emotions that are easy to show. Daughter-in-law in the family of mother-in-law is a special existence of individuals, daughter-in-law and mother-in-law is neither blood relations, nor kinship. Therefore, this relationship has variability, sometimes just because of a little trifle, the conflict occurs. Therefore, the good or bad relationship between mother-in-law and daughter-in-law has a direct impact on the relationship between mother and son, the couple’s feelings and family stability. By reading the episodes about mother-in-law-daughter-in-law relationship in the folk tales of filial piety of various ethnic groups in Xinjiang, one can feel the theme and emotion of harmonious mother-in-law-daughter-in-law relationship conveyed by the works. For example, the Mongolian folk tale “Eating Lamb’s Meat on a Full stomach is Hard, Chewing Cow’s Horns on a Hungry stomach is Soft” [17], which advocates the theme of harmony between mother-in-law and daughter-in-law by humbling them:

1) The daughter-in-law often wraps delicious dumplings to honor her mother-in-law; after a long time, the mother-in-law thinks the dumpling edges are hard and unpalatable, so she throws away the dumpling edges.

2) The daughter-in-law picked up the dumpling trimmings that her mother-in-law had thrown away and put them in a cool place to dry; a few years later, her

hometown was hit by a great drought, and the two of them almost starved to death;

3) The daughter-in-law remembers the dried dumpling trimmings she has collected and brings them to her mother-in-law. The mother-in-law is finally moved and realizes the daughter-in-law's filial piety;

How well a mother-in-law-daughter-in-law relationship is handled depends on the positioning of the many roles of mother-in-law, daughter-in-law and son. Like the story of "Eating Lamb's Meat on a Full stomach is Hard, Chewing Cow's Horns on a Hungry stomach is Soft", it guides the daughter-in-law to be respectful and honest to her mother-in-law, and tolerant to her unruly mother-in-law. Filial piety even advocates that mothers-in-law should be tolerant and kind, and learn to think differently, so that they can eventually live in harmony. The content of filial piety stories about family harmony in all ethnic groups in Xinjiang can bring harmony and love to the family, which is conducive to raising the awareness of filial piety and respect for parents, mutual help and love, and guiding people to be diligent, thrifty, self-reliant and self-improving and other virtues, which is further conducive to the construction of a harmonious family and a harmonious society.

2.2 Beneficial to the promotion of neighborhood unity

The essence of filial piety culture is a kind of love and respect for the emotions and behavior. From filial piety to affection, from affection to respect, from reverence to benevolence, this is a natural path of moral growth. The neighborhood solidarity mentioned is that love of the motherland, and love of the people is sublimated. The connotation and extension of "filial piety" are both very rich. Scholar Huang Yanling pointed out in the article "Study on the Traditional Family Ethics of the Zhuang People and its Modern Evolution" [18] that in order to improve the unity of neighbors, the following points should be paid attention to: not to covet the things of neighbors, should be tolerant and generous, and do not pass on gossip. The culture of filial piety in daily life will be conducive to the formation of a culture of mutual help. Neighborhood harmony also need to talk about "filial piety". The Chinese people advocate mutual respect for neighbors, caring for each other, help each other and other virtues, this idea is also fully embodied in the folk tales of filial piety. For example, in the Mongolian folktale "Ayandai and Bayandai" [19], the filial and kind-hearted hero was tortured by his sister-in-law, became blind and beaten by his brother, living on the street. A neighbor brings food to the main character, and when his life improves, he repays the neighbor's family.

In short, filial piety enlightenment by "relatives" is the basic means of moral sublimation, and also the most effective way. As the old saying goes: "A distant relative is not as good as a close neighbor". In reality, with the rapid development of society and changes in the way of living, the relationship between neighbors is becoming more and more distant and indifferent. Therefore, by publicizing the folk stories of filial piety of all ethnic groups in Xinjiang, it is conducive to improv-

ing neighborly relations, enhancing the communication and cooperation ability of residents of all ethnic groups, and laying the foundation for social harmony.

2.3 Favorable to the promotion of social harmony

Morality is a prerequisite for building a harmonious society [20]. Filial piety, respect for parents, respect for elders, love for the motherland, love for the people, and promote these good qualities and good customs, so that the moral atmosphere of society will become better, people will become more friendly with each other, and therefore, the country's prosperity and strength will be realized. In the long history, filial piety stories play an important role in the stability, harmony and civilization of the society.

For example, the Kazakh folktale "Feeding Yourself by Labor" [21] conveys a profound intention through a simple storyline:

1) The famous thief tries to teach his son the skill of being a thief, but the son is unwilling to learn;

2) The thief asks his son to steal Bhai's yellow cow, but the son privately exchanges grain for the cow;

3) As requested by the son, they weighed themselves before and after eating beef. After eating it, the son gains a few pounds over his original weight, while the father loses a few pounds over his original weight;

4) The son tells his father that because the stolen food made conscience uneasy, it is not serving a nutritional purpose. Whereas food obtained by labor, when eaten with a clear conscience, will show its effectiveness;

5) The father came to his senses and worked with his son to support his family through labor.

Being a thief and committing theft not only affects one's personal reputation and interpersonal relationships, but also has a negative impact on family harmony and social harmony. In this story, the son sensitizes his father to stop being a thief through a small experiment. By virtue of the son's intelligence, the father avoids conflict with Bhai and being punished, leading to a happy ending.

The culture of filial piety is essentially a culture of harmony, and its fundamental function is to establish harmonious family relationships and inter-generational relationships. Children are born after the first contact is the parents, the first from their parents to feel the love of life, this simple emotional feeling is later produced on the love of others, love the root of society. Family harmony and neighborhood solidarity are the basis for forming social cohesion and promoting social harmony and stability. If everyone respects and loves the elderly and helps them, society will become a better society.

Conclusion

To sum up, the content of filial piety stories is conducive to the establishment of a good social climate of respect for the elderly and love for the young

and intergenerational harmony. Doing filial piety to parents at home and doing loyalty to the country outside. The main purpose of cultivating the culture of filial piety in the new era is to solve the problem of aging. In order to solve the problem of aging in today's society, it is necessary to play the important role of traditional filial piety culture. By analyzing and exploring the functions of filial piety stories of various ethnic groups in Xinjiang, it can be concluded that the folk filial piety stories of various ethnic groups in Xinjiang have functions such as educational function and transformation of reality. At the same time, these functions do not exist separately, but are interconnected, interpenetrating and interacting, and they play an important value in enhancing personality cultivation, strengthening patriotic consciousness, promoting family harmony and building a harmonious society.

Библиографический список / References

1. Liu Shouhua. Outline of storytelling [M]. Wuhan: Huazhong Normal University Press, 2006. P. 142.
2. Wan Jianzhong. Introduction to Folk Literature [M]. Beijing: Peking University Press, 2006. P. 90.
3. Zhong Jingwen. Introduction to Folk Literature [M]. Beijing: Higher Education Press, 2010. P. 44.
4. Wan Jianzhong. Introduction to Folk Literature [M]. Beijing: Peking University Press, 2006. P. 90-91.
5. Xu Xiuqi. Research on the process of educational dissemination of folktales and its educational value [Master's thesis], Southwest University, 2014. P. 33-38.
6. National Editorial Committee of Chinese Folk Tales Integration. Chinese Folk Tales Integration (Xinjiang Volume) [M]. Beijing: China ISBN Center Press, 2008. P. 1000.
7. National Editorial Committee of Chinese Folk Tales Integration. Chinese Folk Tales Integration (Xinjiang Volume) [M]. Beijing: China ISBN Center Press, 2008. P. 1791.
8. Confucius, edited by Shi Jingjian: Xiaojing (The Classic of Filial Piety), Guilin: Lijiang Publishing House, 2017. P. 1.
9. Bao Lang: Studies on Filial Piety Culture of Chinese Ethnic Minorities, Beijing: Social Science Literature Press, 2016. P. 211-234.
10. National Editorial Committee of Chinese Folk Tales Integration. Chinese Folk Tales Integration (Xinjiang Volume) [M]. Beijing: China ISBN Center Press, 2008. P. 1815.
11. Chen Lai. On the spirit of Chinese patriotism [J]. Philosophy Research, 2019. № 10. P. 11-19.
12. Liu Shouhua. Outline of storytelling [M]. Wuhan: Huazhong Normal University Press, 2006. P. 109.
13. He Jiamei. Moral Education in Ancient Families [M]. Wuhan: China University of Geosciences Press, 2010. P. 56.
14. National Editorial Committee of Chinese Folk Tales Integration. Chinese Folk Tales Integration (Xinjiang Volume) [M]. Beijing: China ISBN Center Press, 2008. P. 1037.
15. National Editorial Committee of Chinese Folk Tales Integration. Chinese Folk Tales Integration (Xinjiang Volume) [M]. Beijing: China ISBN Center Press, 2008. P. 1131.
16. Qin Yongzhou, Yang Zhiyu. Ruling the country with filial piety [M]. Beijing: China International Broadcasting Press, 2014. P. 121.
17. National Editorial Committee of Chinese Folk Tales Integration. Chinese Folk Tales Integration (Xinjiang Volume) [M]. Beijing: China ISBN Center Press, 2008. P. 1767.
18. Huang Yanling. Study on the Traditional Family Ethics of Zhuang and its Modern Evolution [Doctoral dissertation], Central South University, 2013. P. 90-92.
19. National Editorial Committee of Chinese Folk Tales Integration. Chinese Folk Tales Integration (Xinjiang Volume) [M]. Beijing: China ISBN Center Press, 2008. P. 1076.
20. Cui Yongxue. Research on the moral foundation of socialist harmonious society [Doctoral dissertation]. Northeast Normal University, 2012. P. 16.
21. National Editorial Committee of Chinese Folk Tales Integration. Chinese Folk Tales Integration (Xinjiang Volume) [M]. Beijing: China ISBN Center Press, 2008. P. 1769.

Ульянов Г.К.

Старший преподаватель кафедры звукорежиссуры. Санкт-Петербургский Гуманитарный Университет Профсоюзов.

Эволюция роли исполнителя и музыкального продюсера в контексте электронной музыки*

Аннотация. Статья посвящена трансформации роли исполнителя и музыкального продюсера в контексте развития электронной музыки. Анализируются исторические этапы становления электронной музыки, рассматриваются ключевые инструменты и технологии (синтезаторы Moog и Buchla, MIDI, секвенсоры), Показано, как развитие вычислительной мощности компьютеров и программных средств изменило ландшафт музыкального производства и размывает традиционные границы между созданием, исполнением и продюсированием.

Ключевые слова: электронная музыка, живое исполнение, музыкальный продюсер, MIDI, синтезатор Moog, синтезатор Buchla, musique concrète, цифровые технологии, семплирование, live electronics, трансформация ролей в музыке, исполнитель в электронной музыке, цифровой звук, звуковой дизайн.

Ulianov G.K.

Senior Lecturer, Sound Engineering Department, St. Petersburg University of the Humanities and Social Sciences.

The evolution of the role of the performer and music producer in the context of electronic music

Abstract. The article is devoted to the transformation of the role of the performer and music producer in the context of electronic music. The historical stages of the formation of electronic music and key instruments and technologies (Moog and Buchla synthesizers, MIDI, sequencers) are considered. It is shown how the development of computing power and software has changed the landscape of music production and blurs the traditional boundaries between creation, performance and production.

* © Ульянов Г.К., 2025.

Эволюция роли исполнителя и музыкального продюсера в контексте электронной музыки

Key words: electronic music, live performance, music producer, MIDI, Moog synthesizer, Buchla synthesizer, musique concrète, digital technology, sampling, live electronics, transformation of roles in music, performer in electronic music, digital sound, sound design.

Роль исполнителя в сфере электронной музыки претерпела значительную трансформацию, пройдя путь от почти полного отсутствия исполнителя и вариативности исполнения как такового до глубокого и интерактивного взаимодействия человека и технологий, позволяя вновь, как и в случае с живой музыкой, привнести выразительность и уникальность в каждое исполнение музыкального произведения, оставить место для исполнительских интерпретаций авторского замысла.

Одновременно с возвращением исполнителя в электронную музыку постепенно оформляется и укрепляется роль музыкального продюсера — фигуры, объединяющей в себе функции композитора, звукоинженера, исполнителя и организатора творческого процесса. Эта роль возникла не столько из стремления заменить исполнителя, сколько из необходимости координировать сложный технологический процесс создания музыки. С появлением цифровых рабочих станций, MIDI-протоколов и широкого спектра программных инструментов продюсер получил возможность не просто контролировать форму, но и формировать художественную концепцию произведения на всех этапах — от начальной идеи, к записи, аранжировке и до финальной обработки.

На ранних этапах развития электронной музыки, в таких направлениях как *musique concrète* и *Elektronische Musik*, исполнитель зачастую отсутствовал, уступая место физическому носителю звукозаписи или алгоритму запуска и воспроизведения инструментов. Музыка создавалась путём манипуляции записанными звуками или сгенерированными электронными сигналами, которые затем фиксировались на магнитной пленке [3, с. 61].

Композитор брал на себя полный контроль над всеми параметрами звука - частотой (высотой) сигнала, громкостью воспроизведения как отдельного звука, так и их созвучий, длительностью звука и характером громкостной огибающей сигнала - степенью атаки и затухания (переходными процессами) [5, с. 17]. Эти механики и органы управления электронным звуком в дальнейшем сохранятся и до наших дней, несмотря на значительное развитие инструментария, доступного с помощью компьютерных технологий, но основы были заложены ещё тогда.

Трансформируется и нотная запись, уступая место физическим носителям как непосредственным источникам и окончательной форме произведений. На заре электронной музыки, особенно во Франции в конце 1940-х годов, Пьер Шеффер (Pierre Schaeffer) представил «концерт шумов»,

используя записи естественных звуков. В дальнейшем, эксперименты по организации предварительно записанных «повседневных» звуков привели к созданию первой электронной студии и появлению термина «musique concrète», который указывал на то, что музыка «фактически создавалась на пленке без происхождения в музыкальной нотации или какой-либо абстракции» [3, с. 34].

Композиторы перестали полагаться на символьное отображение музыки посредством нотации и стали использовать сами записи как материал для организации композиции, проводя над магнитной плёнкой различные манипуляции: ускоряли и замедляли её, воспроизводили в обратную сторону, зацикливали, добавляли эффекты. Данные эксперименты можно рассматривать как первые шаги к технике семплирования, которая в своё время окажет значительное влияние на звучание современной музыки. В немецких студиях, таких как Кёльнская студия, основанная Гербертом Аймертом в 1951 году, преобладал подход «чистой» электронной музыки, где звук генерировался исключительно электронными средствами, такими как синусоидальные волны, а затем фиксировался [3, с. 71]. Это позволило композиторам, например, Карлхайнцу Штокхаузену, получить «полный контроль над всеми параметрами звука» — высотой, громкостью, тембром и длительностью. Этот сдвиг, при котором оборудование студии стало центральным для создания музыки, поставил под вопрос и традиционную роль концертного зала, поскольку фиксированная запись могла звучать одинаково как в зале, так и дома на стереосистеме. Работы, такие как *Symphonie pour un homme seul* Пьера Шеффера и Пьера Анри, использовали широкий спектр записанных звуков. Нотная запись как основа композиции уступила место прямому созданию и манипулированию звуком на физических носителях, делая саму запись неотъемлемой частью и конечной формой произведения.

Первый синтезатор RCA Mark I был разработан к 1955 году, а более совершенная версия Mark II установлена в Колумбийско-Принстонском центре электронной музыки в 1959 году. Эти синтезаторы, хоть и были сложны в использовании и программировании, идеально подходили для создания сериальных композиций, так как все параметры — высота тона, длительность, тембр и динамика — могли быть контролируемы с полной точностью. Генераторами звука служили 12 осцилляторов, которые соответствовали 12 хроматическим тонам звукоряда, с гибким изменением формы волны, что расширяло тембровые возможности и позволяло создавать уже полифонические композиции. Эти синтезаторы, хоть и были сложны в использовании и программировании, идеально подходили для создания серийных композиций, так как все параметры — высота тона, длительность, тембр и динамика — могли быть контролируемы с полной точностью.

Синтезаторы Moog и Buchla стали знаковыми инструментами в развитии электронной музыки, каждый из которых отражал свой уникальный подход к звукообразованию и роли исполнителя. Ранние синтезаторы Moog были модульными системами (Synthesizer 10, 1c, System 35, System 55), что позволяло гибко соединять модули синтезатора для генерации звука и настройки управляющих модуляторов. Ключевым решением Муга, повлиявшим на широкую популярность его инструментов, стало использование традиционной клавиатуры в качестве основного контроллера ввода нотной информации исполнителем. Несмотря на то, что некоторые серьезные композиторы, такие как Владимир Усачевский, изначально выступали против клавиатуры, Муг считал важным удовлетворять потребности музыкантов, не ограничиваясь студийной работой. Муг также разработал четырехсекционный генератор огибающей ADSR (Attack, Decay, Sustain, Release), который стал стандартным подходом к формированию огибающей звука и часто встречающимся органом управления синтезатора [4, с. 59].

В отличие от Муга, Дональд Букла предложил совершенно иное видение электронной музыки и подход к логике конструирования синтезаторов. В 1965 году Мортон Саботник и Рамон Сендер из San Francisco Tape Music Center (SFTMC) заключили контракт с Буклой на разработку синтезатора для их студии. Они стремились создать инструмент, который позволил бы избежать трудоемкого процесса редактирования ленты, на котором до этого зависела большая часть электронной музыки. Букла, как и Муг, использовал осцилляторы, контролируемые напряжением и модульную конструкцию синтезатора. Но одним из конструктивных отличий для исполнителя было использование сенсорных панелей в качестве клавиатуры синтезатора, которые генерировали различные напряжения в зависимости от силы нажатия. Он считал, что клавиатура диктовала бы композиторам традиционную тональную музыку, в то время как его подход стимулировал бы исследование новых звуковых возможностей. [1, с. 181]. Также Букла разработал первый секвенсор на коммерческом синтезаторе, что позволяло программировать повторяющиеся последовательности звуков. Философия Буклы заключалась в создании «намеренного» электронного музыкального устройства, изначально предназначенного для создания электронной музыки, а не для имитации других инструментов [4, с. 41]. Он был менее ориентирован на мейнстримный коммерческий успех и больше на авангард и эксперименты. Специфические модели: Buchla 100 (также известный как «Buchla Vox») – первый синтезатор, разработанный для SFTMC; более поздние серии 200, 300, 400, 500, 700, включали гибридные и компьютерные системы. Несмотря на свою инновационность, инструменты Buchla не получили такой широкой популярности, как Moog, оставаясь в основном в кругах авангарда и экспериментальной музыки.

Синтезаторы стали восприниматься как полноценные исполнительские инструменты, они ознаменовали собой возвращение исполнителя в электронную музыку, превратив его роль из отсутствующей или минимальной в активное, интерактивное и часто сотворческое партнерство с технологией, требующее как музыкального, так и технического мастерства. Возникла «живая электроника» (live electronics), где исполнители взаимодействовали с электронными системами на сцене. Такие группы, как Musica Elettronica Viva (MEV), активно исследовали возможности живого исполнения и участия публики. Они стремились освободить исполнителя от ограничений студии, создавая «социальное искусство» [2, с. 161]. Дэвид Тюдор, известный исполнитель произведений Джона Кейджа, использовал инструменты со звукоусилением, живую электронику и визуальные компоненты, создавая такие работы, как Rainforest, где звуки «перерабатываются» с помощью «инструментальных громкоговорителей» из различных акустических материалов [3, с. 109]. Этот этап требовал от исполнителей не только музыкальных, но и технических навыков, поскольку они сами, непосредственно управляли электронными устройствами, изменяя параметры звука в реальном времени.

Появление MIDI (Musical Instrument Digital Interface) и более частое использование компьютеров в процессе музыкального производства и исполнения музыки произвело революцию в создании, записи и обработке звука, что напрямую повлияло на роль самого музыканта и продюсера. MIDI-протокол позволил стандартизировать параметры управления, такие как управление нотами, питч-бенд, модуляцию и другие параметры. До широкого распространения универсальных компьютеров в качестве секвенсоров, существовали специализированные аппаратные секвенсоры, такие как Roland MC-8 MicroComposer, которые позволяли вводить музыку в виде чисел для высоты тона, длительности нот и пауз. Однако этот процесс был трудоёмким, редактирование примитивным, а данные хранились на кассетах с магнитной плёнкой. MIDI-секвенсоры (которые не обязательно были универсальными компьютерами) могли быть синхронизированы с многоканальными магнитофонами с помощью тайм-кода и отправлять инструкции об изменении программ (пресетов) на MIDI-управляемые устройства эффектов в нужные моменты времени. Именно после того, как MIDI получил широкое распространение, универсальные компьютеры начали активно использоваться в качестве секвенсоров. В свою очередь, для управления старыми аналоговыми синтезаторами с помощью компьютерных MIDI-секвенсоров стали применять MIDI-to-CV/gate конвертеры.

С более массовым применением компьютеров как центрального звена студии звукозаписи, с помощью MIDI-команд стало возможным автоматизировать большинство параметров виртуальных синтезаторов и эффек-

тов обработки при создании и микшировании музыкальной композиции, управлять параметрами самой цифровой рабочей станции. Композиторы и исполнители получили беспрецедентный контроль над дизайном звука с помощью синтезаторов, манипуляций с записанным материалом, эффектами обработки сигнала. Музыкальный продюсер стал ключевой фигурой, интегрирующей творческие и технические аспекты производства [6, с. 54]. Происходит размытие между традиционными ролями в процессе создания, записи и обработки музыки. Возросшая компьютерная производительность позволяет совершать всю работу в рамках одного проекта, не разделяя этапы процесса создания музыки, как это было физически необходимо делать в эпоху аналоговой записи.

Работа продюсера (часто в сотрудничестве с артистом и инженером микширования) заключается в том, чтобы собрать все разрозненные элементы записи – отдельные партии, звучания инструментов, временные и пространственные события – и объединить их в единое музыкальное произведение, где каждое звено идеально сочетается с другим. Продюсер должен глубоко понимать саму музыку, её посыл, эмоции и содержание, а затем принимать технические решения, касающиеся использования эффектов, баланса и размещения различных элементов в финальном миксе. Пол Уайт подчёркивает, что продюсер должен обладать «подходом к людям» и способностью создавать атмосферу, в которой музыкантам и инженерам работа доставляет радость, поскольку процесс записи в студии может быть очень стрессовым. Эта «способность создать такую атмосферу» имеет огромное значение [6, с. 55]. В условиях домашних или небольших частных студий инженер и продюсер нередко являются одним и тем же лицом. Это даёт преимущество в том, что продюсеру не нужно объяснять инженеру свои идеи, но может усложнить объективность оценки художественных результатов проделанной работы из-за большей сосредоточенности на техническом аспекте.

История электронной музыки демонстрирует не только эволюцию звуковых технологий, но и глубокие изменения в самой структуре музыкального производства. Переход от звукозаписи как финальной формы производства к интерактивному исполнению и интерпретации, от замкнутого студийного пространства к живому сценическому взаимодействию с техникой и аудиторией ознаменовал возвращение исполнителя в электронную музыку, наделив его новыми функциями и возможностями. Современный музыкальный продюсер, в свою очередь, часто объединяет в себе роли композитора, исполнителя и звукоинженера, используя цифровые технологии как средство выражения и интерпретации музыкально-художественных идей. Развитие технологий не упразднило творческие роли, а наоборот, трансформировало и расширило их. Электронная музыка становится пространством, в котором человек и компьютерные технологии

взаимодействуют не в противостоянии, а в сотворчестве. Это открывает новые возможности для творческого самовыражения и ведёт к новым вызовам, требующим не только технической подготовки, но и чуткости, музыкального мышления и способности к импровизации в условиях цифровой среды. Будущее музыки — в диалоге между искусственным и человеческим, где границы между созданием и исполнением продолжают стираться, но с неизменной целью: выразить идею, подобрать подходящую форму и донести звук на качественно новом уровне.

Библиографический список

1. Brend M. *The Sound of Tomorrow: How Electronic Music Was Smuggled into the Mainstream.* – London: Bloomsbury Academic, 2012. 240 с.
2. Mackay A. *Electronic Music.* – Minneapolis: Control Data Publishing, 1981. 128 с.
3. Manning P. *Electronic and Computer Music.* – Oxford: Oxford University Press, 2004. 352 с.
4. Pinch T., Trocco F. *Analog Days: The Invention and Impact of the Moog Synthesizer.* – Cambridge, MA: Harvard University Press, 2004. 384 с.
5. Russcol H. *The Liberation of Sound: An Introduction to Electronic Music.* Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall, 1972. 315 с.
6. Уайт П. *Творческая звукозапись.* – М.: Книга по Требованию, 2019. 180 с.

References

1. Brend M. *The Sound of Tomorrow: How Electronic Music Was Smuggled into the Mainstream.* – London: Bloomsbury Academic, 2012. 240 p.
2. Mackay A. *Electronic Music.* – Minneapolis: Control Data Publishing, 1981. 128 p.
3. Manning P. *Electronic and Computer Music.* – Oxford: Oxford University Press, 2004. 352 p.
4. Pinch T., Trocco F. *Analog Days: The Invention and Impact of the Moog Synthesizer.* – Cambridge, MA: Harvard University Press, 2004. 384 p.
5. Russcol H. *The Liberation of Sound: An Introduction to Electronic Music.* Englewood Cliffs, – NJ: Prentice-Hall, 1972. 315 p.
6. White P. *Creative Sound Recording.* – Moscow: Kniga po Trebovaniyu, 2019. 180 p.

Кармалеев Р.А.

Старший преподаватель кафедры тактики и боевой работы, подполковник. Саратовское высшее артиллерийское командное училище, г. Саратов. ORCID: 0009-0007-1646-6517

Федорчукова Л.А.

Лаборант кафедры тактики и боевой работы. Саратовское высшее артиллерийское командное училище, г. Саратов. ORCID: 0000-0003-0507-9371

Федорчукова Т.А.

Референт отдела делопроизводства правовой и кадровой работы. Министерство внутренней политики и общественных отношений Саратовской области, г. Саратов. ORCID: 0009-0007-3847-2379

Технологии репрезентации исторических событий Великой Отечественной войны на примере контента англоязычных сайтов военных музеев*

Аннотация. Во «**Введении**» формулируются объект, предмет, цель, определяется методология исследования. «**Теоретическая часть**» содержит обзор научной литературы, в которой заявленная тема освещается с позиций разных областей гуманитарного знания. В статье предлагается авторский перевод аутентичных англоязычных текстов, представленных на сайтах военных музеев Великобритании, США и Канады. Последовательный анализ контента данных ресурсов позволяет выявить основные отличия в сфере репрезентации событий ВОВ странами Запада и России. Указывается, на то что несмотря на отсутствие прямой фальсификации исторических событий в зарубежных странах, наблюдаются факты обесценивания, нивелирования и замалчивания роли и достижений СССР во Второй мировой войне. Данные приемы создают благодатную почву для мифотворчества, способствуют порождению пропаганды в ее самых негативных проявлениях. В «**Заключении**» подводятся итоги исследования, отмечается необходимость сохранения исторической памяти, популяризации культурных и мемориальных практик в России.

Ключевые слова: историческая память, мемориальные практики, культурные практики, обесценивание, нивелирование, замалчивание.

* © Кармалеев Р.А., Федорчукова Л.А., Федорчукова Т.А., 2025.

Технологии репрезентации исторических событий Великой Отечественной войны на примере контента англоязычных сайтов военных музеев

Karmaleev R.A.

Senior Lecturer of the Department of Tactics and Combat Work, Lieutenant Colonel. Saratov Higher Artillery Command School, Saratov. ORCID: 0009-0007-1646-6517

Fedorchukova L.A.

Assistant of the Department of Tactics and Combat Work. Saratov Higher Artillery Command School, Saratov. ORCID: 0000-0003-0507-9371

Fedorchukova T.A.

Assistant of Legal and Human Resources Records Office. Ministry of Internal Policy and Public Relations of the Saratov Region, Saratov. ORCID: 0009-0007-3847-2379

Technologies for representing historical events of the Great Patriotic War using the example of the content of English-language websites of military museums

Abstract. In the introduction the object, the subject, the purpose of the work and the research methodology are formulated. The theoretical part contains a review of scientific literature in which the stated topic is covered from the perspective of various fields of humanitarian knowledge. The article offers an author's translation of authentic English-language texts presented on the websites of military museums in the UK, the USA and Canada. A consistent analysis of the content of these resources makes it possible to identify the main differences in the representation of the events of the Second World War by Western countries and Russia. It is pointed out that despite the absence of direct falsification of historical events in foreign countries, there are facts of devaluation, leveling and concealment of the role and achievements of the USSR in the Second World War. These techniques create fertile ground for myth-making and propaganda in its most negative forms. The conclusion summarizes the results of the study. The necessity to preserve historical memory, popularize cultural and memorial practices in Russia is noted.

Key words: historical memory, memorial practices, cultural practices, depreciation, leveling, concealment.

Введение

В 2025 году Россия отметила 80-летие Победы советского народа в Великой Отечественной войне. В этой связи представляется необходимым осветить вопросы исторической и культурной памяти, а также связанных с ними культурных и мемориальных практик. Это актуально в условиях современной реальности, когда в ряде случаев, связанных с геополитикой, предпринимаются попытки переписать историю, наблюдается подмена понятий, допускается искажение или альтернативная интерпретация со-

бытий Великой Отечественной войны.

Ни для кого не секрет, что подобные технологии довольно часто и, к сожалению, успешно применяются представителями западного мира в информационных войнах против России. Впрочем, для достижения цели – поражения России на информационном поле совсем необязательно создавать фейки и заниматься информационными вбросами – то есть актуализировать технологии открытой фальсификации; достаточно использовать тактику сознательного замалчивания, смещения акцентов, преднамеренной недосказанности, что, в конечном счете, создает благоприятную почву для репрезентации известных исторических событий в выгодном для западных политиков свете. Такая «подача» исторического прошлого в случае репрезентации событий Великой Отечественной войны неминуемо приводит к обезличиванию и обесцениванию роли советского народа в великой Победе над фашистскими захватчиками. В этой связи особого внимания заслуживает обсуждение контента англоязычных сайтов военных музеев некоторых стран западного мира, в частности, Великобритании, США и Канады. О некоторых особенностях репрезентации исторических событий ВОВ на данных сайтах и пойдет речь в нашей статье.

Объектом исследования выступают англоязычные тексты сайтов военных музеев стран Запада, а предметом – технологии репрезентации, которые находят свое выражение в тактике замалчивания, нивелирования и обесценивания исторических событий ВОВ, связанных с Победой СССР над фашистскими захватчиками. Целью исследования является выявление технологий репрезентации в информации, представленной в содержании переведенных на русский язык текстов англоязычных сайтов военных музеев США и Канады. Методология исследования основана на сочетании теоретического и эмпирического подходов с применением методов анализа, обобщения и синтеза. Эмпирическая база получена с помощью метода сплошной выборки; фронтальный и компаративистский методы позволили выявить технологии репрезентации исторических событий ВОВ в формате альтернативной интерпретации представителями западных стран.

Теоретическая часть

Музеи, как неотъемлемая составляющая истории и культуры любой страны, представляет собой извечную тему, и организуют особое пространство, которое видоизменяется и трансформируется. Во многом благодаря этим метаморфозам научная литература не испытывает дефицита в публикациях, которые раскрывают особенности музейного пространства во всем его многообразии. Еще совсем недавно, в конце минувшего века, музеи представляли собой нечто статичное и незыблемое; однако с воз-

растающей ролью информационных технологий мы уже не удивляемся появлению виртуальных музеев, а лучше сказать виртуального музейного пространства, особое место в котором отводится учреждениям, деятельность которых связана с сохранением военно-исторического наследия. Можно по-разному относиться к процессам цифровизации, но приходится признать: в сфере музейного дела наблюдается «цифровой прорыв» и примеров тому – великое множество. Так, например, представление о специфике деятельности учреждений по сохранению военно-исторического наследия в России XXI века можно получить, ознакомившись с исследованием Е.Д. Жабко. В статье «Формы и методы представления военно-исторического наследия в современной информационной среде» [6] подробно рассматриваются не только проблемы сохранения военно-исторического наследия (особенно в условиях обострившейся геополитической ситуации вокруг России), но и оцениваются основные направления работы, которая по большей части связана с созданием цифровой среды. Военно-историческое наследие репрезентируется «в форме календарей знаменательных и памятных дат, электронных карт объектов военно-исторического наследия, результатов пространственного моделирования (включая трехмерное) и реконструкции исторических событий и объектов» [6, С. 142]. Культурные и мемориальные практики в данном случае показаны на примере работы отечественных военных библиотек, в число которых входит и Военная электронная библиотека.

Авторы Л.А. Мандригина Л.А. и Н.А. Соловьев опубликовали результаты своего исследования [8], целью которого было представление мемориальных информационных ресурсов о сибиряках – участниках Великой Отечественной войны и тружениках тыла. Было проанализировано в общей сложности 63 сайта, в том числе: сайты Министерства обороны, государственных музеев и архивов Сибири и Дальнего Востока, а также других организаций. Публикация представляет интерес с точки зрения рассмотрения специфики мемориальных практик в электронной среде, а также осмысления границ концептуального поля понятия «эго-текст», репрезентированного другими исследователями.

Сравнительный анализ мемориальных практик в интернет-пространстве России и Британии представляет в своей статье Я.А. Голубинов, рассматривая опыт двух стран на примере репрезентации событий не менее значимого исторического события для России – Первой мировой войны (1914-1918 гг.). Автор отмечает: «Запущенные в 2014–2018 гг. интерактивные проекты в странах ЕС и России призваны актуализировать память о войне среди населения этих стран, а также сделать доступ к памяти (прежде всего, к электронным копиям архивных дел, книгам, личным документам, фотографиям, аудио- и видеоматериалам и т. п.) более простым и удобным» [5, С. 139]. Признавая за Россией и Британией право на особенности

национальной памяти, Я.А. Голубинов указывает на точки совпадения в памяти двух крупных европейских наций, что, по мнению автора, «может служить возможностью для продуктивного коммеморативного диалога и построения общей памяти о войне» [5, С. 139].

В контексте обсуждаемой проблемы большой интерес представляет публикация Л.В. Коробицыной «Вторая мировая война в музейном пространстве: опыт цифровизации в России и Британии» [7]. Автор подробно исследует контент официальных сайтов музеев двух стран, уделяя особое внимание современным формам сохранения исторической памяти о ВОВ, а именно: создание онлайн-экспозиций и онлайн-экскурсий, организация тематических компьютерных игр (что, безусловно способствует популяризации темы военно-исторической памяти среди молодого поколения). Опираясь на коллективный опыт россиян и британцев с точки зрения осмысления исторического прошлого, автор приходит к интересному выводу о том, что «Великая Отечественная война выступает важнейшим элементом патриотического воспитания молодого поколения в России, в то время как в британской традиции значительное место занимает феномен холокоста как общечеловеческой трагедии» [7, С. 8].

Вслед за публикациями упомянутых авторов, а также принимая во внимание многочисленные факты искажения реальных исторических событий в пространстве интернет-дискурса мы ознакомились с контентом англоязычных сайтов военных музеев Великобритании, США и Канады прежде всего с точки зрения содержания информации, репрезентирующей исторические события ВОВ. В процессе изучения представленной на данных ресурсах информации нами обнаружены факты «альтернативной интерпретации» исторических событий ВОВ, которая, вне всякого сомнения, является более предпочтительной для стран западного мира.

Начнем с того, что историческая память – это способность общественных субъектов сохранять и передавать из поколения в поколение знания о произошедших исторических событиях, об исторических деятелях ушедших эпох, о национальных героях и вероотступниках, о традициях и коллективном опыте освоения социального и природного мира, об этапах, которые прошел тот или иной этнос, нация, народ в своем развитии [10, С. 15].

Далее, практика (в нашем случае речь пойдет о культурных практиках) понимается как деятельность или (и) поведение человека по непосредственному освоению действительности (в том числе и самого себя): порождение, реализация, сохранение, и трансляция опыта и навыков разнообразного ее освоения. При этом надо иметь в виду, что существует разнообразие форм, видов, способов освоения действительности, а также, что возможно ее умозрительное, чисто теоретическое освоение. Культурные практики могут быть индивидуальны, но чаще всего совместны и инсти-

туциализованы (деятельность социальных институтов культуры: музеев, библиотек, клубов, домов культуры, школ искусств, вузов культуры и искусств и т. д.) и представляют собой реализацию культуры в ее непосредственной действительности. Различают культурные практики повседневности и не повседневности: культура повседневности – это реализация (воплощение) культуры, ее ценностей, ценностных смыслов в каждодневном бытии человека или сообщества людей. Не повседневными являются культурные практики социальных институтов культуры [4].

Мемориальные практики – это сложный и многогранный феномен, отражающий способы сохранения, конструирования и трансляции коллективной памяти в обществе. Память не только отражает прошлое, но и активно его конструирует, селективно отбирая события, имена героев, символы и даты. Именно через мемориальные практики – возведение памятников, создание музеев, переименование улиц, проведение публичных ритуалов – государство и локальные сообщества задают рамки восприятия прошлого и его значения для настоящего [1, С. 78]. Под мемориальными практиками подразумеваются, в первую очередь, те практики, которые культуролог Ассман относит к так называемой «функциональной памяти» и которые обеспечивают повторяемость воспоминаний. Это традиции, ритуалы и «канонизация артефактов» [2, С. 59]. Другой стороной культурной памяти, согласно её концепции, является память «накопительная», которая обеспечивает долговременность и сохранность воспоминаний (посредством музеев, библиотек, архивов и т.д.). Граница между этими типами культурной памяти чрезвычайно размыта и проницаема в обе стороны. Существует ещё и «социальная память», носителями которой являются отдельные индивиды и главной формой которой являются «воспоминания, передающиеся посредством рассказов» [2, С. 54].

Под мемориальной культурой Н.У. Ярычев понимает совокупность устойчивых, воспроизводимых способов познания, интерпретации, описания, сохранения, трансляции прошлого, репрезентируемых в различных формах мемориальной деятельности [14, С. 166]. В работах А. Парра выделяются два масштабных морфологических пласта мемориальной культуры – пласт содержания (ценностные и нормативные установки, лежащие в ее основе) и пласт выражения (практическое воплощение этих установок в разнообразных видах мемориальной активности) [9, С. 28]. Е.В. Сазонникова структуру мемориальной культуры представляет как набор разного рода «носителей» мемориальных идей, то есть способы их объективации: публичные выступления и официальные документы мемориальной направленности, художественные произведения, увековечивающие память о значимых личностях или событиях, мемориальные церемонии и ритуалы, награды и премии, места захоронений, мемориальный нейминг [11, С. 33].

Как видно из определений историческая и культурная память, а также культурные и мемориальные практики тесно связаны друг с другом. Нельзя однозначно сказать, что историческая память должна формироваться в рамках всего населения планеты в целом, поскольку культурная память являясь частью памяти исторической, отвечает за сохранение духовного опыта не только мира в целом, но и каждой конкретной народности. В связи с этим культурные и мемориальные практики в разных странах имеют как сходства, так и различия, и это касается не только повседневности, но и неповседневности. Каждая нация, пытаясь сохранить свою идентичность и показать значимость в общей исторической памяти, использует различные средства сохранения информации. К сожалению, зачастую приходится констатировать факты если и не искаженной, то очень вольной или в выгодном для конкретной страны свете интерпретации событий 1941-1945 гг. Наблюдается смещение акцентов для придания значимости одной из стран участниц ВОВ и сокрытия реальных достижений другого государства, а именно страны победительницы СССР.

Отметим, что период с 1 сентября 1939 г. по 2 сентября 1945 г. во всеоб-

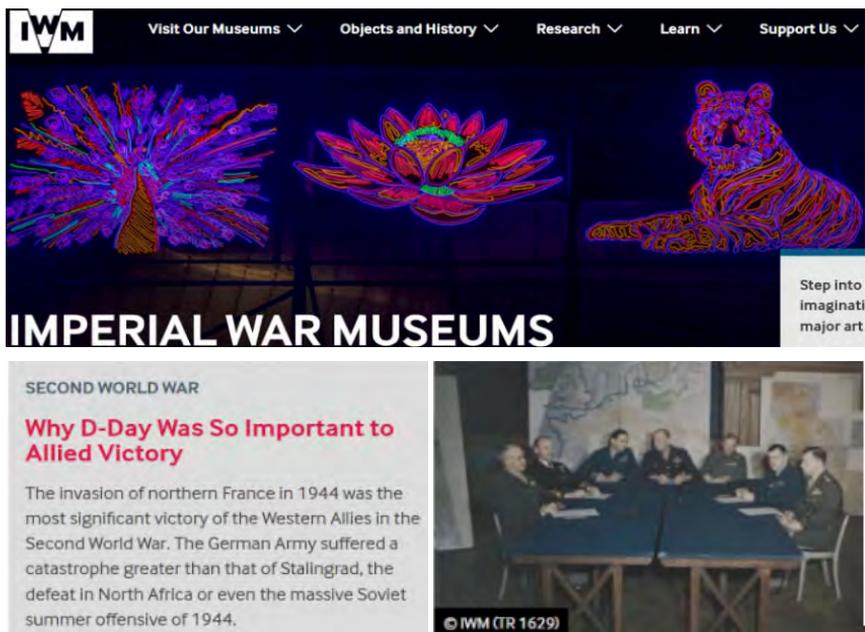

Рис. 1. Скриншот сайта Имперского музея (Imperial war museums). Статья «Why D-Day was so important to Allied victory» // URL: <https://www.iwm.org.uk/history/why-d-day-was-so-important-to-allied-victory> (Дата обращения: 19 апреля 2025 года)

щей истории ознаменован как Вторая мировая война. Однако для народов, населяющих Российскую Федерацию и стран бывшего СССР вторжение фашистской Германии началось 22 июня 1941 г. а закончилось разгромом противника 9 мая 1945 г. – именно поэтому мы будем говорить о данном указанном историческом периоде, подразумевая под ним события Великой Отечественной войны, в которой представители многонационального советского народа воевали не на жизнь, а на смерть, ценой немыслимых человеческих потерь ковали бесценную Победу.

Общеизвестно, что в указанные даты велась война двух мировых военно-политических коалиций – германской коалицией стран «оси» (фактически развязавших войну) и стран антигитлеровской коалиции, которая вынужденно им противостояла. В этой войне участвовало 62 из 74 существовавших на тот момент государств. Боевые действия велась на территории Евразии и Африки, в водах всех океанов. Фактически основной театр военных действий развернулся на территории СССР, поэтому, как говорилось выше, для народов населявших данную территорию оправданным является название Великая Отечественная война; для народов, населявших страны союзников СССР, речь идет о Второй мировой войне с указанием конкретного вклада в участие каждой из сторон. На рис. 1. Представлен скриншот сайта Имперского музея Великобритании. Остановимся на содержании одной из статей «Why D-Day was so important to Allied victory».

В статье «Why D-Day was so important to Allied victory» («Почему день «Д» был так важен для победы союзников») в частности сообщается:

«Вторжение в северную Францию в 1944 году стало самой значительной победой западных союзников во Второй мировой войне. Американские, британские и канадские войска закрепились на берегах Нормандии и после длительной и дорогостоящей кампании по закреплению своих завоеваний прорвались во внутренние районы Франции и начали стремительное наступление. Немецкая армия потерпела катастрофу, **более масштабную**, чем при Сталинградской битве, поражении в Северной Африке или даже массированном советском летнем наступлении 1944 года.»

The invasion of northern France in 1944 was the most significant victory of the Western Allies in the Second World War. American, British and Canadian forces established a foothold on the shores of Normandy, and, after a protracted and costly campaign to reinforce their gains, broke out into the French interior and began a headlong advance. The German Army suffered a catastrophe greater than that of Stalingrad, the defeat in North Africa or even the massive Soviet summer offensive of 1944.

Приведем данные человеческих потерь и техники в таблице, помещенной ниже:

Потери Германии и союзников	Битва за Сталинград	Сражение в Северной Африке	Белорусская наступатель- ная операция «Багратион» (1944 г.)	Норманд- ская опера- ция
челове- ские потери	1,5 миллиона	33988	265000	450000
единицы техники	80000	86700	3000	3850
СРОКИ	17 июля 1942 – 2 февраля 1943	10 июня 1940 – 16 мая 1943	22 июня 1944 – 29 августа 1944	6 июня 1944 – 25 августа 1944

Рис. 2. Сводная таблица статистических данных по потерям исторических событий ВОВ.

Как видно, нельзя однозначно говорить о том, что в целом нормандская операция была более масштабной катастрофой, поскольку при Сталинградской битве потери были значительно больше; при проведении Белорусской операции потери единиц техники почти такие же, а сроки операции меньше. Таким образом, с помощью такой «своеобразной» интерпретации достигается эффект нивелирования (сглаживания), что порождает обесценивание вклада СССР в ходе Великой Отечественной войны.

Изучив первые две страницы поискового запроса, мы ограничились в нашем исследовании изучением некоторых сайтов Великобритании, США и Канады, как основных стран, описываемых в событии, которое является знаковым для стран Европы и США, а также выбрали в качестве материала официальный контент Библиотеки Конгресса США, Национального музея Вооруженных сил Великобритании, Имперского военного музея в Великобритании, Национального музея Второй мировой войны в США и Канадской благотворительной организации, занимающейся популяризацией истории страны и гражданства «Historica Canada».

Рассмотрим, как событие исторического периода с 22 июня 1941 по 09 мая 1945 освящено на сайте библиотеки Конгресса США в разделе «Учебные материалы».

Историческая справка о событиях Второй мировой войны начинается

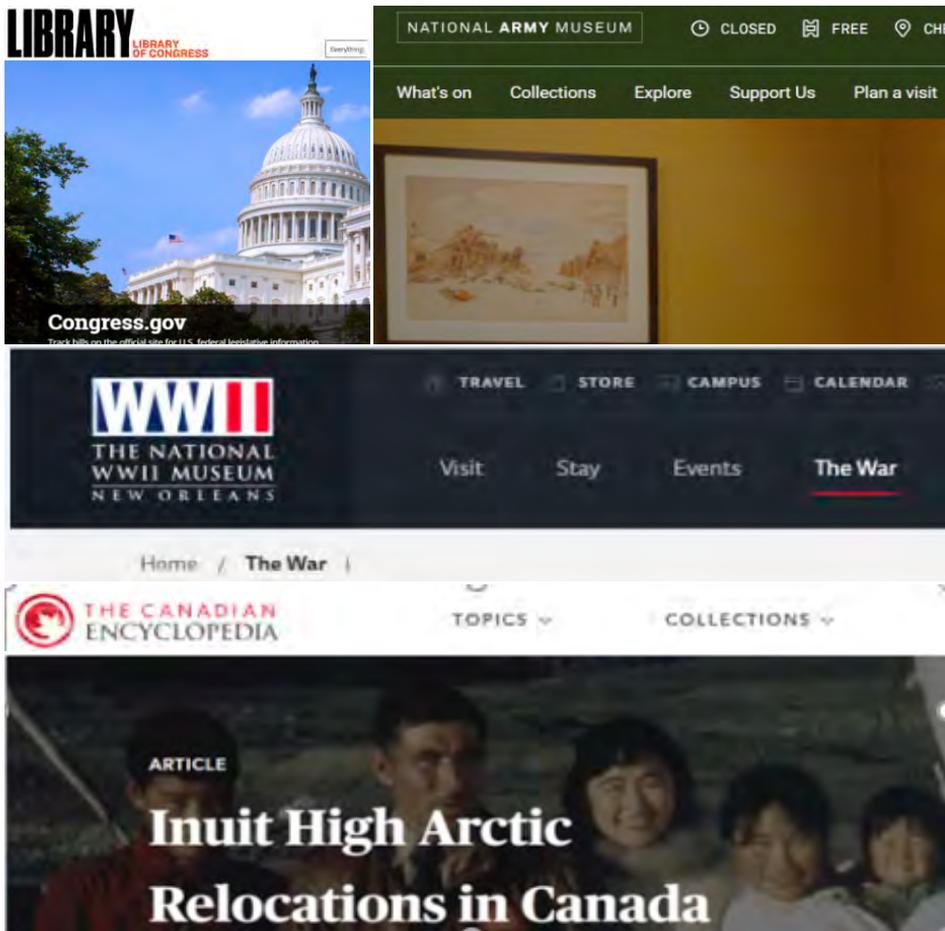

Рис. 3. Скриншоты сайтов Библиотеки Конгресса // URL: <https://www.loc.gov/> (Дата обращения: 19 апреля 2025 года), Национального музея Вооруженных сил // URL: <https://www.nam.ac.uk/> (Дата обращения: 19 апреля 2025 года), Имперского военного музея // URL: <https://www.iwm.org.uk/> (Дата обращения: 19 апреля 2025 года), Национального музея Второй мировой войны // URL: <https://www.nationalww2museum.org/> (Дата обращения: 19 апреля 2025 года), «Historica Canada» // URL: <https://www.thecanadianencyclopedia.ca/en> (Дата обращения: 19 апреля 2025 года)

World War II

Post Belton, Virginia, 1941
 Farm Security Administration/Office of War
 Information Black-and-White Negatives

After the Japanese bombing of Pearl Harbor in December, 1941, the United States declared war on Japan. Germany and Italy declared war on the U.S. a few days later, and the nation became fully engaged in the Second World War.

U.S. involvement in the Second World War was quickly followed by a massive mobilization effort. With millions of men and women serving overseas in the nation's armed forces, most of those who remained at home dedicated themselves to supporting the war effort in whatever means was available to them. Women, who had worked as homemakers or had held jobs outside military-related industries, took jobs in aircraft manufacturing plants, munitions plants, military uniform production factories, and so on. As the need for steel and other resources increased, American citizens participated in rationing programs, as well as recycling

Classroom Materials at the Library of Congress

View Sort By

1900 America: Primary Sources and Epic Poetry ...Students use Library of Congress primary sources to evaluate and	Abraham Lincoln: Rise to National Prominence A selection of Library of Congress primary sources exploring Abraham's	African American Identity in the Gilded Age: Two Unreconciled Strivings Students use Library of	After Reconstruction Students use Library of Congress primary sources to identify problems and issues facing African

Рис. 4. Скриншот сайта библиотеки Конгресса США. Раздел «Учебные материалы». Статья «World War II» // URL: <https://www.loc.gov/classroom-materials/united-states-history-primary-source-timeline/great-depression-and-world-war-ii-1929-1945/world-war-ii/> (Дата обращения: 19 апреля 2025 года)

с информации о том, что:

«После японской бомбардировки Перл-Харбора в декабре 1941 года Соединенные Штаты объявили войну Японии. Через несколько дней Германия и Италия объявили войну США, и страна полностью погрузилась во Вторую мировую войну.»

After the Japanese bombing of Pearl Harbor in December, 1941, the United States declared war on Japan. Germany and Italy declared war on the U.S. a few days later, and the nation became fully engaged in the Second World War.

Заканчивается историческая справка следующей информацией:

«8 мая 1945 года Германия капитулировала. После того, как на Хиросиму и Нагасаки была сброшена атомная бомба, Япония капитулировала 2 сентября 1945 года, и Вторая мировая война подошла к концу. Война стоила жизни более чем 330 000 американским солдатам. Многие другие получили серьезные ранения или увечья.»

On May 8, 1945, Germany surrendered. After the atomic bomb was dropped on Hiroshima and Nagasaki, Japan surrendered on September 2, 1945, and the Second World War came to an end. The war cost the lives of more than 330,000 American soldiers. Many more were permanently injured or maimed.

Как видно, нет и упоминания о том, что фактически большая часть военных действий велась на территории СССР. Юридически нет никакой фальсификации событий, но фактически идет замалчивание фактов исторической памяти. На сайте Национального музея армии Великобритании информация представлена более полно, в хронологическом порядке, упоминаются операция «Барбаросса», Сталинградская и Курская битвы. Однако, в начале статьи при перечислении стран участников, можно четко проследить смещение акцента в сторону Великобритании:

«Вторая мировая война (1939-45) была самым кровопролитным конфликтом в истории человечества. Она расколола страны мира на два противоборствующих военных союза. Союзники - во главе с Великобританией и ее империей, Соединенными Штатами, Советским Союзом и Францией - объединились против держав Оси - нацистской Германии, фашистской Италии и имперской Японии.»

The Second World War (1939-45) was the bloodiest conflict in human history. It split the world's nations into two opposing military alliances. The Allies - led by Britain and her Empire, the United States, the Soviet Union and France - united against the Axis Powers of Nazi Germany, Fascist Italy and Imperial Japan.

В целом, хронология ведется с постоянным упоминанием о том, что сделали союзники в тот или иной период времени, а про сражение на своей территории они пишут следующее:

«Германия пытается установить воздушный контроль над Британскими островами перед вторжением. Люфтваффе терпят поражение от Королевских военно-воздушных сил, и вторжение приостанавливается на неопределенный срок.»

Germany attempts to gain air control over the British Isles before invasion. The Luftwaffe are defeated by the Royal Air Force and the invasion is suspended indefinitely.

Мы рассмотрели, как описывают события данного исторического пе-

риода в странах, которые непосредственно принимали капитуляцию Германии, но хотелось бы коснуться еще одной страны, которая вступила во Вторую мировую войну в альянсе с Великобританией. На сайте проекта «Канадская энциклопедия» Канадской благотворительной организации, занимающейся популяризацией истории страны и гражданства «Historica Canada» опубликована статья, в которой описываются события второй мировой войны. В самом начале идет повествование о том, какую ключевую роль в событии сыграла их страна:

«Вторая мировая война стала определяющим событием в истории Канады, превратив тихую страну, находящуюся на периферии мировых событий, в ключевого игрока в самой важной борьбе 20-го века. Канада сыграла жизненно важную роль в битве за Атлантику и воздушной войне над Германией и предоставила для участия в кампаниях в Западной Европе силы, превосходящие те, которые можно было ожидать от небольшой страны с населением всего в 11 миллионов человек.»

The Second World War was a defining event in Canadian history, transforming a quiet country on the fringes of global affairs into a critical player in the 20th century's most important struggle. Canada carried out a vital role in the Battle of the Atlantic and the air war over Germany and contributed forces to the campaigns of western Europe beyond what might be expected of a small nation of then only 11 million people.

Смещение акцента наблюдается и в констатации факта подписания договора, поскольку про СССР можно прочесть только следующее:

«Канада подписала договоры только с Италией, Венгрией, Румынией и Финляндией. Поскольку Германия была разделена, а восточная часть страны находилась под властью Советского Союза, договора с Германией так и не было.»

Canada signed treaties only with Italy, Hungary, Romania and Finland. With Germany divided and the eastern part of the country dominated by the Soviet Union, there was never a German treaty.

В завершении сообщается:

«Во время войны 1 086 343 канадских мужчины и женщины несли службу полный рабочий день в три смены. Число погибших было меньше, чем во время Первой мировой войны, но все равно трагично: погибло почти 44 000 человек, включая тех моряков, которые погибли, служа в торговом флоте.»

During the war, 1,086,343 Canadian men and women performed full-time duty in the three services. The cost in blood was smaller than in the First World War, but still tragic: nearly 44,000 lost their lives, including those sailors who died serving in the Merchant Marine.

Заключение

В результате фронтального анализа контента англоязычных источников, можно сделать следующие выводы.

Англоязычные сайты военных музеев Великобритании, Канады и США организуют виртуальное пространство, в котором репрезентируется военно-историческое прошлое, в том числе и события ВОВ. Контент данных сайтов имеет ряд общих признаков, которые сводятся к транслированию трагически известных событий Второй мировой войны в выгодном для упомянутых стран свете.

Несмотря на отсутствие прямой фальсификации исторических событий, широко используются технологии «альтернативной интерпретации», которые актуализируются с помощью фактов обесценивания, нивелирования и замалчивания роли и достижений СССР во Второй мировой войне.

С точки зрения истории период с 22 июня 1941 г. по 09 мая 1945 г. является меньшим, нежели чем период с 1 сентября 1939 г. по 2 сентября 1945 г.; при этом для большинства стран западного мира Великая отечественная война считается лишь одной большой битвой СССР – одной из таких же битв других стран в общем историческом периоде, а датой победы считается капитуляция Японии, хотя все страны участницы еще помнят о дне победы, когда в ночь с 8-е на 9-е мая был подписан Акт о безоговорочной капитуляции Германии, но из-за разницы во времени день победы страны антигитлеровской коалиции отмечают 8-го мая, а в России – 9-го мая.

Безусловно, каждая страна имеет право на собственную интерпретацию исторических событий, в том числе связанных с ходом Второй мировой войны, опять же – не искажая хронологию, не фальсифицируя данные о ходе и особенностях проведения той или иной военной операции. Можно по-разному относиться к этой интерпретации и к технологиям репрезентации, прекрасно понимая, что у каждой из сторон свои «правила игры». Важно отчетливо понимать другое: в информационном пространстве западными странами создается благоприятная почва для забвения истории нашего государства, искусственно навязываются чуждые ценности – все это поддерживается некоторыми представителями современного российского общества, имеющими псевдолиберальные взгляды. И это в условиях, когда Армия Российской Федерации проводит Специальную военную операцию на территории Украины, которая фактически превратилась и в зону военного и в пространство культурного противостояния [13]. В этой связи приведем выражение из книги воспоминаний ветеранов «Суровая правда войны»: «К большому сожалению в нашем обществе еще существуют Иваны, не помнящие родства, которые осуждают кровью завоеванную Победу, поют с чужого голоса» [12, С. 3].

Что может противопоставить Россия в складывающихся условиях? От-

вет очевиден: альтернативой как замалчиванию, так и беспрецедентному давлению в информационных войнах, как известно, являются сохранение исторической памяти и популяризация традиционных духовных ценностей и норм, обеспечивающих устойчивость культуры, и, следовательно, цивилизационного развития России. Народы, населяющие территорию бывшего СССР должны трепетно относиться к своей истории, сохранить самое сокровенное – память о великой победе, за которую отдали свои жизни 26,6 миллионов советских граждан. С особой остротой воспринимается историческое прошлое и в условиях проведения Специальной военной операции, когда уже не СССР, а Россия столкнулась с новой бедой – неонацизмом.

В завершении отметим, что многое делается для сохранения исторической памяти и популяризации культурных и мемориальных практик на уровне государства. Пожалуй, самым успешным проектом в данном направлении является проведение не только на территории России, но и по всему миру акции «Бессмертный полк», в последние годы проект реализуется в интернет-пространстве. Ежегодно миллионы людей наблюдают «Парад победы» на Красной площади в Москве. В Российской Федерации как основной преемнице наследия СССР продолжается работа над созданием фильмов и книг, которые описывают события Великой отечественной войны, люди участвуют в написании «Диктанта победы». Все эти мероприятия позволяют сохранить события, которыми пронизана наша история, впрочем, не только сохранить, но и транслировать и популяризировать; передать бесценный опыт грядущим поколениям, которые в полной мере должны осознавать смысл пусть и наивного, но такого емкого выражения – «Спасибо деду за Победу!», или другого, выгравированного на камне и запечатленного в сердцах – «Никто не забыт! Ничто не забыто!».

Библиографический список

1. Assmann A. Cultural Memory and Western Civilization: Functions, Media, Archives. – New York: Cambridge University Press, 2013. P. 1-120.
2. Ассман А. Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика / пер. с нем. Бориса Хлебникова. – М.: Новое литературное обозрение, 2014. 328 с.
3. Ахметшина А.В. Понятие «Историческая память» и ее значение в современном российском обществе // Актуальные вопросы общественных наук: социология, политология, философия, история. 2014. № 38. // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-istoricheskaya-pamyat-i-ee-znachenie-v-sovremennom-rossiyskom-obschestve>
4. Большаков В.П. Культурные практики в процессах становления культуры // Вестник СПб-ГИК. 2016. № 2 (27). С. 16-22. // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kulturnye-praktiki-v-protsessah-stanovleniya-kultury>
5. Голубинов Я.А. Столетие Первой мировой войны и его мемориализация в интернет-пространстве: к сравнению усилий Британии и России // Память о прошлом – 2018. VII историко-архивный форум, посвященный 100-летию государственной архивной службы России: сборник статей, Самара, 15–17 мая 2018 года / Составители: О.Н. Солдатова (отв. сост.), Г.С. Пашковская. – Самара: Федеральное казенное учреждение «Российский государственный архив в г. Самара», 2018. С. 139-145.

6. Жабко Е.Д. Формы и методы представления военно-исторического наследия в современной информационной среде // Вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2024. № 4 (61). С. 142-150.
7. Коробицына Л.В. Вторая мировая война в музейном пространстве: опыт цифровизации в России и Британии // Философия. История. Образование. 2022. № 4(6).
8. Мандригина Л.А. Веб-ресурсы, содержащие эго-документы участников Великой Отечественной войны: региональный аспект / Л.А. Мандригина, Н.А. Соловьев // Труды ГПНТБ СО РАН. 2023. № 4 (20). С. 65-77.
9. Parr A. Deleuze and Memorial Culture: Desire, Singular Memory, and the Politics of Trauma. Edinburgh: Tendo-Press, 2008. 224 p.
10. Путятин Т.П. Формирование исторического сознания школьной молодежи в условиях трансформации российского общества: Автореф. дис. канд. социол. наук. - М.: 2007. 23 с.
11. Сазонникова Е.В. Мемориальная культура в конституционно-правовом аспекте // Вестник Воронежского государственного университета. 2009. № 2. С. 33-38.
12. Суровая правда войны: Воспоминания ветеранов Великой Отечественной войны. – Саратов: Приволж. кн. изд-во, 1994. 416 с.
13. Шиндель С.В. Зона специальной военной операции как пространство военного и культурного противостояния / С.В. Шиндель, В.В. Шиндель // Миссия конфессий. 2024. Т. 13. № 8 (81). С. 70-81.
14. Ярычев Н.У. Структура мемориальной культуры: анализ ключевых компонентов // Культура и цивилизация. Том 13. № 10А. – Московская область, г. Ногинск: Издательство «АНАЛИТИКА РОДИС», 2023. С. 165-171.
15. Library of Congress. U.S. History Primary Source Timeline. World War II. // URL: <https://www.loc.gov/classroom-materials/united-states-history-primary-source-timeline/great-depression-and-world-war-ii-1929-1945/world-war-ii/>
16. National Army Museum. Second World War. // URL: <https://www.nam.ac.uk/explore/second-world-war>
17. The Canadian Encyclopedia. Second World War (WWII). // URL: <https://www.thecanadianencyclopedia.ca/en/article/second-world-war-wwii>
18. Why D-Day was so important to Allied victory. // URL: <https://www.iwm.org.uk/history/why-d-day-was-so-important-to-allied-victory>
19. WWII History from Historians and Curators at The National WWII Museum. // URL: <https://www.nationalww2museum.org/the-war>

References

1. Assmann A. Cultural Memory and Western Civilization: Functions, Media, Archives. – New York: Cambridge University Press, 2013. P. 1-120.
2. Assmann A. The Long Shadow of the Past: Memorial Culture and Historical Policy / trans. from German by Boris Khlebnikov. Moscow: New Literary Review, 2014. 328 p.
3. Akhmetshina A.V. The Concept of “Historical Memory” and Its Significance in Modern Russian Society // Actual Issues of Social Sciences: Sociology, Political Science, Philosophy, History. 2014. № 38. // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-istoricheskaya-pamyat-i-ee-znachenie-v-sovremennom-rossiyskom-obschestve>
4. Bolshakov V.P. Cultural practices in the processes of cultural development // Bulletin of St. Petersburg State Institute of Culture. 2016. № 2 (27). P. 16-22. // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kulturnye-praktiki-v-protsessah-stanovleniya-kultury>
5. Golubin Ya.A. The centenary of the First World War and its memorialization in the Internet space: to compare the efforts of Britain and Russia // Memory of the past - 2018. VII historical and archival forum dedicated to the 100th anniversary of the state archival service of Russia: collection of articles, Samara, May 15-17, 2018 / Authors: O. N. Soldatova (responsible compiler), G.S. Pashkovskaya. – Samara: Federal State Institution “Russian State Archives in Samara”, 2018. P. 139-145.
6. Zhabko E.D. Forms and methods of presenting military-historical heritage in the modern information environment // Bulletin of the St. Petersburg State Institute of Culture. 2024. № 4 (61). P. 142-150.

7. Korobitsyna L.V. The Second World War in the museum space: the experience of digitalization in Russia and Britain // *Philosophy. History. Education*. 2022. № 4 (6).
8. Mandrinina L.A. Web resources containing ego-documents of participants in the Great Patriotic War: a regional aspect / L.A. Mandrinina, N.A. Soloviev // *Proceedings of the State Public Scientific and Technical Library of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences*. 2023. № 4 (20). P. 65-77.
9. Parr A. *Deleuze and Memorial Culture: Desire, Singular Memory, and the Politics of Trauma*. Edinburgh: Tonto-Press, 2008. 224 p.
10. Putyatina T.P. Formation of historical consciousness of school youth in the context of transformation of Russian society: Abstract of Cand. Sociological Sciences Dissertation. – Moscow: 2007. 23 p.
11. Sazonnikova E.V. Memorial culture in the constitutional and legal aspect // *Bulletin of Voronezh State University*. 2009. № 2. P. 33-38.
12. *The harsh truth of war: Memories of veterans of the Great Patriotic War*. - Saratov: Privolzhsky kn. publ., 1994. 416 p.
13. Shindel S.V. Zone of special military operation as a space of military and cultural confrontation / S.V. Shindel, V.V. Shindel // *Mission of confessions*. 2024. Vol. 13. № 8 (81). P. 70-81.
14. Yarychev N.U. The structure of memorial culture: analysis of key components // *Culture and civilization*. Vol. 13. № 10A. – Moscow region, Noginsk: Publishing house “ANALITIKA RODIS”, 2023. P. 165-171.
15. Library of Congress. U.S. History Primary Source Timeline. World War II. // URL: <https://www.loc.gov/classroom-materials/united-states-history-primary-source-timeline/great-depression-and-world-war-ii-1929-1945/world-war-ii/>
16. National Army Museum. Second World War. // URL: <https://www.nam.ac.uk/explore/second-world-war>
17. The Canadian Encyclopedia. Second World War (WWII). // URL: <https://www.thecanadianencyclopedia.ca/en/article/second-world-war-wwii>
18. Why D-Day was so important to Allied victory. // URL: <https://www.iwm.org.uk/history/why-d-day-was-so-important-to-allied-victory>
19. WWII History from Historians and Curators at The National WWII Museum. // URL: <https://www.nationalww2museum.org/the-war>

Political science

Политология

Фидарова К.К.

Кандидат исторических наук, доцент кафедры общественного здоровья, здравоохранения и социально-экономических наук Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования Северо-Осетинской государственной медицинской академии Минздрава России.

Калабекова С.В.

Кандидат философских наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования Северо-Кавказской государственной академии.

Бережнова О.В.

Кандидат педагогических наук, доцент, заведующий кафедрой начального и дошкольного образования Ставропольского государственного педагогического института (Филиал СГПИ в г. Железноводске).

Трансформация принципов толерантности в контексте «общества риска»*

Аннотация. В статье исследуется актуальная проблема деформации толерантности в условиях современного общества, которое автор рассматривает как «общество риска». Актуальность данной темы обусловлена, с одной стороны, существенными изменениями в интерпретации категории «толерантность» в различных социальных науках и общественном сознании в целом, многообразии которых в настоящее время приводит к необходимости целостного осмысления данного феномена и создания комплексной концепции толерантности. С другой стороны, автор обращается к проблеме рисков, справедливо отмечая, что они сопровождают сегодня практически любую деятельность и даже бездействии. Дальнейшее развитие основных идей данного исследования позволит более полно осмыслить процессы мультипликации рисков и размытия границ и функций различных социальных институтов, являющиеся магистральными в современном обществе, и прийти к конкретным практическим решениям в области философского осмысления толерантности и рисков.

Ключевые слова: толерантность, «общество риска», деформация, трансформация, гражданское общество.

* © Фидарова К.К., Калабекова С.В., Бережнова О.В., 2025.

Трансформация принципов толерантности в контексте «общества риска»

Fidarova K.K.

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Public Health, Public Health and Socio-Economic Sciences of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education of the North Ossetian State Medical Academy Ministry of Health of Russia.

Kalabekova S.V.

Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor of the Department of Humanities of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education of the North Caucasus State Academy.

Berezhnova O.V.

Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Primary and Pre-school Education of the Stavropol State Pedagogical Institute (Branch of the SSPI in Zheleznovodsk).

Transformation of the principles of tolerance in the context of a “risk society”

Abstract. The article examines the actual problem of tolerance deformation in modern society, which the author considers as a “risk society”. The relevance of this topic is due, on the one hand, to significant changes in the interpretation of the category “tolerance” in various social sciences and public consciousness in general, the diversity of which currently leads to the need for a holistic understanding of this phenomenon and the creation of a comprehensive concept of tolerance. On the other hand, the author addresses the issue of risks, rightly noting that they accompany almost any activity and even inaction today. Further development of the main ideas of this study will make it possible to more fully comprehend the processes of risk multiplication and blurring the boundaries and functions of various social institutions that are fundamental in modern society, and to come to concrete practical solutions in the field of philosophical understanding of tolerance and risks.

Key words: tolerance, “risk society”, deformation, transformation, civil society.

Проблема толерантности в условиях современного общества, которое может быть определено как «общество риска», является одним из важнейших вопросов современной философии. Для этого есть несколько причин. Во-первых, толерантность выступает как одна из ключевых ценностей в контексте западной культуры и европейской цивилизации. Во-вторых, она оказала непосредственное влияние на формирование политического, правового и морального дискурса [1]. Толерантность как ценность и феномен культуры имеет продолжительную историю. С течением времени статус и роль толерантности, а также ее понимание значительно видоизменялись. Современный этап развития философской мысли характеризу-

ется наличием разнообразных подходов к толерантности и оценке ее роли в современной культуре. Отдельно следует заметить, что общество риска представляет собой особый тип условий существования для всех социокультурных феноменов, поэтому изучение толерантности позволит выработать основания методологии, ориентированной на преодоление негативных тенденций.

Стоит отметить, что в современной философской литературе тема толерантности исследована достаточно широко, однако, именно вопрос о ее деформации и влиянии рисков на данный процесс практически не поднимался. Предпримем попытку изучить эту проблему, именно с философского ракурса, не останавливаясь на какой-либо частной социально-гуманитарной отрасли знания. Возможность такого исследования видим в проблематизировании состояния деформации толерантности, которое служит сигналом для выработки новой концепции толерантности, актуальной для общества риска. Кроме того, обращает на себя внимание попытка построения методологии преодоления деформации толерантности и мультипликации рисков в соответствии с меняющимися условиями социального функционирования.

Исследование феномена толерантности имеет давнюю традицию. В работах зарубежных и отечественных авторов рассмотрены различные аспекты данной проблематики. Однако в представленной работе предлагается новый подход к анализу толерантности. И научная новизна данного исследования, прежде всего, заключена в проблематизировании феномена деформации толерантности как особого способа бытия человека в условиях общества риска. Рассмотрим ситуацию отчуждения толерантности, определяющую как состояние, в котором толерантность оказывает негативное воздействие именно на тех, кто толерантен к субъектам, ведущим себя интолерантно. Таким образом, постараемся предпринять попытку представить целостное осмысление феномена толерантности, возможно, благодаря анализу современного общества. Заслуживает внимания авторский подход к осмыслению общества риска как среды, в которой наиболее ярко проявляет себя деформация толерантности и рисков, сопровождающих данный процесс.

Сначала обратимся к историко-философской экспликации толерантности как социального феномена, отмечая, что в генезисе толерантности на различных этапах ее освоения философской мыслью, можно выделить разнообразие её интерпретации, кроме того значительно меняется ее роль в общественной жизни. Понимание толерантности в различные эпохи имело различное оформление и содержание (от выражения средствами искусства и латентной формы существования в Античности и Средневековье до разветвлённых и многоуровневых концепций современности). Если в ранних концепциях толерантность главным образом понималась как

«невмешательство» и безразличие к Другому, то с развитием философской мысли всё более популярным и востребованным становится подход, ориентированный на эмпатию и деятельное сотрудничество с Другим. Такой переход был тесно связан с развитием рыночных капиталистических отношений, становлением республиканской формы правления и демократических политических режимов, увеличением степени свободомыслия. При этом данный процесс носил диалектический характер: чем более свободно и демократично было общество, тем выше в нём была степень толерантности и заинтересованности в Другом, и чем более толерантными становились социальные отношения, тем больше возможностей появлялось для реализации свобод.

Заслуживает внимания специфика освоения толерантности русской философской мыслью. «В русской философии терпимость не просто является категорией этики или философии права, но тесно связана с решением более значительных, метафизических задач. Такое понимание, с одной стороны, указывает на онтологическую значимость толерантности, чего, как правило, лишена западная философская мысль, но с другой стороны, расширение границ её применимости приводит к размытию сути данного понятия.» [2].

В русской философии толерантность получает специфическую интерпретацию. Так, в частности, имеют место определённые различия относительно соотношения терминов «терпимость» и «толерантность», которые зачастую параллельно используются в русской философии. Сформулированная как право на дискуссию слабого с сильным, подданного с господином, толерантность в русской философии, тем не менее, имеет достаточно узкие рамки применимости. Данное положение тесно переплетается с тем фактом, что русские философы считают условием реализации толерантности усвоение Другим определённой системы ценностей (как правило, тесно связанной с религией или ролью России в мире). При этом ряд положений, выдвинутых представителями отечественной философии, значительно опередил искания западных мыслителей. Однако, не будучи оформленными в отдельные полноценные теории, идеи русских философов в области толерантности не получили широкого распространения.

Исследование развития идей толерантности в разных странах показывает, что в рамках европейской культуры толерантность эволюционировала, занимая всё более значимое место в структуре ценностей.

Значимы и исследования толерантности отечественными учёными. Несмотря на то что эта тема не была центральной в их трудах, следует отметить, что некоторые положения, выдвинутые в рамках русской философии, были высказаны раньше, чем в трудах европейских философов. Однако перенос акцентов на другие темы не позволил русской философии захватить лидерство в вопросе изучения толерантности.

Трудами европейских философов XVIII–XIX веков была подготовлена почва для становления толерантности как ведущей ценности XX и XXI веков, а также для современных её исследований и интерпретаций. С развитием гражданского общества, рыночных экономических отношений, а также становлением либеральной идеологии в качестве господствующей происходит необходимое переосмысление толерантности [3]. Данный процесс имеет как позитивные, так и негативные характеристики. С одной стороны, он позволил расширить пространство личной свободы [4], наилучшим образом адаптировать социум к ускорению темпов коммуникации, с другой же стороны, привел к началу развития деформационных процессов толерантности, её отчуждению. Эти тенденции особенно ярко проявят себя в конце XX и в XXI веке в современной философской мысли, затронув многие социальные институты и процессы.

Следует подчеркнуть, что демонстрируя знание основных тенденций и подходов к изучению толерантности, можно выстроить целостную концепцию деформации толерантности, объединяющую ее различные формы и проявления в общественной жизни, и сформулировать актуальное определение и особенности взаимодействия с иными социальными институтами, а также проследить связь с иными социально-философскими категориями, такими как идеология, идентичность и другими. Кроме того, отметим основные требования, к новому пониманию толерантности в философских концепциях: «Такая теория должна учитывать новые вызовы современности, сократить и одновременно с этим установить чёткие и внятные границы толерантности, обозначив недопустимость их расширения и размывтия. Безусловно, многое будет зависеть от практической реализации разработанной теории, от умения адаптировать её к постоянно изменяющимся условиям. Вот почему одной из ключевой характеристик данной теории должна стать гибкость. Именно она будет важным отличием от весьма «жестких» классических теорий, авторитарно навязывавших свои рамки социальной реальности.» [4, с. 64].

Следует также обратиться к исследованию эволюции толерантности в обществе риска, выявляя взаимосвязь мультипликации рисков и деформации толерантности в современном обществе. Представляется интересной интерпретация общества риска, как среды, в которой наиболее явно и полномерно деформация толерантности проявляет себя в реальной социальной практике. Общество риска и его проявления вкупе с деформацией толерантности приводят к снижению уровня политического доверия, развитию политической маргинальности и тем самым – к дисфункции политических демократических институтов. Например, снижение роли политических выборов и нарастание безразличного, а то и негативного отношения к ним. Это же переносится и на отношение к власти, что рискованно для развития политического дискурса.

Проведенный компаративистский анализ позволил нам выстроить некую структуру взаимосвязанных уровней деформации толерантности и общества риска: «толерантность и её деформация самым тесным образом связана с трансформациями современного общества и основных его социальных институтов. При этом, описанные выше кризисы социальных институтов, образуют систему кризисов, которая, как всякая система, требует к себе особого подхода. В свою очередь эти трансформации вызывают к жизни всё новые риски и потому обращают на себя внимание исследователей.» [4, с. 126].

Вместе с тем важным моментом в исследовании деформации толерантности является ее связь с кризисом других классических социальных институтов. Толерантность, беря на себя изначально не свойственные ей функции, становится перегруженной ими, и уже не способна выполнять данный функционал, в связи с чем и обостряются деформационные процессы. «Чрезмерное расширение социокультурной ниши толерантности и её перегрузка функциями уже деформированных социальных институтов привели к тому, что начался процесс деформации толерантности и её самоотчуждения. Это реализовалось в том, что толерантность перестала быть собой и не могла более выполнять свои функции, лишь номинально соотносясь с исконными смыслами, вложенными в данное понятие.» [4, с. 8].

Важный вывод, к которому можно прийти по итогам данного исследования, заключается в том, что простой отказ от толерантности, к которому призывает ряд исследователей и общественных деятелей, несмотря на ее деформацию, невозможен и даже опасен. Как отмечает Гаршин Н.А.: «При этом сегодня, даже с учётом деформации толерантности, не представляется возможным отказаться от неё, как предлагают некоторые философы. Толерантность представляет собой некую основу, несущую конструкцию сложившейся на сегодняшний день социальной системы. Необдуманый отказ от толерантности приведёт к усилению кризисных явлений в различных социальных институтах, способен спровоцировать социальный коллапс. Именно поэтому требуется переосмысление толерантности в новых теориях, основные требования к которым описаны выше.» [4, с. 75].

Помимо этого, значимым в теоретическом отношении является вывод о том, что деформация толерантности сама является источником многочисленным рисков в современном обществе. Исследуемая проблема особым образом проявляет себя в условиях современной России. Наличие фронтерных идентичностей, кризис государственности 90-х годов, связанный с распадом СССР, поиск новых цивилизующих смыслов, экономические и политические потрясения – всё это усилило и без того негативные мировые тенденции. Кроме того, имеет место и особо анализируется

исследователями такой аспект современной российской общественной жизни, как усиление бюрократизации социальных процессов, разрастание документооборота, что также обозначается нами как источник риска. Выходом из кризисного положения дел является более активный диалог между политическими и другими элитами с гражданским обществом и его структурами, поскольку оно представляет наиболее активную часть населения. При этом следует повышать уровень политической и правовой культуры, снижая уровень политического абсентеизма, дабы диалог имел конструктивный и объёмный характер, не превращаясь в имитацию самого себя. Подобное вовлечение граждан в решение проблем повысит уровень их ответственности за происходящее в стране, а следовательно, понизит уровень недоверия к власти.

Библиографический список

1. Furedi F. On tolerance: A defence of moral independence / F. Furedi. – Bloomsbury Publishing, 2011. 215 p.
2. Фидарова К.К., Калабекова С.В., Амирханян В.Г. Формирование толерантности в социуме: условия и факторы // Этносоциум и межнациональная культура, 2023. № 9 (183).
3. Turner B.S. Orientalism Postmodernism and Globalism / B. S. Turner. – Routledge, Taylor & Francis eLibrary, 2003. 288 с.
4. Степун Ф.А. О свободе // Опыт русского либерализма. Антология. – М.: Канон, 1997. 480 с.
5. Калабекова С.В., Орехова Н.А. Феномен толерантности: историко-философский анализ// Миссия конфессий, 2022. Том 11. Часть 8 (№ 65)

References

1. Furedi F. On tolerance: A defence of moral independence / F. Furedi. – Bloomsbury Publishing, 2011. 215 p.
2. Fidarova K.K., Kalabekova S.V., Amirkhanyan V.G. The formation of tolerance in society: conditions and factors // Ethnosociety and interethnic culture. 2023. № 9 (183).
3. Turner B.S. Orientalism, Postmodernism and Globalism / B.S. Turner. – Routledge, Taylor & Francis eLibrary, 2003. 288 p.
4. Stepun F.A. On freedom // The experience of Russian liberalism. Anthology. – М.: Canon, 1997. 480 p.
5. Kalabekova S.V., Orekhova N.A. The phenomenon of tolerance: a historical and philosophical analysis // The Mission of Confessions, 2022. Volume 11. Part 8 (№ 65).

*Current issues of science
and innovation*

*Актуальные вопросы науки
и инновации*

Рябова Е.Л.

Доктор политических наук, главный редактор журнала «Этносоциум и межнациональная культура».

Терновая Л.О.

Доктор исторических наук, профессор, Московский автомобильно-дорожный государственный технический университет (МАДИ).

Застолье как арена мировой политики: этика знаменитых банкетов*

Аннотация. Статья исследует роль банкетов как инструмента мировой политики и дипломатии, раскрывая их этические, культурные и социальные аспекты. На примере знаменитых исторических событий, таких как «Каштановый банкет» Борджиа, пир «Поле золотой парчи» и современные мероприятия, например, Нобелевский банкет. Авторы демонстрируют, как застолье становилось площадкой для решения политических вопросов, презентации власти и возможностей культурного обмена. Особое внимание уделяется этическим дилеммам банкетов. Статья также рассматривает современные тренды, такие как устойчивость, подчеркивая эволюцию банкетной дипломатии в глобализованном мире.

Ключевые слова: культурный обмен, этика, исторические события, дипломатия, протокол, банкет, устойчивость.

Ryabova E.L.

Doctor of Political Science, Editor-in-Chief of the journal "Ethnosociety and Interethnic Culture".

Ternovaya L.O.

Doctor of Historical Sciences, Professor, Moscow Automobile and Highway State Technical University.

The banquet as an arena of world politics: the ethics of famous banquets

Abstract. The article explores the role of banquets as an instrument of world politics and diplomacy, revealing their ethical, cultural and social aspects. Using examples of famous historical events such as the Borgias' Chestnut Banquet, the Field of the Cloth of Gold and modern events such as

* © Рябова Е.Л., Терновая Л.О., 2025.

Застолье как арена мировой политики: этика знаменитых банкетов

the Nobel Banquet, the authors demonstrate how banquets became a platform for resolving political issues, presenting power and opportunities for cultural exchange. Particular attention is paid to the ethical dilemmas of banquets. The article also considers modern trends such as sustainability, emphasizing the evolution of banquet diplomacy in a globalized world.

Key words: cultural exchange, ethics, historical events, diplomacy, protocol, banquet, sustainability.

Жизнь людей во все времена отличалась многообразием. Она часто преподносила неприятности, однако, доставляла немало радостей. Порой человеку бывает сложно отличить одно от другого, в том числе потому, что существование каждого индивида определяется далеко не только его способностями и возможностями, но и теми условиями, которые мир создает вокруг него. Умение видеть, понимать, анализировать происходящее в этом внешнем поле позволяет вырабатывать собственное отношение к себе и другим, выстраивать карьеру, ставить цели и планировать путь к их достижению. Для достижения этого совсем не требуется погружаться в тонкости мировой экономики и политики, а важно обнаруживать такие реперные точки международного общения, которые делают доступным видение векторов развития не только политико-экономических, но и социально-культурных процессов.

Объяснением такой возможности выступает наличие мощной этической базы, концентрируемой именно в таких точках. К ним могут быть отнесены и знаковые международные мероприятия, которые помимо официальной программы имеют и неофициальную компоненту, включающую, музыкальные концерты, балы и банкеты.

Этимология слова «банкет» весьма любопытна. Оно было заимствовано в XVII в. из немецкого языка, в который слово *Bankett* пришло из итальянского, где *banchetto* означало «скамейка», предположительно вокруг стола. Однако понятие «банкет» отнюдь не является единственным для обозначения застолья. В русском языке в ходу были термины: «пир», «званный ужин», «гулянка», «кутеж», «вечеринка» и др. Каждый из них отражал особенности собрания, время его проведения, широту размаха, ведь если говорилось о пире, то чаще всего он подразумевал организации в масштабе «на весь мир»¹. Банкет имел много общего с балом, но в отличие от

1 Захарова О.Ю. Пушкарёв С. Российское церемониальное застолье: старинные меню и рецепты императорской кухни Ливадийского дворца. – М.: Центрполиграф, 2012; Кабакова Г.И. Русские традиции гостеприимства и застолья = Russian traditions of feast and hospitality = Russian traditions of feast and hospitality. – М.: Форум: Неолит, печ. 2016; Уварова Ю.Н. Застолье как искусство. Трапезы в России в XVIII – начале XX века: меню, сервировка, этикет / Министерство культуры Российской Федерации, Федеральное государственное бюджетное учреждение культуры «Государственный историко-культурный музей-заповедник «Московский Кремль». – М.: Гос. историко-культурный музей-заповедник «Московский Кремль», 2022.

него делал акцент не на развлекательно-танцевальной части, а на трапезе². Ее универсальный культурный код, отталкивающийся от сакрального смысла общего преломления хлеба за одним столом, был понятен всем участвующим в действе независимо от их национальности, социального положения, профессии. Это смысл диктовал ритуальный ход банкета, позволяющий неспешно и даже незаметно решать как личные, так и государственные проблемы.

Эти возможности банкет обеспечивал, невзирая на огромные различия в организации с точки зрения повода проведения, порядка обслуживания, ассортимента блюд и напитков. Банкет представлял собой сложный инструмент дипломатии. Он был тем культурным зеркалом, в котором даже через века сохранились воспоминания: о хозяевах и гостях банкета; их нарядах и украшениях; атмосфере доверия или настороженности; демонстрации культурной идентичности или подражания иностранной кухне и моде; скрытых и явных знаках того, как общие этические нормы (уважения, равенства, гостеприимства) за столом сталкивались с политическими реалиями и культурными различиями.

Такое вообразимое зеркало, составленное из многих фрагментов, которые представлены легендами и преданиями, памятниками искусства и литературы, документальными и художественными кинофильмами сохранило для нас самые знаменитые банкеты в истории, начиная с библейского повествования из главы 5 Книги пророка Даниила о пире вавилонского царя Валтасара. Благодаря Тациту, мы можем живо представить оргию императора Нерона в Риме в 64 г. н.э., где гостей угощали более полусотней деликатесов, среди которых выделялись зайцы с крыльями, напоминающими крылья Пегаса; сони, посыпанные маком; вымя свиноматки; сваренные целиком телята, на которых были надеты шлемах.

В начале XVI столетия, накануне дня всех Святых 31 октября 1501 г., Рим стал местом проведения не менее роскошного и одновременно развратного Каштанового банкета, устроенного в Апостольском дворце Чезаре Борджиа, сыном римского папы Александра VI. О нем мы знаем в деталях из дневника *Liber Notarum* церемониймейстера римской курии Иоганна Буркарда³. До середины XIX в. этот документ тщательно хранился от публики в архивах Ватикана. Чуть позже Каштанового банкета, в 1520 г., пир, устроенный в Балингеме, получил название «Поле золотой парчи» (фр. *Camp du Drap d'Or*). Его проведение было связано с подписанием Англией, Францией и империей Габсбургов Лондонского договора о ненапа-

2 Миронова Т.А., Терновая Л.О. Студенческие балы в системе коммуникативной культуры университета // Этносоциум и межнациональная культура. 2024. № 7 (193). С. 25-35; Рябова Е.Л., Терновая Л.О. Почему вредно не ездить на бал // Этносоциум и межнациональная культура. 2012. № 10. С. 171-179.

3 At the Court of the Borgia, Being an Account of the Reign of Pope Alexander VI Written By His Master of Ceremonies Johann Burchard. London: Folio Society, 1963.

дении, чтобы гарантировать совместное отражение вероятного вторжения Османской империи. Организованный в честь этого события праздник длился три недели, включая карнавал, рыцарские поединки, музыкальные представления.

Безусловно, одним из главных поводов для банкета становится свадьба, а праздник в честь бракосочетания Марии Медичи и Генриха IV во Флоренции в 1600 г., собравший триста гостей во дворце Палаццо Веккьо на площади Синьории, вошел в историю. Тогда было подано более пятидесяти смен блюд, среди которых выделялся шербет из молока и меда, созданный по вдохновению новесты.

Далеко не всегда задумки организаторов оправдываются. Никола Фуке, министр финансов при Людовике XIV, организовав в 1661 г. банкет в своем замке Во-ле-Виконт, не предполагал, что роскошное пиршество на тысячу гостей станет поводом для размышлений монарха, откуда у Фуке взялись средства на него. Поэтому Фуке арестовали и заключили в тюрьму до конца жизни.

Банкеты представляют собой органичную часть дипломатически приемов. Один из самых памятных проходил 18 января 1817 г. в Королевском павильоне в Брайтоне в честь прибытия в Англию русского Великого князя Николая. Принц-регент Георг IV для этого случая нанял самого дорогого шефа тех времен Мари-Антуана Карема, поручив ему подготовить уникальный и экстравагантный ужин. Изюминкой банкета стала мечеть из марципана высотой в четыре фута. Можно сказать, что описываемый банкет открыл тот период, который французский историк Венсан Робер назвал «временем банкетов», когда все ключевые политические вопросы мировой политики решались за обеденным столом⁴.

Ничего не изменилось и в XX столетии. Про банкеты при Сталине написано исследование В.А. Невежина «Застолья Иосифа Сталина», в котором разбираются 47 торжественных банкетов, проходивших вне военного времени: с 1935 – 1941 и с 1945 – 1949 гг.⁵ Невежин подчеркивает, что во время банкетов их участники могли достаточно безопасно обмениваться информацией, в том числе секретной. На банкетах решались важные государственные дела. В основном банкеты приурочивались к знаковым датам: 1 мая, 7 ноября. На банкете после Великой Отечественной войны 24 мая 1945 г. Сталин произнес свой знаменитый тост «За русский народ!» В пост-сталинские времена советские банкеты мельчали. Их застойный характер символично передает в своей книге «Застолье и застои» главный редактор журнала «Огонек» времени «перестройки» Виталий Коротич⁶. Он долгое

4 Робер В. Время банкетов: Политика и символика одного поколения (1818 – 1848). – М.: Новое литературное обозрение, 2019.

5 Невежин В.А. Застолья Иосифа Сталина: монография / Учреждение Российской Академии наук Институт российской истории. – М.: АИРО-XXI, 2019.

6 Коротич В.А. Застолье в застои. – М.: Центрполиграф, 2018.

время собирал застольные речи, применимые к разным событиям жизни, семейным и общественным: новоселье, свадьба, именины, рождение, крестины, получение диплома, совершеннолетие, чествование юбиляров и др.

Можно сказать, что застольные речи издавна превратились в особый жанр, поскольку включают поговорки, цитаты, праздничные песни, стихотворные отрывки. Каждая эпоха имела и любая культура имели не только собственные отличительные черты праздничной еды, но и отличались особенностью застольных речей⁷. Чаще всего застольную риторику называют эпидейктической речью (др.-греч. ἔπι — сверх и δεῖξις — указание), а ее целью становится создание у виновника торжества определенного эмоционального состояния, как правило, радости, гордости, вдохновения и пр.⁸.

Грандиозные дипломатические банкеты были во все эпохи. При всех различиях культур и времен общим в них было стремление хозяев продемонстрировать гостям свои почти, что безграничные возможности. Именно таким был банкет в 1959 г., в День Святого Патрика во время визита в США президента Ирландии Шона Томаса О'Келли, который стал предметом подробного разбора в книге Джона Лейна «Вкус прошлого»⁹.

Обычно банкет является завершающим мажорным аккордом дипломатического мероприятия, празднования памятной даты, церемонии награждения. Однако история знает грустные, прощальные банкеты. Именно такой организовал Франсуа Миттерана в 1995 г., зная, что он умирает от рака простаты. Тогда он собрал три десятка близких людей и угостил их теми блюдами, которые было нельзя назвать знакомыми даже гурманам, включая крошечную садовую овсянку, находящуюся под угрозой исчезновения. Для гостей повара овсянку топили в арманьяке, зажаривали и подвали целиком вместе с костями. Считается, что эта птица воплощает душу Франции, поэтому тот, кто все же рисковал ее съесть, носил салфетку над головой, чтобы скрыть от Бога этот греховный поступок. На банкете у Миттерана таких салфеток не было, а спустя восемь дней он умер.

Есть банкеты, которые по аналогии с судебными трибуналами, можно назвать *ad hoc*, т.е. по случаю. И также широко известны банкеты, ставшие регулярными, чья популярность достигает известности события, ради которого они организуются. К таковым относится Нобелевский банкет, проводимый ежегодно в годовщину смерти Альфреда Нобеля — 10 декабря в Голубом зале Стокгольмской ратуши, после церемонии вручения премий. Это мероприятие даже транслируется в прямом эфире по телевидению Швеции (SVT). Установлен строгий дресс-код и тщательно выверенный

7 Застольные речи: 100 застольных речей на разные случаи жизни / Сост. Н. Николаев. Рига : тип. газ. «Rigaer Tageblatt», 1895.

8 Шаповалова Т.А., Витютнева А.С. Манипулятивный потенциал эпидейктической речи // Вестник Томского государственного университета. История. 2015. № 6. С. 74-78.

9 Lane J. A Taste Of The Past. Exeter: David & Charles Publishers, 2004.

регламент банкета для 1300 гостей. Но это не только лауреаты и именитые персоны. С 1976 г. студенты университетов и колледжей Швеции, выбранные в ходе розыгрыша билетов для членов студенческого союза, присутствуют в том же зале, что и почетные гости. Даже если кому-то очень хотелось оказаться на банкете, но он не был приглашен, все блюда можно попробовать в ресторане *Stadshuskällaren*, расположенном в Стокгольмской ратуше, который предлагает меню прошлых Нобелевских банкетов. Более того, еду обедающим подают на той же посуде, что использовалась на официальном Нобелевском банкете.

Возможно, когда-нибудь столь же доступными станут блюда традиционного гала-ужина кинопремии «Оскар», который ежегодно устраивают для участников церемонии. В 2024 г. ответственным за ужин был повар Вольфганг Пак, который поделился в соцсетях блюдами, предложенными на оскарсовском ужине. Меню включало как изысканные, так и весьма необычные блюда. Гостей угощали драниками, макаронами с трюфелем, веганскими чебуреками, а также съедобными статуэтками «Оскар», изготовленными не только из шоколада, но и из копченого лосося с черной икрой.

К традиционным банкетам относятся те, что проводятся во время инаугурации президентов США, начиная с 30 апреля 1789 г. Каждый новоизбранный лидер этого государства привносил в церемонию что-то свое, оставляя основной порядок, включающий балы, организуемые представителями высшего общества. Пока не был побит рекорд, установленный в 1997 г. Биллом Клинтонем, который побывал на 14 мероприятиях за вечер. Барак Обама в 2009 г. посетил 10 из них. Президент Дональд Трамп и Мелания Трамп в январе 2025 г. устроили три инаугурационных бала за один вечер, чтобы ознаменовать начало новой эры *MAGA*. Президент и первая леди начали с бала главнокомандующего в военной тематике, прежде чем отправиться на блистательный *Liberty Ball*, где они танцевали на сцене со всей семьей Трампов, прежде чем проехать на бал *Starlight*.

У пышных застолий всегда были недоброжелатели. Постепенно появились и критики политических смыслов банкетов. Поскольку в Англии банкеты стали естественной частью избирательной кампании, то открытость обществу там была наиболее заметна. Еще в середине XVIII в. Уильям Хогарт (1697 – 1764) в картине «Предвыборный банкет» высмеял такое сборище с пьянством и обжорством, организованное кандидатом в «гнилом местечке». Его художник поместил под флагом с надписью «Свобода и лояльность»¹⁰. Во Франции после бурных событий конца XVIII – начала XIX вв. в завершение правления Луи-Филиппа (1847 – 1849) такие мероприятия, как «гражданские банкеты» или «банкеты реформистов» способствовали созданию движения за избирательную реформу. За образец их

10 Терновая Л.О. Тема выборов в изобразительном искусстве как отражение избрания жизненного пути // Искусствоведение. 2024. № 1. С. 10-31.

взяла и русская оппозиция в начале XX столетия, раскачивая общественные настроения накануне революции 1905 г.

К критике банкетов подключился даже Ватикан. В 1975 г. папа Павел VI осудил ресторанный критика *New York Times* Крейга Клейборна, который, сделав ставку в триста долларов в телевизионном благотворительном аукционе, выиграл еду на двоих, в любой точке мира, оплачиваемую *American Express*. Он выбрал парижский ресторан *Chez Denis*, где попросил шеф-повара Клода Морнея подготовить специальное меню пятичасового ужина из 31 блюда, включая: икру, фуа-гра, трюфели, садовую овсянку, сладкое мясо, вальдшнепа и — вершины кулинарный экстравагантности — блюда из сотни куриных «устриц». В Списке вин были *Chateau Latour 1918*, *Mouton Rothschild* и *d'Yquem*, оба 1928, *Petrus* 1961. Однако эта роскошная трапеза не произвела благоприятного впечатления на критика. В результате Клейборн выдал ресторану негативный отзыв в своей статье на первой странице *New York Times*, где заявил, что омар был «как резина», а куриные «устрицы» к столу — замороженными. На эту статью газета получила множество гневных писем, осуждавших такие действия, когда в мире столько людей голодает. К этим откликам присоединился Ватикан, назвав сам банкет «скандальным».

Из данного примера можно сделать не только социальный, но и этико-эстетический вывод. Так, реклама изысканного банкета не должна уступать качеству блюд и красоте их подачи. В 2007 г. полтора десятка гурманов заплатили по 15 тысяч фунтов каждый (без налогов и чаевых) за место в ресторане *Dome* в *State Tower* в Бангкоке, где для них и 25 приглашенных гостей трехзвездочными *Michelin* поварами, в том числе Аленом Соливересом (*Taillevent* в Париже) и Антуаном Вестерманном (*Buerehiesel* в Страсбурге) было подготовлено впечатляющее меню, в котором десять основных блюд включали: крем-брюле из фуа-гра с бобами Тонга, тартар из говядины Кобе с икрой белуги и устрицами *Belons*, телячьи щечки с трюфелями Перигор. Повара использовали ингредиенты из 35 разных стран стоимостью один миллион бат. Но сами тайские блюда в меню отсутствовали. Такой банкет даже при ограниченном количестве участников можно назвать пиром на весь мир. А один из поваров сделал очень важный вывод, представляющий главную задачу подобных мероприятий: повысить уровень кулинарной культуры и поднять уровень вдохновения поваров.

Из этого вывода следует, что такие события, как банкеты, следует изучать, потому, что они становятся порталами в нереальный, утопический мир. Когда в 1947 г. в Советской стране с незажившими ранами Великой Отечественной войны на «Ленфильме» снимали сказочный фильм «Золушка», то совершенно не случайно в него включили сцены, где гостей перенесли в Волшебную страну и каждый, по словам Принца, ока-

зался там, где ему приятно, в том числе, где они могли насладиться невероятно вкусными напитками и едой. Утопия отличается от антиутопии не только тем, что в ней все светло и радостно, но и тем, что какие-то ее частички все же можно реализовывать в жизни, особенно праздничной. Здесь нельзя не вспомнить Михаила Бахтина (1895 – 1975) с его выдающейся книгой «Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса»¹¹.

Кроме того, утопическая составляющая банкетов помогает преодолевать стереотипы «восточной/западной» этики и акцентировать не межкультурные различия, а сходства: щедрости, гостеприимства, восприятия красоты и т.д. При этом современные банкеты не превращаются в подобие древних оргий, а влияют на реальную политику, становясь инструментом «мягкой силы», что можно судить по таким мероприятиям во время саммитов Группы 7, Группы 20, АСЕАН и других международных форматов. Безусловно, банкетные залы на таких встречах часто напоминают «минные этические поля», на которых от государственных лидеров требуется проявлять особую осторожность из-за множества непредсказуемых ловушек, несмотря на прописанный порядок. Выйти с честью из таких ситуаций можно, соблюдая этические принципы творчески и с уважением к хозяевам и гостям. Это позволяет предсказать продуктивное будущее «банкетной дипломатии», которая способна, во-первых, поддерживать баланс между традицией и современностью, благодаря сбережению знаковых ритуалов при адаптации к меняющимся нормам. Во-вторых, сталкиваясь с новыми вызовами, этика международных банкетов эволюционирует, отражая готовность гибко на них реагировать и транслировать эту реакцию мировой общественности.

Застолье представляет собой микрокосм общения, имеющего много уровней, начиная от межличностного и заканчивая международными отношениями, в которых историческая этика знаменитых банкетов выступает своеобразным навигатором в мире сложностей современного глобального взаимодействия. Успех этих мероприятий зависит от способности хозяев и гостей сочетать уважение к различиям с поиском общих человеческих ценностей за общим столом.

Библиографический список

1. Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. – М.: Художественная литература, 1990. 541 с.
2. Захарова О.Ю. Пушкарев С. Российское церемониальное застолье: старинные меню и рецепты императорской кухни Ливадийского дворца. – М.: Центрполиграф, 2012. 189 с.
3. Застольные речи: 100 застольных речей на разные случаи жизни / Сост. Н. Николаев. Рига: тип. газ. «Rīgaer Tageblatt», 1895. VIII, 151 с.

11 Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. – М.: Художественная литература, 1990.

4. Кабакова Г.И. Русские традиции гостеприимства и застолья = Russian traditions of feast and hospitality = Russian traditions of feast and hospitality. – М.: Форум: Неолит, печ. 2016. 463 с.
5. Коротич В.А. Застолье в застой. – М.: Центрполиграф, 2018. 286 с.
6. Миронова Т.А., Терновоя Л.О. Студенческие балы в системе коммуникативной культуры университета // Этносоциум и межнациональная культура. 2024. № 7 (193). С. 25-35.
7. Неvezhin В.А. Застолья Иосифа Сталина: монография / Учреждение Российской Академия наук Институт российской истории. – М.: АИРО-XXI, 2019. 560 с.
8. Роберт В. Время банкетов. Политика и символика одного поколения (1818 – 1848). – М.: Новое литературное обозрение, НЛО, 2019. 656 с.
9. Рябова Е.Л., Терновоя Л.О. Почему вредно не ездить на бал // Этносоциум и межнациональная культура. 2012. № 10. С. 171-179.
10. Терновоя Л.О. Тема выборов в изобразительном искусстве как отражение избрания жизненного пути // Искусствоведение. 2024. № 1. С. 10-31.
11. Уварова Ю.Н. Застолье как искусство. Трапезы в России в XVIII – начале XX века: меню, сервировка, этикет / Министерство культуры Российской Федерации, Федеральное государственное бюджетное учреждение культуры «Государственный историко-культурный музей-заповедник «Московский Кремль». – М.: Гос. историко-культурный музей-заповедник «Московский Кремль», 2022. 171 с.
12. Шаповалова Т.А., Витютнева А.С. Манипулятивный потенциал эпидейктической речи // Вестник Томского государственного университета. История. 2015. № 6. С. 74-78.
13. At the Court of the Borgia, Being an Account of the Reign of Pope Alexander VI Written By His Master of Ceremonies Johann Burchard. London: Folio Society, 1963. 245 p.
14. Lane J. A Taste Of The Past. Exeter: David & Charles Publishers, 2004. 160 p.

References

1. Bakhtin M.M. The Works of Francois Rabelais and the Folk Culture of the Middle Ages and the Renaissance. – Moscow: Fiction, 1990. 541 p.
2. Zakharova O.Yu. Pushkarev S. Russian Ceremonial Feast: Old Menus and Recipes of the Imperial Cuisine of the Livadia Palace. – Moscow: Centerpoligraf, 2012. 189 p.
3. Table Speeches: 100 Table Speeches for Different Occasions / Comp. N. Nikolaev. Riga: printing house “Rigaer Tageblatt”, 1895. VIII, 151 p.
4. Kabakova G.I. Russian Traditions of Hospitality and Feast = Russian traditions of feast and hospitality = Russian traditions of feast and hospitality. – Moscow: Forum: Neolithic, printed. 2016. 463 p.
5. Korotich V.A. Feast during stagnation. – М.: Centerpoligraf, 2018. 286 p.
6. Mironova T.A., Ternovaya L. O. Student balls in the system of the university's communicative culture // Ethnosociety and interethnic culture. 2024. № 7 (193). P. 25-35.
7. Nevezhin V. A. Joseph Stalin's feasts: monograph / Institution of the Russian Academy of Sciences Institute of Russian History. – М.: АИРО-XXI, 2019. 560 p.
8. Robert V. Time of banquets. Politics and symbolism of one generation (1818 - 1848). – М.: New literary review, NLO, 2019. 656 p.
9. Ryabova E.L., Ternovaya L.O. Why it is harmful not to go to the ball // Ethnosociety and interethnic culture. 2012. № 10. P. 171-179.
10. Ternovaya L.O. The theme of elections in the fine arts as a reflection of the choice of life path // Art criticism. 2024. № 1. P. 10-31.
11. Uvarova Yu.N. Feast as an art. Meals in Russia in the 18th - early 20th centuries: menu, table setting, etiquette / Ministry of Culture of the Russian Federation, Federal State Budgetary Institution of Culture “State Historical and Cultural Museum-Reserve “Moscow Kremlin”. – М.: State Historical and Cultural Museum-Reserve “Moscow Kremlin”, 2022. 171 p.
12. Shapovalova T.A., Vityutneva A.S. Manipulative potential of epideictic speech // Bulletin of Tomsk State University. History. 2015. № 6. P. 74-78.
13. At the Court of the Borgia, Being an Account of the Reign of Pope Alexander VI Written By His Master of Ceremonies Johann Burchard. London: Folio Society, 1963. 245 p.
14. Lane J. A Taste Of The Past. Exeter: David & Charles Publishers, 2004. 160 p.

Карпетян Т.Ш.

Аспирант. Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Государственная информационная политика и медиаресурсы: стратегическое взаимодействие в целях защиты национальных интересов*

Аннотация. В статье рассматривается государственная информационная политика как важнейший элемент системы обеспечения национальной безопасности. Особое внимание уделяется взаимодействию государственных институтов с медиаресурсами в целях защиты стратегических интересов страны. Анализируются современные вызовы в информационной сфере, а также механизмы формирования единого информационного пространства, устойчивого к внешнему влиянию и деструктивным воздействиям. Обосновывается необходимость синергии между государством и медиасообществом в условиях цифровизации и гибридных угроз.

Ключевые слова: цифровые медиа, коммуникационные риски, информационная безопасность, национальная безопасность, информация, государственная информационная политика.

Karapetyan T.Sh.

Postgraduate student. Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

State information policy and media resources: strategic cooperation in order to protect national interests

Abstract. The article considers the state information policy as the most important element of the national security system. Special attention is paid to the interaction of state institutions with media resources in order to protect the strategic interests of the country. The article analyzes modern challenges in the information sphere, as well as mechanisms for the formation of a unified information space that is resistant to external influence and destructive influences. The necessity of synergy between the state and the media community in the context of digitalization and hybrid threats is substantiated.

Key words: digital media, communication risks, information security, national security, information, state information policy.

* © Карпетян Т.Ш., 2025.

Государственная информационная политика и медиаресурсы: стратегическое взаимодействие в целях защиты национальных интересов

В условиях стремительной цифровизации все сферы общественной жизни — от экономических и политических процессов до социокультурной динамики — оказались тесно связанными с информационным пространством. Медиаресурсы сегодня играют ключевую роль в формировании общественного мнения, политической социализации граждан, трансляции культурных и национальных ценностей. Информационная повестка, задаваемая как традиционными СМИ, так и цифровыми платформами (социальными сетями, видеохостингами, новостными агрегаторами), становится основным полем конкуренции за влияние, а значит — и ареной стратегического соперничества.

На этом фоне возрастает значимость государственной информационной политики как одного из инструментов не только внутреннего управления, но и защиты национальных интересов в глобальной среде¹. В современном мире информационные потоки выходят за пределы юрисдикции одного государства, а медиаресурсы — как отечественные, так и транснациональные — могут быть задействованы как в легитимных целях, так и в контексте гибридных угроз: от распространения дезинформации до манипулятивных кампаний, подрывающих социальную стабильность.

Стратегическое взаимодействие между государством и медиасферой приобретает системообразующее значение. Оно позволяет не только оперативно реагировать на вызовы, но и формировать устойчивые механизмы долгосрочной защиты информационного суверенитета. Однако для эффективной реализации такой политики необходим баланс между контролем и свободой слова, между защитой национальных интересов и поддержанием доверия к медиа.

Актуальность темы определяется необходимостью глубокого осмысления того, как государственная информационная политика может эффективно интегрироваться с медиаресурсами в целях противодействия информационным угрозам и обеспечения целостности информационного пространства. Кроме того, на фоне обострения международной конкуренции в информационной сфере усиливается роль внутренних информационных механизмов, направленных на формирование национального консенсуса и повышение уровня медиаграмотности граждан.

Цель данной статьи — проанализировать принципы, задачи и механизмы государственной информационной политики в контексте взаимодействия с медиаресурсами, выявить ключевые проблемы и предложить направления оптимизации этого взаимодействия в целях устойчивого развития и защиты национальной безопасности.

Государственная информационная политика — это система управленческих решений, нормативных регуляторов и стратегических подходов,

¹ Мелюхин И.С. Информационное общество: проблемы становления и развития (философский анализ). // Дисс. ... д-ра философ. н. - М.: РАГС, 1998.

направленных на эффективное использование информационных ресурсов в интересах государства и общества. Она выступает важнейшим инструментом, обеспечивающим устойчивость общественно-политической системы, информационный суверенитет и сохранение национальных приоритетов в условиях усиливающегося информационного давления².

По мнению Попова В.Д. информационная политика – это «деятельность субъекта по актуализации и реализации своих интересов в обществе посредством формирования, преобразования, хранения и передачи всех видов информации. По его мнению, информационная политика – это особая сфера жизнедеятельности людей (политиков, ученых, аналитиков, журналистов, слушателей и читателей и т.д.), связанная с воспроизводством и распространением информации, удовлетворяющей интересы социальных групп и общественных институтов»³. Сущность информационной политики заключается в целенаправленном воздействии на процессы создания, обработки, распространения и потребления информации, оказывающей влияние на общественное сознание, политическую культуру, экономическую стабильность и международный имидж страны. «Сама информационная политика и формирующие ее технологии зависят от уровня политической культуры как государственных структур, так и гражданского общества в целом»⁴, при этом государство действует как субъект, ответственный за координацию и регуляцию медиапространства в целях защиты общественных интересов, обеспечения прав граждан на достоверную информацию и поддержания национальной информационной безопасности.

Ключевые цели государственной информационной политики можно структурировать следующим образом (рисунок 1, стр. 145).

Механизмы реализации государственной информационной политики включают:

- принятие профильных **законодательных и нормативных актов**, регулирующих деятельность СМИ, цифровых платформ и интернет-ресурсов;

- **стратегические документы**, такие как Доктрина информационной безопасности Российской Федерации, Стратегия развития информационного общества и национальные проекты в сфере цифровой экономики;

- **координацию деятельности субъектов информационного про-**

2 *Нестерова Н.Н., Смылова О.Ю.* Государственная информационная политика в новых условиях развития современного общества // ЭФО: Экономика. Финансы. Общество. 2022. № 1. С. 6-18

3 *Попов В.Д.* Информациология и информационная политика. – М.: Изд-во РАГС, 2001.

4 *Лихтин А.А., Ковалев А.А.* Теоретические аспекты концепции информационной политики и особенности ее реализации в современной российской общественно-политической реальности // Управленческое консультирование. 2017. № 1. С. 29-35.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ИНФОРМАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА

Обеспечение информационной безопасности. Речь идет о защите критической информационной инфраструктуры, минимизации угроз со стороны внешних и внутренних дестабилизирующих факторов, а также о развитии системы кибербезопасности и механизмов противодействия информационно-психологическим операциям

Формирование единого информационного пространства. Создание интегрированной системы коммуникации между государственными институтами, СМИ, образовательными учреждениями и обществом позволяет минимизировать дезинтеграционные процессы и формирует общий цивилизационный вектор развития

Поддержание доверия к официальным источникам информации. В условиях информационного шума и цифровой фрагментации крайне важно формировать устойчивый канал достоверной и верифицированной информации, пользующийся высоким уровнем доверия со стороны населения

Противодействие деструктивным информационным влияниям. Современная информационная война осуществляется не только через традиционные медиа, но и через социальные сети, мессенджеры, анонимные ресурсы. Государственная политика в этой области должна предусматривать мониторинг, оперативное реагирование, блокировку вредоносного контента и юридическую ответственность за информационные преступления

Сохранение и защита национальной идентичности. Информационная политика призвана поддерживать культурно-исторические коды, языковое и духовное наследие, укреплять гражданскую солидарность и патриотизм, особенно в условиях глобализации и усиления внешнего культурного влияния

Рисунок 1. Цели государственной информационной политики.

странства, включая государственные и негосударственные СМИ, пресс-службы министерств и ведомств, научные центры, а также образовательные учреждения, обеспечивающие подготовку специалистов в области медиакommunikаций и информационной аналитики.

Таким образом, государственная информационная политика является неотъемлемым компонентом национальной стратегии устойчивого развития и играет ключевую роль в обеспечении безопасности и стабильности в

условиях современного информационного общества.

Понимание сущности государственной информационной политики невозможно без учёта роли медиасреды как одного из её основных носителей и реализаторов. В современном информационном обществе медиаресурсы выполняют не только коммуникативную, но и стратегическую функцию — они становятся инструментом влияния, трансляции государственных установок, формирования общественного консенсуса и мобилизации граждан в условиях внутренних и внешних вызовов. Эффективное использование медиapotенциала позволяет государству последовательно реализовывать свои цели в информационной сфере, укрепляя легитимность институтов власти и обеспечивая устойчивость национального информационного пространства.

Медиаресурсы — это телевидение, радио, печатные издания, интернет-СМИ, видеохостинги, мессенджеры, социальные сети и иные каналы массовой коммуникации, играющие ключевую роль в формировании общественного мнения⁵. Их значение возрастает многократно в эпоху цифровизации и медийной конвергенции, когда традиционные и новые форматы информации переплетаются, создавая сложную многослойную среду восприятия.

В контексте государственной стратегии медиаресурсы могут выполнять две противоположные функции: способствовать укреплению единства и устойчивости государства либо, напротив, становиться каналами распространения деструктивных идей, манипуляций, фейков и антинародной риторики. Таким образом, сотрудничество с медиасектором должно быть институционализировано и опираться на принципиально важные направления взаимодействия, при этом не ущемляя свободу слова и свободу распространения информации⁶.

К числу **важнейших направлений координации между государством и медиаресурсами** относятся:

1. Поддержка медиапроектов, продвигающих базовые ценности — патриотизм, государственность, правосознание, историческая преемственность и социальную солидарность. Это может выражаться как в прямом финансировании просветительских и культурных медиапрограмм, так и в создании условий для развития независимых общественно-значимых СМИ.

2. Оперативное и достоверное информирование населения о дей-

5 Харченко А.С. Современные интернет-медиа и конвергенция СМИ. Art Logos. 2021. № 4 (17). С. 67-76.

6 Боброва Ю.М. Государственная политика в области информатизации и использования информационных технологий в органах государственной власти. – СПб: Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, 2020.

ствиях государства в условиях чрезвычайных ситуаций, политических кризисов, экономических преобразований и других чувствительных процессов. Такой подход снижает уровень паники, укрепляет доверие к официальным источникам и препятствует распространению панических слухов.

3. Быстрое опровержение дезинформации и фейков. Система анти-кризисной информационной реакции должна включать в себя не только выявление и нейтрализацию вредоносного контента, но и упреждающее формирование нарратива, способного объяснить ситуацию и предложить позитивную интерпретацию событий.

4. Развитие двусторонней коммуникации с обществом. Это предполагает поддержку обратной связи через платформы для обращений граждан, участие в общественных дискуссиях, учет общественного мнения при формировании повестки и активное использование краудсорсинговых технологий.

5. Стимулирование профессиональной ответственности журналистов и медиаменеджеров через систему этических кодексов, повышение медиаграмотности, профессиональную переподготовку и внедрение механизмов общественного контроля за достоверностью информации.

В условиях гибридных угроз медиаресурсы выступают не только инструментом передачи информации, но и средством защиты общественного сознания от деструктивного воздействия. Их грамотное и ответственное использование в рамках государственной информационной политики способствует укреплению национального единства, устойчивости политической системы и формированию зрелого гражданского общества.

Несмотря на очевидную стратегическую значимость медиаресурсов в деле реализации государственной информационной политики, взаимодействие государства и медиасферы не лишено внутренних противоречий и нерешённых институциональных барьеров. Как показывает практика, даже при наличии нормативной базы и формального партнёрства, на практике остаются острые проблемы, связанные с доверием, эффективностью коммуникации и устойчивостью цифрового информационного пространства к внешнему влиянию.

Особенно остро эти проблемы проявляются на фоне стремительной цифровизации информационной среды, где конкуренция за внимание аудитории обостряется, а традиционные государственные каналы теряют прежнее доминирующее положение. В этих условиях государству необходимо не только усиливать контроль над информационными потоками, но и стремиться к открытому, прозрачному диалогу с медиасообществом, включая как крупные федеральные СМИ, так и региональные и независимые информационные проекты.

Среди **ключевых проблем и рисков**, осложняющих эффективное взаи-

модействие между государственными структурами и медиасектором, можно выделить следующие:

- **Ограниченность диалога между государством и независимыми средствами массовой информации.** Зачастую взаимодействие сводится к одностороннему информированию, без развития полноценной платформы для обратной связи, обсуждения острых тем и коллективного выработки медиастратегий.

- **Снижение доверия граждан к официальным каналам информации.** На фоне глобального медийного разнообразия, пользователи склонны полагаться на альтернативные источники, особенно в кризисные периоды, что усиливает уязвимость к дезинформации и снижает эффективность государственных коммуникаций.

- **Нехватка качественного контента в патриотической и просветительской повестке.** Слабое присутствие интересного, креативного и убедительного контента, ориентированного на молодежную аудиторию, делает официальные нарративы менее привлекательными в сравнении с конкурирующими цифровыми продуктами, в том числе и зарубежного происхождения.

- **Недоразвитость отечественной инфраструктуры цифровых платформ.** Зависимость от иностранных информационных сервисов (поисковиков, социальных сетей, видеохостингов) затрудняет реализацию суверенной информационной политики и ограничивает возможности оперативного реагирования на информационные угрозы.

- **Присутствие иностранных медиаструктур, действующих вне юрисдикции страны.** Такие субъекты могут вести информационные кампании с элементами манипуляции, идеологического воздействия или откровенной подрывной деятельности, используя лазейки в регулировании или социальную доверчивость аудитории.

- **Неравномерное развитие медиакомпетенций у работников государственных структур.** Часто представители госорганов не владеют современными форматами подачи информации и не используют возможности цифровой среды в полной мере, что делает государственные сообщения недостаточно убедительными и конкурентоспособными.

Таким образом, для построения устойчивой системы информационной безопасности и эффективной реализации государственной информационной политики необходим не только контроль над содержанием и техническими каналами распространения, но и качественное улучшение характера взаимодействия между государством и медиаресурсами⁷. Без устранения обозначенных проблем невозможно формирование подлинно

7 Маслов А.С. государственная информационная политика: проблемы формирования и реализации. Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2020. Т. 20. № 3. С. 349-353.

стабильного и защищённого информационного пространства, способного противостоять внешнему вмешательству и поддерживать высокий уровень общественного доверия.

Учитывая выявленные проблемы и риски в сфере государственно-медийного взаимодействия, становится очевидной необходимость стратегического переосмысления подходов к информационной политике. Современные вызовы требуют не только ответных мер, но и проактивных усилий, направленных на построение устойчивой, конкурентоспособной и ориентированной на граждан систему коммуникации. Без системного укрепления доверия, технологической независимости и включённости широкой аудитории любые меры информационной защиты будут носить изолированный и недостаточно эффективный характер.

Эффективная государственная информационная политика в современных условиях должна опираться на **принципы транспарентности, инклюзивности, открытого диалога и технологического суверенитета**. Только сочетание этих принципов позволяет не только оперативно реагировать на риски, но и формировать устойчивую и лояльную к национальной повестке общественную среду. В этой связи обозначаются следующие приоритетные направления развития:

1. Создание устойчивой системы медиапартнёрства между государственными органами и независимыми редакциями. Необходимо разработать и внедрить форматы сотрудничества, предполагающие регулярные коммуникации, совместные проекты, экспертную поддержку и повышение медиапрофессионализма. Такие альянсы способны снизить уровень отчуждённости между властью и независимыми СМИ, а также способствовать развитию баланса между свободой выражения и информационной ответственностью.

2. Расширение программ медиаграмотности и формирования культуры информационной гигиены. Это особенно важно в условиях нарастающего информационного шума и распространения недостоверных сведений. Инвестиции в образовательные программы, начиная со школьного и вузовского уровней, могут существенно повысить устойчивость населения к манипуляциям и фейковым кампаниям.

3. Стимулирование развития национальных цифровых платформ и агрегаторов. Без технологической базы, находящейся под юрисдикцией государства, невозможно гарантировать информационный суверенитет. Важно поддерживать не только инфраструктурные IT-проекты, но и создание конкурентоспособного контента, способного привлекать широкую аудиторию. Это особенно актуально в контексте нарастающей зависимости от глобальных цифровых корпораций.

4. Формирование экспертного сообщества в сфере информационной безопасности и стратегических коммуникаций. Такая профессиональная

среда способна обеспечивать научно-аналитическую поддержку решений, оперативную интерпретацию информационных рисков, а также разработку современных моделей воздействия и противодействия в условиях гибридных угроз.

5. Развитие международного сотрудничества по линии защиты информационного суверенитета. Это направление требует согласованных усилий в рамках двусторонних и многосторонних соглашений, а также участия в формировании новых норм международного информационного права. В условиях трансграничного характера цифровых угроз международное взаимодействие становится важным элементом системы превентивных мер.

Таким образом, трансформация механизма информационного взаимодействия государства и медиасферы должна базироваться на целостной концепции, сочетающей правовые, технологические, образовательные и культурные подходы. Только синергия усилий на всех уровнях — от локального до международного — позволит создать эффективную систему, способную не только защищать, но и развивать национальное информационное пространство.

Государственная информационная политика и медиаресурсы — это неразрывно связанные элементы национальной информационной безопасности. В условиях цифровой трансформации и гибридных конфликтов стратегическое взаимодействие между государственными институтами и медиасообществом приобретает особое значение. Только совместными усилиями возможно формирование устойчивого информационного пространства, способного противостоять внешним вызовам, способствовать консолидации общества и обеспечивать реализацию национальных интересов.

Библиографический список

1. Боброва Ю.М. Государственная политика в области информатизации и использования информационных технологий в органах государственной власти. — СПб: Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, 2020.
2. Лихтин А.А., Ковалев А.А. Теоретические аспекты концепции информационной политики и особенности ее реализации в современной российской общественно-политической реальности // Управленческое консультирование. 2017. № 1. С. 29-35.
3. Маслов А.С. государственная информационная политика: проблемы формирования и реализации. Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2020. Т. 20. № 3. С. 349-353.
4. Мелюхин И.С. Информационное общество: проблемы становления и развития (философский анализ). // Дисс. ... д-ра философ. н. – М.: РАГС, 1998.
5. Нестерова Н.Н., Смыслова О.Ю. Государственная информационная политика в новых условиях развития современного общества // ЭФО: Экономика. Финансы. Общество. 2022. № 1. С. 6-18.
6. Попов В.Д. Информациология и информационная политика. – М.: Изд-во РАГС, 2001.
7. Харченко А.С. Современные интернет-медиа и конвергенция СМИ. Art Logos. 2021. № 4 (17). С. 67-76.

8. Рябова Е.Л., Терновая Л.О. Историческая безопасность — ключ к многомерному видению геополитических угроз // Культура мира. 2024. Том 12. Выпуск 2. № 37. С. 160-170.
9. Рябова Е.Л., Терновая Л.О. Традиционные ценности народов Большой Евразии и современный мир // Культура мира. 2024. Том 12. Выпуск 4. № 39. С. 120-128.
10. Рябова Е.Л., Терновая Л.О. Связь времен и смыслов: священные деревья // Миссия конфессий. 2019. Том 8. Часть 2. №37. С. 133-142
11. Рябова Е.Л., Терновая Л.О. Итало-Российская торговая палата: торговые связи в конфигурации международных отношений // Миссия конфессий. 2018. Том 7. Часть 5. № 32. С. 585-595.

References

1. Bobrova Yu. M. State policy in the field of informatization and the use of information technologies in government bodies. – SPb: St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, 2020.
2. Likhitin A. A., Kovalev A. A. Theoretical aspects of the concept of information policy and features of its implementation in modern Russian socio-political reality // Management Consulting. 2017. № 1. P. 29-35.
3. Maslov A. S. state information policy: problems of formation and implementation. Bulletin of the Saratov University. New series. Series: Philology. Journalism. 2020. Vol. 20. № 3. P. 349-353.
4. Melyukhin I. S. Information society: problems of formation and development (philosophical analysis). // Diss. ... Doctor of Philosophy. n. – M.: RAGS, 1998.
5. Nesterova N.N., Smyslova O.Yu. State information policy in the new conditions of development of modern society // EFO: Economy. Finance. Society. 2022. № 1. P. 6-18.
6. Popov V.D. Information science and information policy. – M.: RAGS Publishing House, 2001.
7. Kharchenko A.S. Modern Internet media and media convergence. Art Logos. 2021. № 4 (17). P. 67-76.
8. Ryabova E.L., Ternovaya L.O. Historical security is the key to a multidimensional vision of geopolitical threats // Culture of the world. 2024. Volume 12. Issue 2. № 37. P. 160-170.
9. Ryabova E.L., Ternovaya L.O. Traditional Values of the Peoples of Greater Eurasia and the Modern World // Culture of Peace. 2024. Volume 12. Issue 4. № 39. P. 120-128.
10. Ryabova E.L., Ternovaya L.O. Connection of Times and Meanings: Sacred Trees // Mission of Confessions. 2019. Volume 8. Part 2. № 37. P. 133-142
11. Ryabova E.L., Ternovaya L.O. Italian-Russian Chamber of Commerce: Trade Relations in the Configuration of International Relations // Mission of Confessions. 2018. Volume 7. Part 5. № 32. P. 585-595.

Терновая Л.О.

Доктор исторических наук, профессор, Московский автомобильно-дорожный государственный технический университет (МАДИ).

Чапкин Н.С.

Старший преподаватель. Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова». Базовая кафедра цифровой экономики института развития информационного общества.

Международные отношения в эпоху искусственного интеллекта: новые вызовы, риски и возможности*

Аннотация. В статье рассматривается влияние искусственного интеллекта (ИИ) на современные международные отношения в условиях стремительной технологической революции. Анализируются ключевые вызовы, риски и возможности, возникающие в результате интеграции ИИ в политические, экономические и военные процессы на глобальном уровне. Особое внимание уделяется трансформации дипломатии, переходу к цифровым форматам коммуникации и управлению, а также формированию новых моделей стратегического взаимодействия государств. Освещаются вопросы гонки вооружений в области военного ИИ, кибербезопасности, глобального неравенства в доступе к технологиям, трансформации трудовых рынков и усиления пропаганды с использованием ИИ. Рассматриваются международные инициативы по регулированию развития ИИ, включая деятельность ООН, G7, ОЭСР и национальные стратегии, а также перспективы выработки этических норм и стандартов. Делается вывод о необходимости инклюзивного и дальновидного международного диалога для эффективного управления рисками и раскрытия позитивного потенциала ИИ в решении глобальных проблем человечества.

Ключевые слова: искусственный интеллект, международные отношения, цифровая дипломатия, кибербезопасность, гонка вооружений, глобальное неравенство, международное регулирование, этические стандарты, стратегическое управление, цифровая трансформация.

Ternovaya L.O.

Doctor of Historical Sciences, Professor, Moscow Automobile and Highway State Technical University.

* © Терновая Л.О., Чапкин Н.С., 2025.

Chapkin N.S.

Senior Lecturer. Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Russian Economic University named after G.V. Plekhanov". Basic Department of Digital Economy of the Institute for the Development of the Information Society.

International relations in the age of artificial intelligence: new challenges, risks, and opportunities

Abstract. The article examines the impact of artificial intelligence (AI) on modern international relations in the context of a rapid technological revolution. It analyzes the key challenges, risks, and opportunities arising from the integration of AI into political, economic, and military processes at the global level. Particular attention is paid to the transformation of diplomacy, the transition to digital formats of communication and governance, as well as the formation of new models of strategic interaction between states. The issues of the arms race in the field of military AI, cybersecurity, global inequality in access to technology, the transformation of labor markets, and the strengthening of propaganda using AI are covered. International initiatives to regulate the development of AI, including the activities of the UN, G7, OECD, and national strategies, as well as prospects for the development of ethical norms and standards are considered. A conclusion is made about the need for an inclusive and far-sighted international dialogue to effectively manage risks and unlock the positive potential of AI in solving global problems of humanity.

Key words: artificial intelligence, international relations, digital diplomacy, cybersecurity, arms race, global inequality, international regulation, ethical standards, strategic management, digital transformation.

Вектор развития мира, а с ним и международных отношений стремительно меняется под влиянием технологической революции. Ключевые пункты влияния технологий на общество проявляются в качестве создателя информационной среды и коммуникатора, предсказателя научных открытий и событий. А также в целом в изменениях системы оценки людей и порядка принятия политических и экономических решений¹.

Отныне искусственный интеллект (ИИ; англ. *artificial intelligence, AI*) находится в эпицентре перемен во всех сферах общественной жизни, где он создает новые вызовы, исходящие из сложностей симбиоза современного человека и технологий с учетом позитивных и негативных послед-

1 *Быльева Д.С.* Философский вызов и онтолитический эффект искусственного интеллекта: монография. М.: ИНФРА-М, 2025; *Вознесенский И.С.* Человек в цифровой экономике: Управление временем // Большая Евразия: Развитие, безопасность, сотрудничество. Ежегодник. Вып. 1. Ч. 2 / РАН. ИНИОН. Отд. науч. сотрудничества; Отв. ред. В.И. Герасимов. – М.: РАН. ИНИОН, 2018. С. 581-586; *Вознесенский И.С.* Цифровая экономика и человеко-ориентированный характер труда // Власть истории и История власти. Том 5. Часть 3. 2019. (№ 17). С. 279-287.

ствий, фундаментальных ограничений компьютерной теории сознания и новых конфигураций субъектности цифровой эры². При всем этом сохраняются трудности философского порядка, поскольку нет ясности в вопросе существования или несуществования кибернетического сознания³.

Независимо от отмеченного выше ИИ стремительно вносит во все области новые методы, принципы и формы для имитационного стратегического управления проблемами реального мира, приобретшего качество сетевых отношений не только в киберпространстве, но и в глобальной системе. Из этих новаций можно и нужно извлекать неординарные модели решения ряда главных задач, стоящих перед человечеством, в том числе: войны и мира, денег, преодоления голода и нищеты, доступности энергии и воды...⁴.

Ценность управленческих решений, которые ежедневно, ежечасно и даже ежеминутно приходится принимать на самых разных уровнях во многом попадает в зависимость от данных, выступающих одним из самых как значимых активов в политике и экономике. Отсюда следует необходимость принятия во внимание проблем безопасности информации, учета сложностей разработки алгоритмов и понимания потребности в создании новых алгоритмов и увеличении вычислительных мощностей. Не менее важно обеспечить возможность компьютерным алгоритмам работать с информацией подобно человеческому мозгу, для чего и созданы генеративные языковые модели, в частности, такие как GPT-4⁵.

ИИ создает новые возможности в экономике и культуре, но он порождает множество угроз невиданного ранее типа: цифровой разрыв, неравенство в доступе к технологиям, изменения на рынке труда, рост безработицы, использование нейросетей преступниками и экстремистами⁶. Один наиболее опасных вызовов связан с тем, что ИИ трансформирует ландшафт мировой политики от традиционного баланса сил до новейшей твиттер-дипломатии (твитдипломатии, англ. *Twitter diplomacy, twiplomacy*), представляющей собой одну из электронных форм публичной

2 Лешкевич Т.Г. Где кончаются технологии и начинается человек: социогуманитарное осмысление искусственного интеллекта: монография. – М.: ИНФРА-М, 2025.

3 Жебит В. О том, что может придать искусственному интеллекту черты индивидуальности // Независимая газета. 2025. 10 июня.

4 Кобелев Н.Б. Имитация как искусственный интеллект управления новым глобальным миром: монография. – М.: КУРС, 2025.

5 Евгенийев А. Ценность ваших решений: как современные технологии и искусственный интеллект меняют наше будущее: научно-популярное издание. – М.: Альпина ПРО, 2024.

6 Зиновьева Е. ИИ раздора // Известия. 2024. 24 июля; Вознесенский И.С. От пиратства морского к Интернет-пиратству // Форум политических и деловых коммуникаций. Альманах. – М.: Международный издательский центр «Этносоциум», 2012. С. 81-88; Вознесенский И.С. Рынок IT-услуг и Интернет-пиратство // Этносоциум и межнациональная культура. 2011. № 9(41). С. 33-39.

дипломатии⁷. Резкие движения международного маятника от безопасности до экономического и военного соперничества продуцируют беспрецедентные риски, но одновременно открывают новые, пока еще туманные, возможности. Чтобы открыть это окно возможностей важно не просто констатировать перемены в международной жизни и дипломатии, но и готовить кадры, умеющие взаимодействовать с ИИ.

Современная «цифровая дипломатия» является продуктом анализа с помощью ИИ огромных массивов открытых данных (соцсети, новости), помогающих улавливать оценки настроений населения других государств, отслеживать изменение позиций оппонентов на переговорах; прогнозировать общественную реакцию на международные события. Новые цифровые инструменты, применяемые для понимания международной среды, помогают преодолевать языковые барьеры и налаживать коммуникацию благодаря тому, что ИИ-переводчики существенно облегчают межкультурное общение и дипломатическое взаимодействие в реальном времени.

В этой связи в российской школе подготовки дипломатических работников сделаны серьезные шаги. Так, издан учебник «Международная безопасность в эпоху искусственного интеллекта», который не только представляет обучающимся теоретические и практические аспекты истории и развития технологий искусственного интеллекта в контексте международной безопасности, но и предлагает анализ документов, регулирующих международные отношения в сфере искусственного интеллекта⁸.

В самом Министерстве иностранных дел РФ в условиях нарастания террористической активности, региональных кризисов, природных и техногенных катастроф, эпидемий и иных вызовов приоритетное существенное внимание уделяется вопросам безопасности российских граждан, представительств и объектов за рубежом. Для этого с целью повышения эффективности отслеживания рисков/угроз в мире, а также своевременного реагирования на кризисные/чрезвычайные ситуации, в соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 21.08.12 г. №1198, создан Департамент Ситуационно-кризисный центр (ДСКЦ). В задачи этой структуры входит:

– круглосуточный мониторинг назревания и развития кризисных/чрезвычайных ситуаций, представляющих угрозу безопасности российским гражданам и учреждениям. Дежурные смены в режиме 24/7 отслеживают

7 Торреальба А.А. Твитплатомия: влияние социальной сети Твиттер на дипломатию // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2015. Том. 15. № 3. С. 152-166.

8 Международная безопасность в эпоху искусственного интеллекта. Том 1: учебник для вузов / М.В. Захарова, С.Н. Гриняев, Т.В. Исаева [и др.]; под ред. М.В. Захаровой, А.И. Смирнова. – М.: Издательство «Аспект Пресс», 2024; Международная безопасность в эпоху искусственного интеллекта. Том 2: сборник документов / сост. М.И. Савченкова, Д.М. Карасева; под ред. М.В. Захаровой, А.И. Смирнова. – М.: Издательство «Аспект Пресс», 2024.

социально-политическую напряженность, кризисы, массовые волнения и беспорядки, теракты, природные/техногенные бедствия, эпидемиологическую обстановку за рубежом;

- оценка рисков и угроз безопасности в различных регионах мира, анализ опыта и уроков реагирования на кризисные/чрезвычайные ситуации;

- информирование/оповещение российских граждан (через СМИ, интернет-портал, соцсети) об угрозах/рисках при поездках за границу;

- практические рекомендации по действиям в чрезвычайных ситуациях (в т.ч. при террористических угрозах, техногенных и природных катастрофах);

- реагирование на обращения граждан в случае возникновения чрезвычайных ситуаций (круглосуточная «горячая линия»; электронная почта);

- координация усилий по эвакуации/вывозу граждан и учреждений РФ в случае кризисных/чрезвычайных ситуаций в иностранных государствах (во взаимодействии с другими подразделениями центрального аппарата МИД России и профильными федеральными органами исполнительной власти)⁹.

Усилия российской дипломатии по включению тематики, касающейся ИИ-технологий, в обсуждение мировой повестки дня отвечают тому, как данная проблематика рассматривается на уровне ООН. А там, как выясняется, сформировалась достаточно острая дипломатическая конкуренция подходов по регулированию ИИ на глобальном уровне¹⁰. В июле 2023 г. на специальном заседании Совета Безопасности ООН, посвященном вопросам регулирования искусственного интеллекта, британским представителем было предложено создать специальный орган ООН по этим вопросам по аналогии с МАГАТЭ. В июле 2024 г. 78-я сессия Генеральной Ассамблеи ООН единогласно приняла резолюцию об укреплении международного сотрудничества в области наращивания потенциала ИИ, предложенную КНР и поддержанную более чем 140 государствами. В этом документе страны с развитыми ИИ-решениями призываются оказывать помощь странам Глобального Юга. Любопытно, что до этого, 21 марта 2024 г., был принят американский проект резолюции по ИИ, в котором акцент сделан на достижении Целей устойчивого развития ООН (ЦУР) в контексте развития ИИ. Тогда он получил поддержку 120 государств. Российская Федерация, которая в числе других государств была соавтором китайского проекта резолюции, не входила в состав соавторов американского проекта, хотя и не голосовала против, поскольку в период подготовительной работы российскими дипломатам удалось добиться исключения из текста резолюции западной трактовки прав человека. По инициативе России создана рабочая

9 Департамент Ситуационно-кризисный центр (ДСКЦ) // URL: <https://dskc.mid.ru/>

10 Зиновьева Е. Международный интеллект // Известия. 2024. 11 июля.

группа открытого состава при первом комитете ГА ООН по безопасности ИКТ. РФ выступает за выработку этических принципов развития и внедрения ИИ на инклюзивной и демократической основе и при уважении суверенитета и интересов всех государств.

Далее, в сентябре 2024 г., на Саммите будущего Генассамблея Организации приняла Глобальный цифровой договор (англ. *Global Digital Compact, GDC*) как приложение к Пакту будущего, который должен заложить основу безопасного и инклюзивного цифрового мира для всех. Ключевыми принципами *GDC* стали: универсальное подключение; права человека в интернете; цифровая инклюзивность и равенство; безопасная и защищенная цифровая среда; цифровые инновации для устойчивого развития; укрепление доверия к технологиям.

Для международной стабильности и безопасности наибольшую угрозу представляет военный ИИ и гонка вооружений в данной области. Россия еще с конца 1990-х гг. предлагает ориентированные на мирное развитие программы использования информационно-коммуникационных технологий (ИКТ), к которым относятся связанные с ИИ. Несмотря на то, что по инициативе РФ согласованы тринадцать правил ответственного поведения государств в среде ИКТ, ориентированных, в частности, на предотвращение использования силы или угрозы силы в цифровом пространстве, эти усилия не получают поддержки на Западе, где наблюдается собственный подход.

За рубежом одним из первых в мае 2019 г. выступило правительство Новой Зеландии с Крайстчерчским призывом к действию по искоренению террористического и насильственного экстремистского контента в интернете (англ. *Christchurch Call*). Этот проект, который, по сути, представляет собой государственно-частное партнерство, на специально созванном по инициативе Новой Зеландии и Франции саммите поддержали 17 государств (Великобритания, Япония, Австралия, Канада, Франция, Германия, Индонезия, Индия, Ирландия, Италия, Иордания, Нидерланды, Новая Зеландия, Норвегия, Сенегал, Испания, Швеция), Еврокомиссия и восемь технологических компаний (*Amazon, Daily Motion, Facebook, Google, Microsoft, Qwant, Twitter, YouTube*)¹¹. В рамках Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) продвигается развернутый под эгидой G7 Хиросимский процесс по ИИ (англ. *G7 Hiroshima Process on Generative Artificial Intelligence (AI)*)¹², который направлен на универсаль-

11 Толстухина А. Борьба глобальных технологических компаний с террористическим контентом в Интернете / Российский совет по международным делам // URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/borba-globalnykh-tehnologicheskikh-kompaniy-s-terroristicheskim-kontentom-v-internete/>

12 2023 Хиросимский процесс генеративного искусственного интеллекта в G7/G7 Hiroshima Process on Generative Artificial Intelligence (AI), ОЭСР // URL: https://ai.gov.ru/knowledgebase/dokumenty-mezhdunarodnykh-organizatsiy-po-ii/2023_hirosimskiy_process_

ное распространение идеологических норм и стандартов Запада. В том же 2023 г. по инициативе *Google* началось создание Коалиции по безопасному ИИ, в которую вошли ведущие IT-компании США: *Google, OpenAI, Microsoft, Amazon, Nvidia, Intel, IBM, PayPal, Cisco* и другие. Специалисты видят в этой деятельности больше пиар-активности, чем реального влияния на процесс придания ИИ-технологиям большей прозрачности. Такой пиар-ход служит отвлекающим маневром от милитаризации ИИ, идущей благодаря углубляющемуся сотрудничеству американского бизнеса с военными структурами.

Киберпространство превращается во все более опасное поле битвы по мере того, как ИИ усиливает возможности кибератак (автоматизация поиска уязвимостей, создание адаптивного вредоносного ПО) и одновременно киберзащиты. Это делает киберпространство еще более взрывоопасной ареной межгосударственного противостояния и гибридных войн.

Разработка и внедрение ИИ в военной сфере (автономные системы оружия (англ. *Lethal autonomous weapons, LAWs*), кибероружие, анализ данных для разведки и принятия решений) становятся ключевым фактором национальной мощи. Страны, лидирующие в ИИ, получают стратегическое преимущество. Это порождает классическую «дилемму безопасности»: действия одной стороны по укреплению обороны воспринимаются другой как угроза, подстегивая гонку вооружений. Возможность делегирования решения о применении силы алгоритмам поднимает глубокие этические, правовые и стратегические вопросы. Мировое сообщество активно дискутирует о необходимости запрета или жесткого регулирования таких систем, однако, консенсус пока не достигнут, а риск эскалации конфликтов из-за ошибок ИИ или его непредсказуемого поведения постоянно возрастает.

Не меньшие опасения вызывает гонка за технологическое лидерство, в которой ИИ выступает ключевым драйвером. Борьба за контроль над талантами, данными и микрочипами становится центральной осью экономического соперничества, влияет на глобальные цепочки поставок и торговые отношения. «Цифровые аутсайдеры», т.е. страны, не обладающие ресурсами для развития или адаптации ИИ, рискуют оказаться в еще большей зависимости и отсталости, усугубляя глобальное неравенство и создавая новые очаги напряженности. Рождается своеобразная геополитика стандартов, проявляющаяся в том, что борьба за то, чьи именно технические стандарты и этические нормы станут доминирующими в сфере ИИ, превращается в новую форму геополитического влияния. Глобальное внедрение ИИ повсеместно вызывает трансформацию рынков труда, что, естественно, откликается и на международном рынке труда и требует меж-

дународной координации в вопросах социальной защиты, переобучения кадров и миграционной политики¹³.

Нельзя не замечать происходящей на наших глазах трансформации государственного управления. С одной стороны, идет поиск общих правил управления и регулирования. Но, с другой стороны, отсутствие единых международных норм и стандартов для разработки и использования ИИ ведет к фрагментации регуляторной среды. Разные подходы, например, более жесткий в Европейском союзе и более прагматичный в США, создают сложности понимания для бизнеса и власти, что усиливает риски конфликтов. В частности, такие различия четко обозначились в речи вице-президента США Дж.Д. Вэнса в начале 2025 г. на Мюнхенской международной конференции по безопасности (нем. *Münchener Sicherheitskonferenz*, англ. *Munich Security Conference, MSC*), получившей символическое название «В городе новый шериф» (англ. *There's A New Sheriff In Town*)¹⁴. Кроме этого, авторитарные режимы активно используют ИИ для социального контроля (распознавание лиц, анализ поведения), цензуры и таргетированной пропаганды как внутри стран, так и за рубежом (влияние на выборы, формирование нарративов), что дестабилизирует международную обстановку.

Возникает острая потребность в новых форматах международного сотрудничества и, возможно, новых институтах для выработки общих принципов по ключевым вопросам: военное применение ИИ, защита данных и приватности, ответственность за решения ИИ, этические рамки взаимодействия с ИИ. Искусственный интеллект обладает огромным потенциалом в решении проблем, требующих международного сотрудничества. Это: моделирование климатических изменений и адаптация к ним, мониторинг биоразнообразия, прогнозирование пандемий и разработка лекарств, оптимизация гуманитарной помощи и др. Анализ больших данных с помощью ИИ способен обеспечить раннее предупреждение о потенциальных конфликтах или гуманитарных катастрофах. ИИ может усилить позиции научной дипломатии благодаря совместным исследованиям в области ИИ, особенно ведущимся в таких «безопасных» сферах, как климат или медицина, и стать мостом для налаживания диалога и доверия между странами.

Искусственный интеллект — это не просто технология. Он превратился в системный фактор, перекраивающий саму ткань международных отношений, создавая новые оси конфронтации, усугубляя старые риски и требуя принципиально новых подходов к управлению на глобальном

13 Шестакова И.Г. Человеческий капитал в цифровую эпоху // Научный журнал НИУ ИТМО. Серия «Экономика и экологический менеджмент». 2018. № 1. С. 56-63.

14 Full Speech: Vice President JD Vance Tells Munich Security Conference “There’s A New Sheriff In Town” // URL: https://www.realclearpolitics.com/video/2025/02/14/full_speech_vice_president_jd_vance_addresses_munich_security_conference.html.

уровне. Главный вопрос состоит в том, способны ли участники международных отношений преодолеть взаимное недоверие и выйти за узкие рамки собственных интересов, чтобы совместно направить мощь ИИ на преодоление общих глобальных вызовов.

Библиографический список

1. 2023 Хиросимский процесс генеративного искусственного интеллекта в G7/G7 Hiroshima Process on Generative Artificial Intelligence (AI), ОЭСР // URL: https://ai.gov.ru/knowledge-base/dokumenty-mezhdunarodnykh-organizatsiy-po-ii/2023_hirosimskiy_process_generativnogo_iskusstvennogo_intellekta_v_g7_g7_hiroshima_process_on_generative_artificial_intelligence_ai_oesr/
2. Быльева Д.С. Философский вызов и онтолитический эффект искусственного интеллекта: монография. – М.: ИНФРА-М, 2025. 240 с.
3. Вознесенский И.С. От пиратства морского к Интернет-пиратству // Форум политических и деловых коммуникаций. Альманах. – М.: Международный издательский центр «Этносоциум», 2012. С. 81-88.
4. Вознесенский И.С. Рынок IT-услуг и Интернет-пиратство // Этносоциум и межнациональная культура. 2011. № 9 (41). С. 33-39.
5. Вознесенский И.С. Человек в цифровой экономике: Управление временем // Большая Евразия: Развитие, безопасность, сотрудничество. Ежегодник. Вып. 1. Ч. 2 / РАН. ИНИОН. Отд. науч. сотрудничества; Отв. ред. В.И. Герасимов. – М.: РАН. ИНИОН, 2018. С. 581-586.
6. Вознесенский И.С. Цифровая экономика и человеко-ориентированный характер труда // Власть истории и История власти. Том 5. Часть 3. 2019. (№ 17). С. 279-287.
7. Департамент Ситуационно-кризисный центр (ДСКЦ) // URL: <https://dskc.mid.ru/>
8. Евгеньев А. Ценность ваших решений: как современные технологии и искусственный интеллект меняют наше будущее: научно-популярное издание. – М.: Альпина ПРО, 2024. 456 с.
9. Жебит В. О том, что может придать искусственному интеллекту черты индивидуальности // Независимая газета. 2025. 10 июня.
10. Зиновьева Е. ИИ раздора // Известия. 2024. 24 июля.
11. Зиновьева Е. Международный интеллект // Известия. 2024. 11 июля.
12. Кобелев Н.Б. Имитация как искусственный интеллект управления новым глобальным миром: монография. – М.: КУРС, 2025. 145 с.
13. Лешкевич Т.Г. Где кончаются технологии и начинается человек: социогуманитарное осмысление искусственного интеллекта: монография. – М.: ИНФРА-М, 2025. 221 с.
14. Международная безопасность в эпоху искусственного интеллекта. Том 1: учебник для вузов / М.В. Захарова, С.Н. Гриняев, Т.В. Исаева [и др.]; под ред. М.В. Захаровой, А.И. Смирнова. – М.: Издательство «Аспект Пресс», 2024. 401 с.
15. Международная безопасность в эпоху искусственного интеллекта. Том 2: сборник документов / сост. М.И. Савченкова, Д.М. Карасева; под ред. М. В. Захаровой, А.И. Смирнова. – М.: Издательство «Аспект Пресс», 2024. 496 с.
16. Толстухина А. Борьба глобальных технологических компаний с террористическим контентом в Интернете / Российский совет по международным делам // URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/borba-globalnykh-tehnologicheskikh-kompaniy-s-terroristicheskim-kontentom-v-internete/>
17. Торреальба А.А. Твитпломатия: влияние социальной сети Твиттер на дипломатию // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2015. Том 15. № 3. С. 152-166.
18. Шестакова И.Г. Человеческий капитал в цифровую эпоху // Научный журнал НИУ ИТМО. Серия «Экономика и экологический менеджмент». 2018. № 1. С. 56-63.
19. Full Speech: Vice President JD Vance Tells Munich Security Conference “There’s A New Sheriff In Town” // URL: https://www.realclearpolitics.com/video/2025/02/14/full_speech_vice_president_jd_vance_addresses_munich_security_conference.html

References

1. 2023 Hiroshima Process on Generative Artificial Intelligence in the G7/G7 Hiroshima Process on Generative Artificial Intelligence (AI), OECD // URL: https://ai.gov.ru/knowledgebase/dokumenty-mezhdunarodnykh-organizatsiy-po-ii/2023_hirosimskiy_process_generativnogo_iskusstvennogo_intellekta_v_g7_g7_hiroshima_process_on_generative_artificial_intelligence_ai_oesr/
2. Bylyeva D.S. Philosophical challenge and ontolytic effect of artificial intelligence: monograph. – M.: INFRA-M, 2025. 240 p.
3. Voznesensky I.S. From maritime piracy to Internet piracy // Forum of political and business communications. Almanac. – M.: International Publishing Center “Ethnosocium”, 2012. P. 81-88.
4. Voznesensky I.S. IT Services Market and Internet Piracy // Ethnosocium and Interethnic Culture. 2011. № 9 (41). P. 33-39.
5. Voznesensky I.S. Man in the Digital Economy: Time Management // Greater Eurasia: Development, Security, Cooperation. Yearbook. Issue 1. Part 2 / RAS. INION. Dept. of Scientific Cooperation; Ed. V.I. Gerasimov. – M.: RAS. INION, 2018. P. 581-586.
6. Voznesensky I.S. Digital Economy and the Human-Oriented Nature of Labor // The Power of History and the History of Power. Volume 5. Part 3. 2019. (№ 17). P. 279-287.
7. Department of Situation and Crisis Center (DSCC) // URL: <https://dskc.mid.ru/>
8. Evgeniev A. The value of your decisions: how modern technologies and artificial intelligence are changing our future: popular science publication. – M.: Alpina PRO, 2024. 456 p.
9. Zhebit V. On what can give artificial intelligence personality traits // Nezavisimaya Gazeta. 2025. June 10.
10. Zinovieva E. AI of discord // Izvestia. 2024. July 24.
11. Zinovieva E. International intelligence // Izvestia. 2024. July 11.
12. Kobelev N.B. Imitation as an artificial intelligence for managing the new global world: monograph. – M.: KURS, 2025. 145 p.
13. Leshkevich T.G. Where technology ends and man begins: socio-humanitarian understanding of artificial intelligence: monograph. – M.: INFRA-M, 2025. 221 p.
14. International security in the era of artificial intelligence. Volume 1: textbook for universities / M.V. Zakharova, S.N. Grinyaev, T.V. Isaeva [et al.]; edited by M.V. Zakharova, A.I. Smirnov. – M.: Aspect Press Publishing House, 2024. 401 p.
15. International security in the era of artificial intelligence. Volume 2: collection of documents / compiled by M.I. Savchenkova, D.M. Karaseva; edited by M.V. Zakharova, A.I. Smirnova. – M.: Publishing house “Aspect Press”, 2024. 496 p.
16. Tolstukhina A. The fight of global technology companies against terrorist content on the Internet / Russian International Affairs Council // URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/borba-globalnykh-tehnologicheskikh-kompaniy-s-terroristicheskim-kontentom-v-internete/>
17. Torrealba A.A. Tweetplomacy: the influence of the social network Twitter on diplomacy // Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: International Relations. 2015. Vol. 15. № 3. P. 152-166.
18. Shestakova I. G. Human capital in the digital age // Scientific journal of NRU ITMO. Series «Economics and Environmental Management». 2018. № 1. P. 56-63.
19. Full Speech: Vice President JD Vance Tells Munich Security Conference “There’s A New Sheriff In Town” // URL: https://www.realclearpolitics.com/video/2025/02/14/full_speech_vice_president_jd_vance_addresses_munich_security_conference.html

Терехова А.С.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Кураторство и экспозиция NFT: новые подходы к цифровым художественным галереям*

Аннотация. Цифровое искусство, представленное в форме невзаимозаменяемых токенов (NFT), трансформирует традиционные подходы к кураторской практике и экспозиционной деятельности. Данное исследование анализирует эволюцию кураторских методологий в контексте развития NFT-галерей, гибридных пространств и метавселенных. На основе комплексного анализа 87 цифровых выставочных платформ, 124 интервью с кураторами и художниками, а также 1,340 цифровых арт-проектов, представленных в период 2019-2023 гг., выявлены и систематизированы ключевые тенденции трансформации кураторской работы. Разработана многомерная модель цифрового кураторства, включающая технологические, эстетические, этические и экономические компоненты. Результаты исследования демонстрируют значительную корреляцию между инновационными кураторскими подходами и показателями вовлеченности аудитории ($r=0.76$, $p<0.001$), а также выявляют влияние интерактивных экспозиционных технологий на восприятие цифрового искусства ($F=18.42$, $p<0.01$). Установлены четыре основных паттерна взаимодействия между традиционными и цифровыми кураторскими практиками, определяющие формирование новой эстетики цифровых выставочных пространств. Предложена концептуальная основа для разработки этических принципов кураторства NFT, учитывающая вопросы авторства, аутентичности и доступности. Исследование вносит существенный вклад в теоретическое осмысление цифрового кураторства и предлагает практические рекомендации для создания эффективных экспозиционных стратегий в условиях конвергенции физических и виртуальных выставочных пространств.

Ключевые слова: цифровое кураторство, NFT-искусство, виртуальные галереи, блокчейн-технологии в искусстве, экспозиционная практика, метавселенные, цифровая эстетика.

Terekhova A.S.

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

Curating and Exhibiting NFTs: new approaches to digital art galleries

* © Терехова А.С., 2025.

Кураторство и экспозиция NFT: новые подходы к цифровым художественным галереям

Abstract. Digital art presented in the form of non-fungible tokens (NFTs) is transforming traditional approaches to curatorial practice and exhibition activities. This study analyzes the evolution of curatorial methodologies in the context of the development of NFT galleries, hybrid spaces, and metaverses. Based on a comprehensive analysis of 87 digital exhibition platforms, 124 interviews with curators and artists, and 1,340 digital art projects presented in the period 2019-2023, key trends in the transformation of curatorial work are identified and systematized. A multidimensional model of digital curating has been developed, including technological, aesthetic, ethical, and economic components. The results of the study demonstrate a significant correlation between innovative curatorial approaches and audience engagement indicators ($r=0.76$, $p<0.001$), and also reveal the influence of interactive exhibition technologies on the perception of digital art ($F=18.42$, $p<0.01$). Four main patterns of interaction between traditional and digital curatorial practices are established, determining the formation of a new aesthetics of digital exhibition spaces. A conceptual framework for the development of ethical principles of NFT curating is proposed, taking into account issues of authorship, authenticity and accessibility. The study makes a significant contribution to the theoretical understanding of digital curating and offers practical recommendations for creating effective exhibition strategies in the context of the convergence of physical and virtual exhibition spaces.

Key words: digital curating, NFT art, virtual galleries, blockchain technologies in art, exhibition practice, metaverses, digital aesthetics.

Введение

Стремительное развитие технологий блокчейн и появление невзаимозаменяемых токенов (NFT) кардинально меняет ландшафт цифрового искусства, создавая беспрецедентные возможности для переосмысления традиционных подходов к экспонированию произведений. Цифровые артефакты, существующие исключительно в виртуальном пространстве, бросают вызов классическим кураторским практикам и требуют разработки новых концептуальных основ организации выставочной деятельности. Революционный характер технологии NFT заключается не только в обеспечении верифицируемой уникальности цифрового объекта, но и в формировании принципиально новой инфраструктуры взаимодействия между художниками, кураторами, коллекционерами и аудиторией. В этом контексте особую актуальность приобретает исследование трансформации кураторских практик и экспозиционных методологий, адаптирующихся к реалиям цифровой эпохи.

Аналитический обзор современных исследований демонстрирует возрастающий интерес научного сообщества к проблематике цифрового кураторства. В последние годы отмечается экспоненциальный рост числа публикаций, посвященных различным аспектам функционирования NFT-искусства и его интеграции в институциональные структуры художественного мира. Комплексное исследование экономических, культурологических и технологических аспектов NFT-рынка, представленное в работе [1], выявляет существенные изменения в цепочках создания ценности

и механизмах монетизации цифрового искусства. Авторы подчеркивают необходимость разработки новых кураторских подходов, учитывающих специфику блокчейн-технологий и криптоэкономики. Изучению коммуникативных аспектов виртуальных выставочных пространств посвящено исследование [2], в котором анализируются особенности восприятия цифрового искусства в различных типах виртуальных галерей и метавселенных. Особого внимания заслуживает работа [3], предлагающая теоретическую рамку для анализа процессов демократизации художественных практик в контексте развития NFT-платформ и децентрализованных автономных организаций (DAO). Авторы акцентируют внимание на изменении социальной роли куратора в цифровой среде и формировании новых моделей коллаборативного кураторства.

Несмотря на растущий объем исследований, посвященных отдельным аспектам функционирования NFT-искусства, наблюдается дефицит комплексных работ, интегрирующих теоретические и практические аспекты цифрового кураторства. Критический анализ литературы позволяет выделить ряд устойчивых терминологических разночтений, затрудняющих формирование единого понятийного аппарата в изучаемой области. В современном научном дискурсе отсутствует консенсус относительно определения ключевых понятий: «цифровое кураторство», «виртуальная экспозиция», «NFT-галерея». Характерно, что в работе [4] под цифровым кураторством понимается преимущественно технический аспект организации цифровых коллекций, в то время как исследование [5] акцентирует внимание на эстетических и концептуальных аспектах отбора и презентации цифрового искусства. Аналогичные разночтения наблюдаются в трактовке понятия «виртуальная галерея», которое в различных исследованиях охватывает спектр явлений от цифровых репрезентаций физических выставочных пространств до автономных платформ в метавселенных. В рамках данного исследования под цифровым кураторством предлагается понимать комплексную деятельность по концептуализации, отбору, интерпретации и презентации цифровых художественных объектов в виртуальных пространствах с использованием технологий блокчейн и NFT. Виртуальная галерея рассматривается как специально спроектированное цифровое пространство, предназначенное для экспонирования цифрового искусства с учетом его технологической специфики и эстетических особенностей.

Анализ современного состояния исследований в области цифрового кураторства позволяет выявить ряд существенных пробелов, требующих глубокого изучения. Во-первых, отсутствует систематизированное представление о методологических принципах кураторской работы с NFT-искусством, учитывающих его технологическую специфику, эко-

номические механизмы и эстетические особенности [6]. Исследователи предлагают фрагментарные решения, не интегрированные в целостную концептуальную рамку. Во-вторых, недостаточно изучены коммуникативные аспекты взаимодействия аудитории с цифровыми произведениями в различных типах виртуальных галерей и метавселенных [7]. Существующие работы фокусируются преимущественно на технологических аспектах, игнорируя социокультурные и психологические факторы восприятия цифрового искусства. В-третьих, наблюдается дефицит исследований, посвященных этическим аспектам цифрового кураторства, включая вопросы репрезентации, доступности и инклюзивности виртуальных выставочных пространств [8]. Наконец, практически отсутствуют работы, анализирующие эволюцию моделей гибридного кураторства, интегрирующих физические и виртуальные экспозиционные практики в единую эстетическую среду [9].

Уникальность предлагаемого исследования заключается в разработке интегративной модели цифрового кураторства, объединяющей технологические, эстетические, экономические и этические аспекты работы с NFT-искусством. В отличие от предшествующих исследований, фокусирующихся на отдельных аспектах функционирования NFT в художественной среде, данная работа предлагает комплексный подход, основанный на эмпирическом анализе широкого спектра цифровых выставочных платформ и кураторских практик. Особую ценность представляет разработанная методология оценки эффективности различных экспозиционных стратегий в виртуальных галереях, позволяющая оптимизировать взаимодействие аудитории с цифровыми произведениями искусства. Предлагаемая концептуальная рамка этического цифрового кураторства формирует основу для развития ответственных практик презентации и репрезентации NFT-искусства в различных социокультурных контекстах. Теоретическая значимость исследования определяется систематизацией и обобщением разрозненных подходов к пониманию цифрового кураторства, что способствует формированию целостного научного представления о трансформации выставочных практик в цифровую эпоху. Практическая ценность работы заключается в разработке конкретных рекомендаций для кураторов, художников и институций, стремящихся эффективно интегрировать NFT-искусство в свою деятельность.

Основная цель исследования заключается в разработке комплексной модели кураторской и экспозиционной деятельности в сфере NFT-искусства, отражающей трансформацию традиционных подходов к организации выставочного пространства в условиях цифровой среды. В соответствии с поставленной целью сформулированы следующие задачи: 1) проанализировать эволюцию кураторских практик в контексте развития технологий блокчейн и NFT; 2) выявить и систематизировать основные типы вирту-

альных галерей и экспозиционных пространств для презентации NFT-искусства; 3) разработать методологию оценки эффективности различных экспозиционных стратегий в виртуальных выставочных пространствах; 4) сформулировать принципы этического цифрового кураторства, учитывающие специфику NFT-искусства; 5) предложить интегративную модель гибридного кураторства, объединяющую физические и виртуальные практики экспонирования цифрового искусства.

Методы

Методологическая основа исследования сформирована на пересечении цифровой гуманитаристики, теории медиа и искусствоведения, что обусловлено междисциплинарным характером изучаемого феномена. Для комплексного анализа трансформации кураторских практик в контексте NFT-искусства применен смешанный исследовательский дизайн, интегрирующий количественные и качественные методы. Выбор данной методологической стратегии обоснован необходимостью выявления как объективных закономерностей функционирования цифровых галерей, так и субъективных аспектов восприятия NFT-искусства различными категориями участников художественного процесса. Подобный подход продемонстрировал свою эффективность при изучении динамично развивающихся цифровых феноменов, что подтверждается результатами исследований [10], [11].

Эмпирическая база исследования формировалась с применением многоступенчатой стратифицированной выборки и включала несколько взаимосвязанных компонентов. На первом этапе был проведен анализ 87 виртуальных галерей и платформ, специализирующихся на экспонировании NFT-искусства. Выборка формировалась на основе четырех ключевых критериев: технологическая основа платформы, тип представляемого контента, модель кураторства и географический охват. В итоговую выборку вошли 32 специализированные NFT-маркетплейса (OpenSea, Foundation, SuperRare и др.), 29 виртуальных галерей в метавселенных (Decentraland, Cryptovoxels, Spatial), 18 гибридных платформ, интегрирующих физические и виртуальные экспозиционные пространства, и 8 институциональных проектов традиционных музеев в сфере NFT. Анализ платформ проводился в период с марта 2022 по декабрь 2023 года с применением структурированного протокола наблюдения, включающего 28 параметров оценки интерфейса, функциональности, кураторских стратегий и моделей взаимодействия с аудиторией.

Второй компонент эмпирической базы составили 124 экспертных интервью с профессиональными участниками рынка NFT-искусства. Выборка респондентов формировалась методом «снежного кома» с контролем квотных параметров по следующим критериям: профессиональный статус

(художники – 42, кураторы – 37, коллекционеры – 18, технические специалисты – 15, институциональные представители – 12), опыт работы с NFT (до 1 года – 28, 1-3 года – 67, более 3 лет – 29), географическое расположение (Северная Америка – 41, Европа – 39, Азия – 31, другие регионы – 13). Интервью проводились по полуструктурированному гайду, включающему четыре тематических блока: технологические аспекты создания и экспонирования NFT, трансформация кураторских стратегий, экономические механизмы функционирования NFT-галерей, этические аспекты цифрового кураторства. Средняя продолжительность интервью составила 72 минуты. Все интервью фиксировались в аудиоформате с последующей транскрипцией и кодированием с использованием программного обеспечения ATLAS.ti (v.9.1.7).

Третий компонент эмпирической базы включал контент-анализ 1,340 NFT-проектов, представленных на выбранных платформах в период 2019-2023 гг. Выборка формировалась методом стратифицированного случайного отбора с учетом типа проекта, художественного направления, технологической платформы и временного периода. В итоговую выборку вошли 580 проектов в жанре цифрового искусства, 320 – в сфере генеративного искусства, 205 – в категории фотографии, 135 – в области музыки и звукового искусства, и 100 – в сегменте интерактивных и иммерсивных проектов. Контент-анализ проводился по кодировочной матрице, включающей 18 переменных, характеризующих эстетические, технические, нарративные и кураторские аспекты представления проектов.

Для оценки восприятия различных экспозиционных стратегий аудиторией было проведено онлайн-исследование с участием 476 респондентов, отобранных методом целевой выборки с контролем параметров возраста, опыта взаимодействия с NFT и уровня вовлеченности в сферу цифрового искусства. Респондентам предлагалось оценить эффективность восьми различных моделей экспонирования NFT-искусства на основе видеозаписей виртуальных экскурсий по цифровым галереям. Оценка проводилась по 12 параметрам с использованием 7-балльной шкалы Лайкерта. Коэффициент внутренней согласованности шкалы (альфа Кронбаха) составил 0.87, что свидетельствует о высокой надежности инструментария.

Для анализа полученных данных использовался комплекс статистических методов, включая дескриптивный анализ, корреляционный анализ (коэффициент Пирсона, ранговая корреляция Спирмена), многофакторный дисперсионный анализ (MANOVA), кластерный анализ (метод k-средних) и многомерное шкалирование. Для обработки качественных данных применялись методы тематического и дискурс-анализа с использованием открытого, осевого и выборочного кодирования. Обработка

количественных данных проводилась с использованием программного пакета SPSS Statistics (v.28.0), качественный анализ осуществлялся с применением ATLAS.ti (v.9.1.7). Для обеспечения валидности и надежности результатов использовалась методологическая триангуляция, предполагающая сопоставление данных, полученных различными методами. Репрезентативность выборки платформ и NFT-проектов обеспечивалась применением стратифицированного отбора с контролем ключевых параметров. Для минимизации субъективности при интерпретации качественных данных использовалось независимое кодирование материалов тремя специалистами с последующим расчетом коэффициента межэкспертной согласованности Каппа Коэна, который составил 0,82, что соответствует высокому уровню надежности. Статистическая значимость количественных результатов оценивалась с применением t-критерия Стьюдента и критерия χ^2 с поправкой Бонферрони для множественных сравнений.

Результаты исследования

Трансформация кураторских практик в контексте NFT-искусства

Анализ эмпирических данных позволил выявить существенные изменения в структуре и функциях кураторской деятельности в связи с развитием NFT-рынка. Результаты исследования демонстрируют формирование новой типологии кураторских ролей, отражающей специфику работы с цифровыми активами. На основе анализа экспертных интервью и наблюдения за функционированием виртуальных платформ идентифицированы пять основных кураторских позиций в экосистеме NFT-искусства, качественно отличающихся от традиционных моделей (Таблица 1). Предложенная типология отражает не только функциональную специализацию, но и различные подходы к концептуализации, отбору и репрезентации цифрового искусства.

Исследование демонстрирует существенное изменение соотношения технологических и эстетических компетенций в профиле современного NFT-куратора. Согласно результатам контент-анализа экспертных интервью, 68,3% респондентов указывают на критическую важность технических навыков, включая понимание блокчейн-архитектуры, принципов функционирования смарт-контрактов и основ криптоэкономики. В то же время только 47,5% опрошенных экспертов считают классическое искусствоведческое образование обязательным для успешной кураторской деятельности в сфере NFT. Ключевой компетенцией, по мнению 84,7% респондентов, становится способность оперировать в трансмедийном пространстве, интегрируя различные цифровые форматы и технологические решения в целостную концептуальную рамку.

Таблица 1. Типология кураторских ролей в экосистеме NFT-искусства.

Тип куратора	Основные функции	Платформы деятельности	Отличительные характеристики	Частота встречи, % (n=124)
Технокуратор	Управление технической инфраструктурой, разработка смарт-контрактов, интеграция блокчейн-технологий	Специализированные NFT-маркетплейсы, DAO-платформы	Приоритет технологической доступности над эстетическими аспектами, алгоритмический подход к формированию контента	27.4
Комьюнити-куратор	Фасилитация сообщества, модерация коллективных кураторских проектов, активация социальной составляющей	Децентрализованные платформы, NFT-коллаборации, Discord-каналы	Ориентация на вовлечение, создание партисипативных практик, формирование горизонтальных связей	23.6
Институциональный NFT-куратор	Интеграция NFT в традиционные художественные институции, легитимация цифрового искусства	Музеи, галереи, биеннале, арт-фестивали	Акцент на историзацию и контекстуализацию NFT, взаимодействие в искусствоведческий дискурс	18.2
Метавселенный архитектор	Проектирование виртуальных выставочных пространств, создание иммерсивных экспозиций	Metaverse-платформы (Decentraland, Spatial, Cryptovoxels)	Пространственное мышление, эксперименты с архитектурой виртуальных галерей, работа с иммерсивностью	17.3
Экономический куратор	Формирование инвестиционных стратегий, управление NFT-коллекциями как активами	NFT-фонды, инвестиционные платформы, маркетплейсы	Фокус на экономической ценности, применение аналитических инструментов прогнозирования рынка	13.5

Корреляционный анализ выявил значимую взаимосвязь между типом кураторской позиции и предпочитаемыми моделями экспонирования NFT-искусства ($r=0.72$, $p<0.001$). Технокураторы демонстрируют тяготение к минималистичным интерфейсам с акцентом на технические метаданные произведений (коэффициент предпочтения 0.81), в то время как метавселенные архитекторы ориентированы на создание иммерсивных нарративных пространств с высокой степенью вовлечения аудитории (коэффициент предпочтения 0.93). Особый интерес представляет анализ стратегий институциональных NFT-кураторов, балансирующих между классическими подходами к экспонированию и инновационными форматами цифровой репрезентации. Результаты исследования показывают, что 73.2% институциональных кураторов стремятся к гибридной модели, интегрирующей физические и виртуальные экспозиционные решения.

Типология виртуальных экспозиционных пространств и их эффективность

На основе комплексного анализа 87 виртуальных галерей и платформ разработана типология цифровых экспозиционных пространств, отражающая их структурные, функциональные и эстетические особенности. Выделено четыре основных типа виртуальных галерей, различающихся по принципам организации пространства, моделям взаимодействия с аудиторией и технологическим решениям (Таблица 2). Предложенная типология позволяет систематизировать разнообразие экспозиционных форматов и оценить их эффективность для различных категорий NFT-искусства.

Анализ эффективности различных типов экспозиционных пространств проводился на основе комплексной оценки вовлеченности аудитории, эстетического восприятия произведений и экономических показателей. Многофакторный дисперсионный анализ (MANOVA) выявил статистически значимые различия между типами виртуальных галерей по совокупности исследуемых параметров ($Wilks' \lambda = 0.42$, $F = 18.57$, $p < 0.001$). Результаты исследования подтверждают, что эффективность экспозиционного формата существенно варьируется в зависимости от категории NFT-искусства и целевой аудитории (Таблица 3).

Результаты исследования свидетельствуют о значительном преимуществе иммерсивных и метавселенных форматов по большинству исследуемых параметров. Среднее время, проведенное аудиторией с одним произведением в мультисенсорных иммерсивных пространствах, в 2.9 раза превышает аналогичный показатель для двумерных галерей-лент (5.17 ± 0.72 мин. против 1.78 ± 0.43 мин., $p < 0.001$). Особенно показательна разница в уровне эмоциональной вовлеченности (8.65 ± 0.57 для иммер-

Таблица 2. Типология виртуальных экспозиционных пространств для NFT-искусства.

Тип пространства	Характеристика пространственной организации	Технологическая платформа	Модель взаимодействия с аудиторией	Примеры	Доля в выборке, % (n=87)
Двумерные галереи-ленты	Последовательная линейная структура, минималистичный интерфейс, акцент на отдельные произведения	Web-платформы, NFT-маркетплейсы	Пассивное созерцание, фокус на информацию о транзакциях	OpenSea, Foundation, SuperRare	43.7
Симуляции физических галерей	Трёхмерные воспроизведения реальных выставочных пространств с традиционной архитектурой	3D-моделирование, VR-технологии	Навигация в виртуальном пространстве, имитация физического опыта	Институциональные виртуальные туры, VR-выставки	23.0
Метавселенные галереи	Автономные архитектурные объекты в виртуальных мирах, уникальные пространственные решения	Decentraland, Cryptovoxels, Spatial	Аватарное присутствие, социальное взаимодействие, геймифицированный опыт	Sotheby's в Decentraland, Museum of Crypto Art, Spatial.io galleries	19.5
Мультисенсорные иммерсивные пространства	Динамические среды без жесткой архитектурной структуры, ориентированные на погружение	WebXR, AR/VR, пространственный звук	Полное погружение, интерактивное взаимодействие с произведениями, синестетический опыт	Acute Art, Arium, Verse	13.8

сивных пространств против 4.32 ± 0.61 для двумерных галерей, $p < 0.001$) и запоминаемости произведений через 24 часа после посещения ($71.6 \pm 5.8\%$ против $23.5 \pm 4.2\%$, $p < 0.001$). Однако следует отметить, что двумерные галереи-ленты демонстрируют более высокую эффективность в отношении конверсии просмотров в транзакции. Коэффициент конверсии для этого типа пространств составляет 3.21%, что на 27.4% выше, чем для симуляций физических галерей (2.52%) и на 8.8% выше, чем для метавселенных галерей (2.95%). Данный феномен объясняется более прозрачным и интуитивно понятным механизмом приобретения NFT на специализированных маркетплейсах.

Дифференциация кураторских стратегий и их влияние на восприятие NFT-искусства

Многомерный статистический анализ данных позволил выделить четыре основные кураторские стратегии, применяемые при работе с NFT-искусством. Каждая из идентифицированных стратегий характеризуется уникальным сочетанием подходов к контекстуализации, нарративному обрамлению и презентации цифровых произведений (Таблица 4). Применение кластерного анализа к данным экспертных интервью и контент-анализу выставочных проектов позволило выявить устойчивые паттерны кураторских практик и оценить их распространенность в современной экосистеме NFT-искусства.

Корреляционный анализ выявил значимые взаимосвязи между применяемыми кураторскими стратегиями и восприятием NFT-искусства различными сегментами аудитории. Стратегия нарративной иммерсии демонстрирует наиболее высокие показатели вовлеченности аудитории (средняя оценка 8.36 ± 0.57) и особенно эффективна для презентации генеративного искусства ($r = 0.83$, $p < 0.001$) и интерактивных NFT-проектов ($r = 0.79$, $p < 0.001$). Институциональная контекстуализация, напротив, более эффективна при работе с NFT-фотографией ($r = 0.72$, $p < 0.001$) и цифровыми репродукциями традиционного искусства ($r = 0.81$, $p < 0.001$).

Особого внимания заслуживает стратегия коллаборативного кураторства, демонстрирующая высокий потенциал для формирования устойчивых сообществ вокруг NFT-проектов. Исследование показывает, что проекты, использующие данную стратегию, характеризуются значительно более высоким уровнем долгосрочного взаимодействия аудитории (средняя продолжительность вовлеченности 78.4 дня против 23.6 дня для проектов с технологическим минимализмом, $p < 0.001$) и более высокими показателями лояльности (Net Promoter Score 76 против 48 для проектов с институциональной контекстуализацией, $p < 0.01$).

Таблица 3. Сравнительный анализ эффективности типов виртуальных галерей для различных категорий NFT-искусства.

Параметр эффективности	Двумерные галереи-лен-ты	Симуляции физических галерей	Метавселенные галереи	Мультисенсорные иммерсивные пространства	F-критерий	p-значение
Время, проведенное с одним произведением (мин.)	1.78 ± 0.43	2.35 ± 0.61	3.42 ± 0.58	5.17 ± 0.72	24.63	<0.001
Глубина исследования контекста (0-10)	3.21 ± 0.52	4.87 ± 0.64	5.76 ± 0.47	6.92 ± 0.53	19.21	<0.001
Уровень эмоциональной вовлеченности (0-10)	4.32 ± 0.61	5.17 ± 0.49	7.43 ± 0.52	8.65 ± 0.57	27.48	<0.001
Запоминаемость произведений (% через 24 часа)	23.5 ± 4.2	37.8 ± 5.1	62.4 ± 6.2	71.6 ± 5.8	31.74	<0.001
Готовность к приобретению (0-10)	5.86 ± 0.72	4.93 ± 0.68	6.87 ± 0.63	7.21 ± 0.69	16.92	<0.001
Оценка кураторского нарратива (0-10)	4.18 ± 0.53	6.27 ± 0.61	7.36 ± 0.58	7.82 ± 0.65	22.37	<0.001
Удовлетворенность социальным взаимодействием (0-10)	2.73 ± 0.47	3.42 ± 0.52	8.14 ± 0.61	7.35 ± 0.58	33.18	<0.001

Таблица 4. Кураторские стратегии в экосистеме NFT-искусства и их характеристики.

Кураторская стратегия	Концептуальная основа	Принципы отбора	Нарративные методы	Формат презентации	Распространенность, % (n=178 проектов)	Средняя оценка аудитории (0-10)
Технологический минимализм	Акцент на технологической уникальности NFT	Инновационность технологического решения, значимость для развития блокчейн-экосистемы	Фокус на технических характеристиках, алгоритмической эстетике	Минималистичные интерфейсы с детальной технической информацией	32.6	6.74 ± 0.58
Историческая контекстуализация	Встраивание NFT в историю искусства	Художественная значимость, связь с традиционными практиками	Исторические параллели, концептуальное оформление	Симуляции традиционных выставочных пространств с расширенным контентом	27.5	7.18 ± 0.62
Нарративная иммерсия	Создание целостного повествования	Потенциал включения в трансмедийный нарратив	Сторителлинг, создание альтернативных миров и вселенных	Динамические пространства с нелинейной структурой	24.2	8.36 ± 0.57
Коллаборативное кураторство	Вовлечение сообщества в кураторский процесс	Резонанс с комьюнити, потенциал для коллективного взаимодействия	Открытые нарративы, партисипативные практики	Интерактивные пространства с механизмами коллективного принятия решений	15.7	7.92 ± 0.65

Модели интеграции физических и виртуальных экспозиционных практик

Исследование выявило устойчивую тенденцию к конвергенции физических и виртуальных выставочных пространств, результатом которой становится формирование гибридных экспозиционных моделей. На основе анализа 18 гибридных проектов, реализованных в период 2021-2023 гг., разработана типология интеграционных подходов, отражающая различные стратегии объединения реального и виртуального опыта взаимодействия с NFT-искусством (Таблица 5). Предложенная классификация учитывает как технологические аспекты интеграции, так и концептуальные принципы соотношения физического и виртуального компонентов экспозиции.

Сравнительный анализ эффективности различных моделей интеграции демонстрирует значительное преимущество многоуровневых трансмедийных экосистем (комплексный индекс эффективности 8.93 ± 0.67) и виртуальных сред с физическими интерфейсами (8.17 ± 0.63). Данные модели характеризуются более высокими показателями вовлеченности аудитории, глубины взаимодействия с произведениями и общей удовлетворенности опытом. Многофакторный дисперсионный анализ подтверждает статистическую значимость различий между моделями интеграции по комплексу исследуемых параметров (Wilks' $\lambda = 0.51$, $F = 16.85$, $p < 0.001$). Особый интерес представляет анализ влияния различных моделей интеграции на восприятие аутентичности NFT-произведений. Результаты исследования демонстрируют, что многоуровневые трансмедийные экосистемы наиболее эффективно решают проблему «цифровой материальности», формируя у аудитории чувство подлинности взаимодействия с цифровыми артефактами (средняя оценка аутентичности опыта 8.72 ± 0.61 по 10-балльной шкале). Виртуальные среды с физическими интерфейсами также демонстрируют высокие показатели по данному параметру (8.05 ± 0.57), в то время как традиционные подходы к экспонированию NFT в физических пространствах с минимальной цифровой интеграцией получают значительно более низкие оценки (5.63 ± 0.49 , $p < 0.001$).

Принципы этического цифрового кураторства в сфере NFT-искусства

На основе анализа практик модерации контента на NFT-платформах и экспертных интервью с кураторами и художниками сформулированы основные принципы этического цифрового кураторства, учитывающие специфику технологии NFT и связанные с ней социально-экономические аспекты. Результаты исследования позволили выделить пять ключевых этических дилемм, с которыми сталкиваются кураторы при работе с NFT-искусством, и предложить рекомендации по их разрешению (Таблица 6).

Таблица 5. Модели интеграции физических и виртуальных экспозиционных практик в сфере NFT-искусства.

Модель интеграции	Соотношение физического/виртуального	Технологическое решение	Концептуальный принцип	Примеры проектов	Эффективность (комплексный индекс)
Физическое пространство с виртуальными «окнами»	70/30	AR-слои, проекционные технологии, QR-интеграция	Расширение физического опыта через цифровые наложения	König Galerie NFT exhibitions, Superchief NFT Gallery	7.42 ± 0.54
Виртуальная среда с физическими интерфейсами	20/80	Тактильные интерфейсы, сенсорные инсталляции, биометрическое взаимодействие	Материализация виртуального опыта через физические точки взаимодействия	teamLab NFT experiences, Acute Art physical installations	8.17 ± 0.63
Параллельные симулянтные пространства	50/50	Синхронизированные среды, зеркальные инсталляции, телепренс	Создание непрерывности опыта между физическим и виртуальным	Pace Gallery Drift NFT, SCAD deFINE ART	7.81 ± 0.59
Многоуровневые трансмедийные экосистемы	40/60	Web3-интеграция, иммерсивные пространства, геолокационные технологии	Формирование целостной экосистемы взаимодействия различных среды	Sotheby's Metaverse, Christie's NFT Platform	8.93 ± 0.67

Таблица 6. Этические принципы цифрового кураторства в сфере NFT-искусства.

Этическая дилемма	Суть проблемы	Принцип	Практические рекомендации	Степень актуальности (1-10)	Уровень консенсуса среди экспертов (%)
Верификация авторства и оригинальности	Проблема плагиата и «токенизации» чужих работ без разрешения	Принцип верифицируемой аутентичности	Разработка многоуровневых систем проверки, внедрение on-chain метаданных, использование общественной репутации	9.24	93.7
Доступность и инклюзивность	Создание экономических и технологических барьеров для участия в NFT-эко-системе	Принцип инклюзивной экосистемы	Внедрение гибридных моделей доступа, субсидирование газовых сборов, разработка многоуровневых экспозиционных форматов	8.67	82.3
Экологическая устойчивость	Высокое энергопотребление некоторых блокчейн-сетей	Принцип минимального экологического следа	Приоритет PoS-сетей, использование Layer 2 решений, компенсационные экологические практики	8.92	87.5
Репрезентация и разнообразие	Доминирование определенных эстетических направлений и сообществ	Принцип представительства кураторства	Активное включение маргинализированных художественных практик, расширение географического охвата, внедрение коллаборативных кураторских моделей	8.41	78.6
Обеспечение долгосрочной сохранности	Риски технологической устарелости и утраты доступа к цифровым активам	Принцип устойчивого хранения	Использование децентрализованных хранилищ (IPFS), архивация контекстуальной информации, разработка протоколов миграции	9.03	89.2

Анализ экспертных оценок демонстрирует высокий уровень консенсуса относительно приоритетности проблемы верификации авторства и оригинальности (степень актуальности 9.24 из 10, уровень консенсуса 93.7%). Данная проблема особенно актуальна в контексте развития генеративных AI-технологий, создающих дополнительные сложности в определении границ авторства и оригинальности произведений. Исследование показывает, что платформы, внедрившие многоуровневые системы верификации, демонстрируют значительно более высокий уровень доверия аудитории (индекс доверия 7.86 против 4.32 для платформ с минимальной верификацией, $p < 0.001$) и более высокую среднюю стоимость транзакций (на 43.7% выше, $p < 0.01$). Не менее значимым является принцип устойчивого хранения (степень актуальности 9.03, уровень консенсуса 89.2%), отражающий озабоченность экспертного сообщества вопросами долгосрочной сохранности цифрового искусства. Исследование выявило, что только 37.2% NFT-платформ обеспечивают полноценное хранение метаданных и медиафайлов в децентрализованных системах, в то время как 62.8% используют гибридные или полностью централизованные решения, создающие риски утраты доступа к цифровым активам в долгосрочной перспективе.

Модель многомерной оценки эффективности цифровых выставочных пространств

На основе интеграции количественных и качественных данных разработана комплексная модель оценки эффективности виртуальных выставочных пространств для NFT-искусства. Модель включает 24 параметра, объединенных в пять ключевых измерений, и позволяет проводить сравнительный анализ различных экспозиционных форматов с учетом их специфики и целевой аудитории (Таблица 7).

Апробация разработанной модели на выборке из 87 виртуальных галерей и платформ позволила провести их сравнительный анализ и выявить корреляции между различными параметрами эффективности. Установлены сильные положительные взаимосвязи между эстетическим восприятием и вовлеченностью аудитории ($r = 0.78$, $p < 0.001$), а также между образовательным потенциалом и экономической эффективностью в долгосрочной перспективе ($r = 0.63$, $p < 0.01$). Примечательно, что технологическая доступность демонстрирует значимую положительную корреляцию с конверсией просмотр/транзакция ($r = 0.71$, $p < 0.001$), что подтверждает важность оптимизации технических аспектов виртуальных галерей для достижения экономических целей. Применение факторного анализа к данным по 24 параметрам позволило выделить три латентных фактора, объясняющих 72.8% дисперсии в оценках эффективности виртуальных выставочных пространств: 1) фактор пользовательского опыта

Таблица 7. Параметры многомерной модели оценки эффективности цифровых выставочных пространств.

Измерение	Параметры оценки	Метод измерения	Весовой коэффициент	Средние показатели по выборке
Технологическая доступность	Скорость загрузки (сек) Совместимость с устройствами (%) Требования к пропускной способности (Мбит/с) Удобство навигации (1-10) Стабильность работы (% сбоев)	Технический аудит, тестирование, анализ пользовательских сесий	0.18	3.82 сек 83.4% 4.76 Мбит/с 7.21 3.2%
Эстетическое восприятие	Визуальная когерентность (1-10) Детализация и глубина (1-10) Соответствие контенту (1-10) Оригинальность решений (1-10) Качество рендеринга (1-10)	Экспертная оценка, пользовательский опрос, анализ отзывов	0.23	6.78 7.42 8.01 6.94 7.83
Вовлеченность аудитории	Среднее время сессии (мин) Глубина просмотра (%) Частота взаимодействия (действий/мин) Коэффициент возврата (%) Показатель шеринга (%)	Аналитика поведения пользователей, трекинг действий, опросы	0.27	18.42 мин 63.7% 2.83 24.6% 12.3%
Экономическая эффективность	Конверсия просмотр/транзакция (%) Средний чек (ETH) ROI кураторских инвестиций (%) Рентабельность платформы (%) Стоимость привлечения посетителя (USD)	Экономический анализ, данные транзакций, финансовая отчетность	0.17	2.87% 0.83 ETH 127.4% 32.6% 4.28 USD
Образовательный потенциал	Информативность контекста (1-10) Глубина интерпретации (1-10) Образовательные инструменты (0-5) Культурные отсылки (кол-во/проект) Доступность метаданных (1-10)	Контент-анализ, экспертная оценка, пользовательское тестирование	0.15	6.41 5.87 2.34 7.82 6.94

(31.4% объясненной дисперсии), 2) фактор кураторской интерпретации (24.7%), 3) фактор экономической устойчивости (16.7%). Полученные результаты подтверждают многомерный характер эффективности цифровых экспозиционных пространств и необходимость комплексного подхода к их проектированию и оценке.

Заключение

Проведенное исследование демонстрирует фундаментальную трансформацию кураторских и экспозиционных практик в контексте развития NFT-искусства. Эмпирический анализ 87 виртуальных галерей, 124 экспертных интервью и 1,340 NFT-проектов позволил сформировать целостное представление о ключевых тенденциях, характеризующих эволюцию цифрового кураторства в условиях блокчейн-технологий.

Результаты исследования подтверждают формирование новой типологии кураторских ролей, отражающей диверсификацию функций и компетенций в цифровой среде. Выявлены пять основных кураторских позиций (технокуратор, комьюнити-куратор, институциональный NFT-куратор, метавселенный архитектор, экономический куратор), существенно отличающихся по своим функциональным характеристикам и концептуальным подходам. Эмпирические данные демонстрируют значительное изменение соотношения технологических и эстетических компетенций в профиле NFT-куратора – 68.3% экспертов указывают на приоритетную важность технических навыков, в то время как только 47.5% считают классическое искусствоведческое образование обязательным. Разработанная типология виртуальных экспозиционных пространств выявляет четыре основных формата (двумерные галереи-ленты, симуляции физических галерей, метавселенные галереи, мультисенсорные иммерсивные пространства), демонстрирующих различную эффективность в зависимости от категории NFT-искусства и целевой аудитории. Сравнительный анализ подтверждает значительное преимущество иммерсивных и метавселенных форматов по параметрам вовлеченности и эмоционального воздействия – среднее время взаимодействия с одним произведением в мультисенсорных иммерсивных пространствах в 2.9 раза превышает аналогичный показатель для двумерных галерей-лент (5.17 против 1.78 минут, $p < 0.001$). Идентифицированы четыре ключевые кураторские стратегии (технологический минимализм, институциональная контекстуализация, нарративная иммерсия, коллаборативное кураторство), характеризующиеся различными подходами к отбору, интерпретации и презентации NFT-искусства. Эмпирические данные подтверждают наиболее высокую эффективность стратегии нарративной иммерсии по параметрам вовлеченности аудитории (средняя оценка 8.36 из 10) и особенно для презентации генеративного искусства ($r = 0.83$, $p < 0.001$)

и интерактивных NFT-проектов ($r = 0.79$, $p < 0.001$). Выявлена устойчивая тенденция к конвергенции физических и виртуальных выставочных пространств, результатом которой становится формирование гибридных экспозиционных моделей. Разработана типология интеграционных подходов, включающая четыре основные модели: физическое пространство с виртуальными «окнами», виртуальная среда с физическими интерфейсами, параллельные симультанные пространства, многоуровневые трансмедийные экосистемы. Сравнительный анализ демонстрирует значительное преимущество многоуровневых трансмедийных экосистем (комплексный индекс эффективности 8.93 из 10) по параметрам вовлеченности, глубины взаимодействия и восприятия аутентичности NFT-произведений. Сформулированы пять ключевых принципов этического цифрового кураторства (верифицируемая аутентичность, инклюзивная экосистема, минимальный экологический след, представительное кураторство, устойчивое хранение), отражающих основные этические дилеммы в сфере NFT-искусства. Эмпирические данные подтверждают высокий уровень консенсуса экспертного сообщества относительно приоритетности проблемы верификации авторства и оригинальности (степень актуальности 9.24 из 10, уровень консенсуса 93.7%).

Разработана комплексная модель оценки эффективности виртуальных выставочных пространств, включающая 24 параметра в пяти ключевых измерениях (технологическая доступность, эстетическое восприятие, вовлеченность аудитории, экономическая эффективность, образовательный потенциал). Выявлены сильные положительные корреляции между эстетическим восприятием и вовлеченностью аудитории ($r = 0.78$, $p < 0.001$), а также между образовательным потенциалом и экономической эффективностью в долгосрочной перспективе ($r = 0.63$, $p < 0.01$). Результаты исследования имеют значительную теоретическую и практическую ценность, формируя концептуальную основу для дальнейшего развития цифрового кураторства и совершенствования экспозиционных практик в сфере NFT-искусства. Предложенные типологии, принципы и модели могут быть использованы как кураторами и художниками для оптимизации выставочных проектов, так и образовательными учреждениями для разработки программ подготовки специалистов в области цифрового кураторства. Дальнейшие исследования могут быть направлены на углубленное изучение психологических аспектов восприятия NFT-искусства в различных типах виртуальных пространств, разработку специализированных инструментов аналитики для оценки эффективности цифровых экспозиций, а также исследование долгосрочных трендов эволюции кураторских практик в контексте развития новых технологий, таких как пространственные вычисления, нейроинтерфейсы и квантовые блокчейны.

Библиографический список / References

1. Nadini M., Alessandretti L., Di Giacinto F., Martino M., Aiello L.M., Baronchelli A. Mapping the NFT revolution: market trends, trade networks, and visual features. *Scientific Reports*, 2021. № 11 (1). P. 20902. // URL: <https://doi.org/10.1038/s41598-021-00053-8>
2. Franceschet M., Colavizza, G., Smith T., Finucane B., Ostachowski M.L., Scalet S., Perkins J., Morgan J., Hernández S. Crypto art: A decentralized view. *Leonardo*, 2021. № 54 (4). P. 402-405. // URL: https://doi.org/10.1162/leon_a_02003
3. Wang Q., Li R., Wang Q., Chen S. Non-Fungible Token (NFT): Overview, Evaluation, Opportunities and Challenges. *arXiv preprint arXiv:2105.07447*. 2021.
4. Chalmers D., Matthews R. The ontology of digital objects in the age of NFTs: A philosophical inquiry into digital twins. *New Media & Society*, 2022. № 24 (11). P. 2522-2541. // URL: <https://doi.org/10.1177/14614448221082674>
5. Jensen A.J.P., Vistisen P. Blockchain curators: How NFTs are changing the art world. *Journal of Cultural Analytics*, 2022. № 7 (2). P. 1-22. // URL: <https://doi.org/10.22148/001c.35744>
6. Serada A., Sihvonen T., Harviainen J.T. CryptoKitties and the new ludic economy: How blockchain introduces value, ownership, and scarcity in digital gaming. *Games and Culture*, 2021. № 16 (4). P. 457-480. // URL: <https://doi.org/10.1177/1555412019898305>
7. Dowling M. Is non-fungible token pricing driven by cryptocurrencies? *Finance Research Letters*, 2022. № 44. P. 102097. // URL: <https://doi.org/10.1016/j.frl.2021.102097>
8. Trautman L.J. Virtual Art and Non-fungible Tokens. *The Business Lawyer*, 2022. № 77 (1). P. 153-187.
9. Kugler L. Non-fungible tokens and the future of art. *Communications of the ACM*, 2021. № 64 (9). P. 19-20. // URL: <https://doi.org/10.1145/3474355>
10. Loria K., Karga S., Iosifidis A. The NFT Marketplace: Ideals, Reality, Competition and Valuation. *Digital Business*, 2021. № 1 (2). P. 100013. // URL: <https://doi.org/10.1016/j.digbus.2021.100013>
11. Regner F., Urbach N., Schweizer A. NFTs in Practice – Non-Fungible Tokens as Core Component of a Blockchain-based Event Ticketing Application. *Proceedings of the 40th International Conference on Information Systems, Munich, Germany*. 2019.
12. Vasan K., Janosov M., Barabási A.L. Quantifying NFT-driven networks in crypto art. *Scientific Reports*, 2022. № 12 (1). P. 2769. // URL: <https://doi.org/10.1038/s41598-022-05146-6>
13. Park S.J., Zo H., Ciganek A.P., Lim G.G. Examining success factors in the adoption of digital object identifier systems. *Electronic Commerce Research and Applications*, 2011. № 10 (6). P. 626-636. // URL: <https://doi.org/10.1016/j.elerap.2011.05.004>
14. Zeilinger M. Digital art as 'monetised graphics': Enforcing intellectual property on the blockchain. *Philosophy & Technology*, 2018. № 31 (1). P. 15-41. // URL: <https://doi.org/10.1007/s13347-016-0243-1>
15. Bakhshi H., Mateos-Garcia J., Throsby D. Beyond live: Digital innovation in the performing arts. *Nesta*, London. 2010. // URL: <https://www.nesta.org.uk/report/beyond-live-digital-innovation-in-the-performing-arts/>

Карапетян Т.Ш.

Аспирант. Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

СМИ и их влияние на национальную безопасность России*

Аннотация. В статье рассматривается роль средств массовой информации (СМИ) в обеспечении национальной безопасности России в условиях трансформации глобального информационного пространства. Анализируются современные теоретические подходы, включая концепции информационных войн, гипотезу враждебных медиа и стратегию «брандспойта лжи». Освещаются механизмы дезинформации, воздействие автоматизированных аккаунтов и снижение уровня доверия к государственным и традиционным медиаресурсам. Эмпирические данные, включая статистику ВЦИОМ, ФОМ и международных аналитических центров, подтверждают актуальность описанных феноменов. Автор подчеркивает необходимость комплексной государственной стратегии, основанной на развитии медиаграмотности, институциональной прозрачности и межведомственного сотрудничества. Работа актуализирует задачу укрепления информационного суверенитета и устойчивости российского общества перед лицом информационных угроз.

Ключевые слова: национальная безопасность, средства массовой информации, дезинформация, медиаграмотность, информационные войны, доверие к СМИ.

Karapetyan T.Sh.

Postgraduate student. Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

Mass media and their impact on Russia's National Security

Abstract. The article examines the role of the mass media in ensuring Russia's national security in the context of the transformation of the global information space. Modern theoretical approaches are analyzed, including the concepts of information warfare, the hostile media hypothesis, and the "water cannon of lies" strategy. It highlights the mechanisms of disinformation, the impact of automated accounts, and the decline in trust in government and traditional media resources. Empirical data, including statistics from VTsIOM, FOM and international analytical centers, confirm the relevance of the described phenomena. The author emphasizes the need for a comprehensive

* © Карапетян Т.Ш., 2025.

СМИ и их влияние на национальную безопасность России

government strategy based on the development of media literacy, institutional transparency and interagency cooperation. The work actualizes the task of strengthening the information sovereignty and sustainability of Russian society in the face of information threats.

Key words: national security, mass media, disinformation, media literacy, information warfare, trust in the media.

Средства массовой информации (СМИ) выполняют ключевую роль в формировании общественного сознания и обеспечении национальной безопасности. Через СМИ государство транслирует официальные позиции, формирует нормативные рамки и реагирует на угрозы информационной безопасности. При этом, доступность цифровых платформ увеличивает воздействие СМИ, одновременно повышая риски манипуляции, дезинформации, и снижения доверия среди граждан. Согласно исследованию ВЦИОМ, около 53 % россиян доверяют центральному телевидению, в то время как лишь ~29 % считают СМИ объективными¹. Давление на информационную среду усиливается законодательством о фейковых новостях (ФЗ № 32-ФЗ и др.), введённым в марте 2022 года². В таких реалиях теоретико-методологический анализ становится приоритетным для понимания взаимосвязи СМИ и национальной безопасности.

Теория информационных войн, сформировавшаяся на стыке политологии, социологии и стратегических коммуникаций, рассматривает средства массовой информации как ключевой ресурс в управлении общественным сознанием и восприятием реальности. В рамках данной теории СМИ воспринимаются не только как источник информации, но и как активный участник в глобальных конфликтах, способный оказывать существенное влияние на внутрисполитическую стабильность, моральное состояние населения, а также на международный имидж государства³.

Современные практики информационных войн включают широкий спектр инструментов и методов. Одним из наиболее распространённых является использование ботов и автоматизированных аккаунтов в социальных сетях, которые способны массово распространять определённые нарративы, усиливать резонанс вокруг нужных тем и создавать иллюзию общественного консенсуса или недовольства. Как правило, эти

1 Доверие СМИ в России. // URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/doverie-smi-v-rossii?utm_source=chatgpt.com (Дата обращения: 14.05.2025 г.)

2 Федеральный закон от 04.03.2022 г. № 32-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 31 и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации». // URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47616> (Дата обращения: 14.05.2025 г.)

3 Зудин Д.И. Влияние телевидения на национальную безопасность России в информационной сфере. // Дисс. ...к.социол.н. – Н.Новгород, 2006.

технологии работают в комплексе с манипулятивными постами, целенаправленно искажённой повесткой дня и «информационными вбросами», нацеленными на эмоциональное вовлечение и снижение критического восприятия.

Особое место в информационной войне занимает внешнее влияние, когда СМИ, контролируемые или поддерживаемые иностранными государствами, транслируют контент, направленный на подрыв суверенитета информационного пространства. Эти медиа могут внедрять альтернативные интерпретации событий, вызывать деструктивные настроения в обществе и влиять на политические процессы. Концентрированная стратегия дезинформации направлена не только на распространение ложных сведений, но и на размывание границ между правдой и вымыслом, что подрывает базовое доверие к институтам власти, традиционным СМИ и экспертному сообществу.

Такой тип воздействия также сопровождается эффектом «когнитивного шума», когда пользователь сталкивается с переизбытком данных, среди которых сложно отличить достоверную информацию от ложной. Это снижает способность общества к формированию консолидированной реакции и усиливает политическую фрагментацию. В условиях цифровой медиасреды информационная война становится не эпизодическим явлением, а перманентным фоном, который требует от государства не только инструментов реагирования, но и стратегий устойчивого противодействия.

Концепция Гюнтера и Chia, известная как «гипотеза враждебных медиа», утверждает, что представители различных социальных групп, особенно тех, кто идентифицирует себя с определённой идеологической или ценностной позицией, склонны воспринимать нейтральные или даже благожелательные сообщения в СМИ как предвзятые или враждебные⁴. Это происходит вследствие когнитивных искажений восприятия, когда аудитория интерпретирует информацию не столько по её содержанию, сколько через призму собственных убеждений и эмоциональной ангажированности.

Применение этой теории к российскому медиaproстранству демонстрирует особую актуальность. В условиях высокой политической чувствительности и постоянного воздействия различных информационных потоков, уровень доверия к СМИ в России остаётся фрагментированным и нестабильным. По данным исследования ФОМ (2023), только 39% россиян выражают полное или значительное доверие к государственным телеканалам, в то время как 45% респондентов склонны полагать, что данные

4 Gunther A.C., Chia S.C. Predicting pluralistic ignorance: The hostile media perception and its consequences (англ.) // Journalism & Mass Communication Quarterly. 2001. № 78 (4). P. 688-701.

источники искажают или скрывают информацию⁵. Это свидетельствует о том, что даже государственные медиаресурсы воспринимаются значительной частью населения с долей скептицизма, что напрямую подтверждает действие механизма «враждебных медиа».

В результате происходит нарастание эффектов информационной маргинализации: индивиды, воспринимающие СМИ как враждебные или манипулятивные, всё чаще замыкаются в альтернативных информационных пузырях, таких как телеграм-каналы, неофициальные YouTube-ресурсы или независимые блоги. Это усугубляет поляризацию общества, снижает уровень социальной вовлечённости и препятствует формированию общенациональной повестки.

Таким образом, недоверие к ключевым информационным институтам превращается в системную угрозу, ослабляя устойчивость общества к кризисам, подрывая горизонтальные связи между группами и уменьшая способность граждан коллективно реагировать на внешние и внутренние вызовы. Концепция Гюнтера и Чиа в таком контексте приобретает не только аналитическую значимость, но и практическую применимость в разработке стратегий по восстановлению медиадобверия и повышению информационной устойчивости государства.

В России недостаток доверия даже к государственным каналам усиливает поляризацию, снижая устойчивость общества.

В российской модели активного воздействия в информационной среде всё чаще наблюдается феномен, получивший в западной аналитической литературе метафорическое обозначение «брандспойт лжи» (*firehose of falsehood*). Эта концепция, активно разрабатываемая аналитическим центром RAND Corporation, описывает стратегию интенсивной и многоканальной дезинформации, при которой в короткий промежуток времени распространяется большое количество сообщений — зачастую взаимно противоречивых, но направленных на одну цель: вызвать у аудитории дезориентацию, снизить доверие к достоверным источникам и парализовать способность к рациональному осмыслению происходящего.

Суть «брандспойта лжи» заключается не столько в убедительности сообщений, сколько в их объёмности, повторяемости и агрессивной распространённости. Как подчёркивают Кристофер Пол и Мириам Мэтьюз в отчёте RAND (2016), «эффективность этой тактики обусловлена не качеством дезинформации, а её количеством и всепроникающей подачей», создающей иллюзию массовой поддержки или «плюрализма мнений»⁶.

5 Новостная информация и телевидение. // URL: <https://fom.ru/SMI-i-internet/14902> (Дата обращения: 12.05.2025 г.)

6 Пол К., Мэтьюз М. Российская модель пропаганды «Пожарный шланг с потоками лжи». Почему это работает и каковы способы ей противостоять. // URL: https://www.russiamatters.org/sites/default/files/media/files/RAND_PE198z1.russian.pdf (Дата обращения: 12.05.2025 г.)

На практике такой подход реализуется через координированное использование телевидения, радио, интернет-СМИ, а также социальных сетей, мессенджеров, блогеров и ботов. Его задачей является не столько убеждение в какой-то одной версии событий, сколько создание информационного хаоса, в котором истина становится неотличимой от вымысла. В результате аудитория постепенно теряет доверие ко всем источникам, включая официальные — как отечественные, так и международные, что приводит к феномену «информационного цинизма».

В российском контексте использование этой стратегии может быть связано с потребностью в укреплении внутренних барьеров против иностранного информационного влияния и демонстрацией суверенитета в медийной политике. Вместе с тем критики указывают, что злоупотребление этим методом внутри страны способно вызвать «отрицательную легитимацию» — ситуацию, при которой даже достоверные государственные послания воспринимаются с недоверием, как часть манипулятивного нарратива.

Следовательно, модель «брендспойта лжи» требует не только внешнеполитического анализа, но и внутренней регуляторной реакции. Противодействие ей невозможно исключительно с помощью запретов — необходимы системные меры по укреплению медиаграмотности, развитию независимой экспертизы и формированию культурной чувствительности к манипулятивным медиаформатам.

Переходя от теоретических основ к эмпирическим подтверждениям, важно подчеркнуть, что феномены, описанные в рамках концепций информационных войн и «брендспойта лжи», получают наглядное воплощение в современной российской информационной реальности. Механизмы манипуляции, снижение доверия к институтам и цифровая дезориентация не остаются на уровне гипотез — они находят подтверждение в статистике, социологических замерах и данных цифровой аналитики. Эмпирические индикаторы позволяют конкретизировать масштабы и динамику воздействия медиа на национальную безопасность, делая проблему не только предметом теоретического анализа, но и объектом практической государственной политики.

Согласно данным опроса ВЦИОМ, проведённого в феврале 2023 года, 53 % россиян продолжают доверять телевидению как источнику информации⁷. Однако лишь 29 % респондентов считают, что телевидение объективно отражает события, происходящие в стране и мире. Эта разница между уровнем доверия и восприятием объективности свидетельствует о скрытом кризисе легитимности традиционных медиа: аудитория готова воспринимать телевизионные сообщения, но не всегда считает их досто-

7 Доверие СМИ в России. // URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/doverie-smi-v-rossii?utm_source=chatgpt.com (Дата обращения: 14.05.2025 г.)

верными, что может служить почвой для возникновения альтернативных, часто недостоверных источников информации.

Ощущение уязвимости в цифровом пространстве. Другой важный показатель — тревожность пользователей интернета по поводу собственной цифровой безопасности. Исследование, проведённое ВЦИОМ в том же 2023 году, показало, что **68 % россиян** выражают обеспокоенность за сохранность личных данных в сети⁸. Эта цифра указывает на дефицит доверия не только к государственным, но и к цифровым платформам, усиливая общее ощущение незащищённости в информационном пространстве.

Автоматизация контента и участие ботов. Цифровая аналитика, проведённая международными исследователями в рамках анализа активности в социальных сетях Twitter и Facebook в контексте событий, связанных с Россией, выявила, что примерно **20 %** аккаунтов, распространяющих контент в поддержку России, были **автоматизированными ботами**⁹. Несмотря на их меньшинство, эти аккаунты обеспечили совокупный охват свыше **14 миллионов просмотров**, существенно влияя на восприятие информационной повестки и манипулируя массовым сознанием.

Таким образом, указанные эмпирические данные подчеркивают актуальность теоретических моделей и подтверждают необходимость разработки сбалансированной стратегии в сфере медиабезопасности. Элементы дезинформации, недоверие к традиционным медиа и угрозы киберпространства требуют системного мониторинга, превентивных мер и развития информационной грамотности как основы устойчивости российского общества перед лицом информационных вызовов.

В условиях усиливающихся глобальных вызовов и нестабильности информационного пространства средства массовой информации в России занимают двойственную позицию: с одной стороны, они функционируют как инструмент государственной власти, обеспечивая продвижение официальной повестки, консолидацию общества и оперативную реакцию на внешние угрозы; с другой — становятся ареной острой информационной борьбы, объектом кибервоздействий, манипуляций и транснационального влияния. Такая амбивалентность требует выработки устойчивого и гибкого подхода к управлению медийной сферой в интересах национальной безопасности.

Социологические замеры, аналитические исследования и концепции современной информационной теории указывают на необходимость комплексного подхода, в котором должны сочетаться:

8 Цифровая самооборона. // URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskie-obzory/cifrovaja-samooborona?utm_source=chatgpt.com (Дата обращения: 12.06.2025 г.)

9 Социальные сети в России: цифры и тренды, осень 2024. // URL: <https://brandanalytics.ru/blog/social-media-russia-autumn-2024> (Дата обращения: 14.06.2025 г.)

- **Институциональный контроль**, способный обеспечить правовое регулирование распространения информации, а также защиту от экстремистского и фейкового контента;

- **Развитие независимых, профессиональных и ответственных СМИ**, ориентированных на стандарты журналистской этики и общественный интерес;

- **Повышение уровня медиаграмотности населения**, включая формирование критического мышления, навыков работы с источниками и понимание алгоритмической природы цифровой среды.

Эффективная государственная политика в данной сфере не может быть основана исключительно на ограничениях и запретах. Необходима **стратегия интегративного управления коммуникационными рисками**, предполагающая взаимодействие государственных структур, экспертного сообщества, представителей медиаиндустрии и институтов гражданского общества.

Заключая, следует подчеркнуть, что устойчивость России к информационным угрозам определяется не только технической защищённостью и юридическими механизмами, но и способностью общества к самоорганизации, интеллектуальной автономии и адаптации к динамичной цифровой среде. Лишь через соединение теоретических моделей, эмпирических наблюдений и междисциплинарных инструментов можно выработать целостную, адаптивную и научно обоснованную национальную стратегию обеспечения информационной безопасности в XXI веке.

Библиографический список

1. Доверие СМИ в России. // URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/doverie-smi-v-rossii?utm_source=chatgpt.com (Дата обращения: 14.05.2025)
2. Зудин Д.И. Влияние телевидения на национальную безопасность России в информационной сфере. // Дисс. ...к.социол.н. – Н.Новгород, 2006.
3. Gunther A.C., Chia S.C. Predicting pluralistic ignorance: The hostile media perception and its consequences (англ.) // *Journalism & Mass Communication Quarterly*. 2001. № 78 (4). P. 688-701.
4. Новостная информация и телевидение. // URL: <https://fom.ru/SMI-i-internet/14902> (Дата обращения: 12.05.2025)
5. Пол К., Мэтьюз М. Российская модель пропаганды «Пожарный шланг с потоками лжи». Почему это работает и каковы способы ей противостоять. // URL: https://www.russiamatters.org/sites/default/files/media/files/RAND_PE198z1.russian.pdf (Дата обращения: 12.05.2025)
6. Доверие СМИ в России. // URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/doverie-smi-v-rossii?utm_source=chatgpt.com (Дата обращения: 14.05.2025)
7. Цифровая самооборона. // URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/cifrovaja-samooborona?utm_source=chatgpt.com (Дата обращения: 12.06.2025)
8. Социальные сети в России: цифры и тренды, осень 2024. // URL: <https://brandanalytics.ru/blog/social-media-russia-autumn-2024> (Дата обращения: 14.06.2025)
9. Федеральный закон от 04.03.2022 г. № 32-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 31 и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации». // URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47616> (Дата обращения: 14.05.2025)
10. Рябова Е.Л., Терновая Л.О. Историческая безопасность — ключ к многомерному видению геополитических угроз // *Культура мира*. 2024. Том 12. Выпуск 2. (№ 37). С. 160-170.

11. Рябова Е.Л., Терновая Л.О. Традиционные ценности народов Большой Евразии и современный мир // *Культура мира*. 2024. Том 12. Выпуск 4. (№ 39). С. 120-128.
12. Рябова Е.Л., Терновая Л.О. Связь времен и смыслов: священные деревья // *Миссия конфессий*. 2019. Том 8. Часть 2 (№ 37). С. 133-142
13. Рябова Е.Л., Терновая Л.О. Итало-Российская торговая палата: торговые связи в конфигурации международных отношений // *Миссия конфессий*. 2018. Том 7. Часть 5 (№ 32). С. 585-595.

References

1. Trust in the media in Russia. // URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/doverie-smi-v-rossii?utm_source=chatgpt.com (14.05.2025)
2. Zudin D.I. The influence of television on Russia's national security in the information sphere. // Diss. ... candidate of sociological sciences. - N. Novgorod, 2006.
3. Gunther A.C., Chia S.C. Predicting pluralistic ignorance: The hostile media perception and its consequences (English) // *Journalism & Mass Communication Quarterly*. 2001. № 78 (4). P. 688-701.
4. News information and television. // URL: <https://fom.ru/SMI-i-internet/14902> (12.05.2025)
5. Paul K., Matthews M. The Russian propaganda model "Fire hose with streams of lies." Why it works and what are the ways to counter it. // URL: https://www.russiamatters.org/sites/default/files/media/files/RAND_PE198z1.russian.pdf (12.05.2025)
6. Trust in the media in Russia. // URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/doverie-smi-v-rossii?utm_source=chatgpt.com (14.05.2025)
7. Digital self-defense. // URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/cifrovaja-samooborona?utm_source=chatgpt.com (12.06.2025)
8. Social networks in Russia: figures and trends, autumn 2024. // URL: <https://brandanalytics.ru/blog/social-media-russia-autumn-2024> (14.06.2025)
9. Federal Law of 04.03.2022 № 32-FZ "On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and Articles 31 and 151 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation". // URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47616> (14.05.2025)
10. Ryabova E.L., Ternovaya L.O. Historical Security — the Key to a Multidimensional Vision of Geopolitical Threats // *Culture of Peace*. 2024. Volume 12. Issue 2. (№ 37). P. 160-170.
11. Ryabova E.L., Ternovaya L.O. Traditional Values of the Peoples of Greater Eurasia and the Modern World // *Culture of Peace*. 2024. Volume 12. Issue 4. (№ 39). P. 120-128.
12. Ryabova E.L., Ternovaya L.O. The Connection of Times and Meanings: Sacred Trees // *Mission of Confessions*. 2019. Volume 8. Part 2 (№ 37). P. 133-142
13. Ryabova E.L., Ternovaya L.O. Italian-Russian Chamber of Commerce: Trade Relations in the Configuration of International Relations // *Mission of Confessions*. 2018. Volume 7. Part 5 (№ 32). P. 585-595.

Аннотации

Петрова С.И.

Петров И.Ф.

Философия экзистенциального релятивизма

Экзистенциальный релятивизм подчеркивает уникальность и неповторимость внутреннего мира каждой личности. Наши ценности, убеждения, эмоции и жизненный опыт формируют специфическую призму, через которую мы смотрим на мир. Смысл жизни и предназначение человека не заданы какими-то внешними силами или обстоятельствами, а определяются самой личностью, ее свободным выбором и активной деятельностью. В статье показывается, что экзистенциальный релятивизм фокусируется на конкретном человеческом существовании во всей его трагичности и противоречивости, отрицая возможность рационального постижения истины и создания универсальных этических и мировоззренческих систем. Согласно экзистенциальному релятивизму, человеческое существование видится как процесс постоянного становления и трансформации. Человек должен сам пройти свой путь к истине через экзистенциальный опыт, который невозможно передать другим в готовом виде. Таким образом, экзистенциальный релятивизм предлагает не систему готовых ответов, а скорее особую интеллектуальную установку – пристальное внимание к конкретному человеческому существованию во всей его проблематичности. Он призывает каждого пройти свой путь самопознания, не опираясь на авторитеты, и найти свой модус существования в этом равнодушном к человеку мире.

Ключевые слова: философия, экзистенциализм, релятивизм, человек, смысл, ценности, истина.

Го Цин

Чжао Цяньцзянь

Историко-культурные аспекты влияния России на китайскую музыкальную культуру

Предмет и объект исследования. Актуальность исследования заключается в том, что в XX в. музыкальное искусство перешло на новый виток развития культурной парадигмы и на современном этапе характеризуется тенденцией к полистилистике и развернутостью музыкальной практики ко всей культурной традиции. Особое внимание в этой связи авторы подробно рассматривают такие научные проблемы, как диалогичность и полистилистика в музыкальной культуре Китая, неуклонный рост интереса к которым наблюдается в публикациях современных музыковедов. Предметом исследования являются феномены китайской музыкальной культуры XX-XXI вв. Объектом исследования - культурное взаимодействие русской и китайской музыкальных традиций. Авторы показывают, что современное музыковедение идет по пути освоения уже накопленного научного опыта в смежных областях гуманитарного знания и старается выработать собственные методы исследования текста. Особое внимание уделяется интертекстуальности в музыке, реализующейся как условие и способ существования музыкального произведения в семиотической культурной среде с учетом индивидуальных приемов межтекстового взаимодействия, результатом которого становится диалог самобытных культурных концепций.

Материалы и методы. Развитие теории интертекстуальности в современном музыковедении рассматривается авторами статьи на материале китайско-русского культурного диалога в данной области. Ведущим в работе является культурологический подход. Авторы используют также интегративный, интертекстуальный подходы, метод диалога культур.

Научная новизна и выводы. Авторы постулируют, что в традиционной культуре Китая с ее многовековой историей не существовало «чистого авторства», что определялось философскими принципами и подходами к творчеству, в том числе, в русле конфуцианства, когда главная цель заключалась не в создании нового произведения, а в переосмыслении существующего, его

интерпретации и в гармоничном развитии. В этом понимании «автор» был рассмотрен не как творец, но как «учитель» и «наставник». Сказанное обуславливает новизну исследования. Основной вывод проведенного исследования заключается в доказательстве того, что основные этапы развития современного музыкального искусства Китая («ученичество», национальное развитие, модернизация с последующим выходом в мировое культурное пространство) привели к созданию оригинального национального композиторского стиля, во многом под влиянием русского (советского) преподавательского состава, который акцентировал внимание на изменении традиционных подходов к творчеству, а также на восприятии национальных и мировых традиций в музыкальной культуре без утраты национальной идентичности.

Ключевые слова: музыкальное искусство, культурное взаимодействие, интертекстуальность, полистилистика, русская музыкальная традиция.

Гончаренко А.Н.

Влияние идей музыкального авангарда XX века на современную популярную музыку

В настоящей статье автор рассматривает влияние творческих идей, предложенных представителями музыкального авангарда первой половины и середины XX века, на современную популярную музыку и музыкальные технологии. Эти идеи были связаны как с достижениями технического прогресса в области звукозаписи и звукоусиления, так и с формированием нового композиторского мышления, радикально отличавшегося от традиционного академического подхода к написанию музыки.

Ключевые слова: музыкальный авангард, конкретная музыка, меблировочная музыка, искусство шумов, электронная музыка.

Ферзба Г.О.

Classical crossover как феномен современной музыкальной культуры: от истоков до наших дней

Статья посвящена феномену classical crossover и его роли в современном музыкальном искусстве. Рассмотрено смысловое значение и толкование понятийно-терминологического аппарата в целях определения структуры предметной области: формы и содержания произведений, методов и приемов их создания, критериев оценки, соответствующих общепринятым правилам теории музыкального познания.

Изучены истоки становления классического кроссовера в контексте особенностей развития музыкальной индустрии второй половины прошлого века. Предложено понимание формирования classical crossover с точки зрения принципов постмодерна, пропагандирующего стилистическую диффузию, мозаичность, аллюзию и переосмысление культурного наследия.

Выявлены основные тенденции существования классического кроссовера в современном социокультурном пространстве. Приведены факты взаимодействия элитарного и массового искусства в целях популяризации оперных произведений в широкие массы.

Ключевые слова: classical crossover, классический кроссовер, музыкальное искусство, Марио Ланца, феномен, стиль, направление, массовая культура, популяризация, постмодернизм.

Медведева М.А.

Садриева А.Н.

Малиш М.А.

Проблемы сохранения мирового культурного наследия

В статье освещаются проблемы сохранения мирового культурного наследия. Актуальность исследования обусловлена процессами цифровой глобализации мирового культурного пространства, появлением цифровых способов презентации и трансляции культурно-исторических объектов, а также глобальными политическими вызовами, ростом военно-политических конфликтов, стихийных бедствий, угрожающих сохранению памятников культуры.

На основе анализа понятий «культура», «культурные ценности», «культурное наследие» установлено, что культурное наследие отражает совокупность объектов материальной и нематериальной культуры, характеризующихся ценностной значимостью для будущих поколений. Проанализированы причины разрушения материальных объектов культуры, правовые основы охраны, сохранения и популяризации мирового культурного наследия. Сделан вывод, что в современном цифровом мире происходит трансформация мирового культурного наследия в виртуально-цифровую среду, формируется новое виртуальное пространство мировой культуры, появляются новые цифровые способы сохранения, презентации и трансляции объектов материального и нематериального мирового культурного наследия.

Ключевые слова: культура, культурные ценности, мировое культурное наследие, археологические объекты, нематериальные объекты культуры, цифровое культурное наследие.

Ло Ни

Становление и развитие хоровой музыки в Китае в середине XX века: историко-культурный анализ

Статья представляет собой комплексное исследование исторических и культурных предпосылок формирования хоровой музыки в Китае в середине XX века. В работе анализируются ключевые факторы, определившие развитие национальной хоровой традиции: социально-политические изменения после образования КНР, реформы в системе музыкального образования, а также культурные взаимодействия с Западом, включая влияние христианских миссионеров и советской хоровой школы. Особое внимание уделяется роли жанра «школьной песни» как переходного звена между традиционной и современной музыкой, деятельности Ли Шутуна – одного из основоположников китайского хорового искусства, а также вкладу Левого музыкального движения в популяризацию массовой хоровой культуры. Отдельно рассматривается новаторство выдающихся композиторов – Не Эра и Сянь Синхая, чьи произведения сочетали европейские полифонические техники с китайскими мелодическими и ритмическими элементами. В заключении делается вывод о значении этого периода для становления уникального китайского хорового стиля, интегрировавшего национальные традиции в мировое музыкальное пространство.

Ключевые слова: хоровая музыка, Китай, школьная песня, музыкальное движение, музыкальное образование, национальный стиль, культурный синтез.

Гао Чуньюй

Лу Ин

Ван Луяо

Праздник весны в поэзии русской эмиграции в Китае

В первой половине XX века большое количество русских писателей-эмигрантов жило и писало в Китае. Китайский Новый год часто выражается в поэзии русской эмиграции в Китае. В этой статье рассматриваются китайский традиционный праздник-праздник Весны, стихи о традиционном китайском празднике «Лунный новый год», связь праздника с культурой. Стихотворения о китайском Новом годом, созданные русскими писателями-эмигрантами в Китае, отражают тогдашний Китай и соединяют нынешнюю Россию и Китай.

Ключевые слова: русские писатели-эмигранты, стихи, Лунный новый год, Китай.

Ташлыкова Н.Ю.

Садриева А.Н.

Кошкова С.Я.

Юсупова А.Ю.

Культурное наследие России и проблемы его сохранения

В данной статье поднимается очень актуальный на сегодняшний день вопрос государ-

ственной политики — проблема сохранения культурного наследия. Опираясь на нормативные документы и на международный подход к сохранению культурного наследия, авторы статьи исследуют теоретико-методические и практические аспекты изучения, сохранения и реставрации объектов культурного наследия в Российской Федерации с учетом современных вызовов и возможностей. В статье поднимается круг вопросов, нерешенность которых в течение ближайшего времени грозит физической потерей большого количества абсолютно уникальных памятников старины, которые в своей совокупности закладывают фундамент для механизма формирования исторической памяти будущих поколений. Особое внимание в статье уделяется современным методам сохранения культурного наследия, среди которых особую значимость имеют цифровые технологии и технологии искусственного интеллекта, открывающие новые возможности для решения реставрационных и восстановительных проблем объектов культурного наследия.

Ключевые слова: культурное наследие, сохранение культурного наследия, национальное достояние, культурная политика, цифровые технологии, искусственный интеллект.

Таннуэр Сыдикэ

Назначение народных сказок о сыновней почтительности в различных этнических группах в районе Синьцзянь

Назначение народных сказок о сыновней почтительности среди различных этнических групп в Синьцзянь, способствует налаживанию семейных отношений, социализации в обществе и национальной идентичности, пробуждает патриотические чувства во всех изученных этнических группах посредством ненавязчивого влияния. Народные сказки о сыновней почтительности среди различных этнических групп в Синьцзяне наряду с образовательной функцией несут задачу преобразования реальности, то есть они эффективны как в воспитании характера, так и в повышении патриотического сознания. Кроме того, они положительно влияют на формирование хорошей семьи и создание атмосферы солидарности.

В статье изучен функционал народных сказок о сыновней почтительности среди различных этнических групп в Синьцзянь и сделаны соответствующие выводы. Помимо этого, в статье показаны общие черты китайской культуры, отраженные в сказках, а также показана необходимость и важность распространения народных сказок о сыновней почтительности среди различных этнических групп Синьцзяня. На фоне построения социалистического общества выявление факторов сыновней почтительности в народных сказках этнических групп Синьцзяня имеет большое значение для совершенствования социалистических моральных качеств и построения гармоничных межличностных отношений.

Ключевые слова: народные сказки о сыновней почтительности, этнические группы, автономный район Синьцзянь, задачи образования, функция преобразования реальности.

Ульянов Г.К.

Эволюция роли исполнителя и музыкального продюсера в контексте электронной музыки

Статья посвящена трансформации роли исполнителя и музыкального продюсера в контексте развития электронной музыки. Анализируются исторические этапы становления электронной музыки, рассматриваются ключевые инструменты и технологии (синтезаторы Moog и Buchla, MIDI, секвенсоры). Показано, как развитие вычислительной мощности компьютеров и программных средств изменило ландшафт музыкального производства и размывает традиционные границы между созданием, исполнением и продюсированием.

Ключевые слова: электронная музыка, живое исполнение, музыкальный продюсер, MIDI, синтезатор Moog, синтезатор Buchla, musique concrète, цифровые технологии, семплирование, live electronics, трансформация ролей в музыке, исполнитель в электронной музыке, цифровой звук, звуковой дизайн.

Кармалеев Р.А.

Федорчукова Л.А.

Федорчукова Т.А.

Технологии репрезентации исторических событий Великой Отечественной войны на примере контента англоязычных сайтов военных музеев

Во «Введении» формулируются объект, предмет, цель, определяется методология исследования. «Теоретическая часть» содержит обзор научной литературы, в которой заявленная тема освещается с позиций разных областей гуманитарного знания. В статье предлагается авторский перевод аутентичных англоязычных текстов, представленных на сайтах военных музеев Великобритании, США и Канады. Последовательный анализ контента данных ресурсов позволяет выявить основные отличия в сфере репрезентации событий ВОВ странами Запада и России. Указывается, на то что несмотря на отсутствие прямой фальсификации исторических событий в зарубежных странах, наблюдаются факты обесценивания, нивелирования и замалчивания роли и достижений СССР во Второй мировой войне. Данные приемы создают благодатную почву для мифотворчества, способствуют порождению пропаганды в ее самых негативных проявлениях. В «Заключении» подводятся итоги исследования, отмечается необходимость сохранения исторической памяти, популяризации культурных и мемориальных практик в России.

Ключевые слова: историческая память, мемориальные практики, культурные практики, обесценивание, нивелирование, замалчивание.

Фидарова К.К.

Калабекова С.В.

Бережнова О.В.

Трансформация принципов толерантности в контексте «общества риска»

В статье исследуется актуальная проблема деформации толерантности в условиях современного общества, которое автор рассматривает как «общество риска». Актуальность данной темы обусловлена, с одной стороны, существенными изменениями в интерпретации категории «толерантность» в различных социальных науках и общественном сознании в целом, многообразие которых в настоящее время приводит к необходимости целостного осмысления данного феномена и создания комплексной концепции толерантности. С другой стороны, автор обращается к проблеме рисков, справедливо отмечая, что они сопровождают сегодня практически любую деятельность и даже бездействие. Дальнейшее развитие основных идей данного исследования позволит более полно осмыслить процессы мультипликации рисков и размывания границ и функций различных социальных институтов, являющиеся магистральными в современном обществе, и прийти к конкретным практическим решениям в области философского осмысления толерантности и рисков.

Ключевые слова: толерантность, «общество риска», деформация, трансформация, гражданское общество.

Рябова Е.Л.

Терновая Л.О.

Застолье как арена мировой политики: этика знаменитых банкетов

Статья исследует роль банкетов как инструмента мировой политики и дипломатии, раскрывая их этические, культурные и социальные аспекты. На примере знаменитых исторических событий, таких как «Каштановый банкет» Борджиа, пир «Поле золотой парчи» и современные мероприятия, например, Нобелевский банкет. Авторы демонстрируют, как застолье становилось площадкой для решения политических вопросов, презентации власти и возможностей культурного обмена. Особое внимание уделяется этическим дилеммам банкетов. Статья также рассматривает современные тренды, такие как устойчивость, подчеркивая

эволюцию банкетной дипломатии в глобализованном мире.

Ключевые слова: культурный обмен, этика, исторические события, дипломатия, протокол, банкет, устойчивость.

Каранетян Т.Ш.

Государственная информационная политика и медиаресурсы: стратегическое взаимодействие в целях защиты национальных интересов

В статье рассматривается государственная информационная политика как важнейший элемент системы обеспечения национальной безопасности. Особое внимание уделяется взаимодействию государственных институтов с медиаресурсами в целях защиты стратегических интересов страны. Анализируются современные вызовы в информационной сфере, а также механизмы формирования единого информационного пространства, устойчивого к внешнему влиянию и деструктивным воздействиям. Обосновывается необходимость синергии между государством и медиасообществом в условиях цифровизации и гибридных угроз.

Ключевые слова: цифровые медиа, коммуникационные риски, информационная безопасность, национальная безопасность, информация, государственная информационная политика.

Терновая Л.О.

Чапкин Н.С.

Международные отношения в эпоху искусственного интеллекта: новые вызовы, риски и возможности

В статье рассматривается влияние искусственного интеллекта (ИИ) на современные международные отношения в условиях стремительной технологической революции. Анализируются ключевые вызовы, риски и возможности, возникающие в результате интеграции ИИ в политические, экономические и военные процессы на глобальном уровне. Особое внимание уделяется трансформации дипломатии, переходу к цифровым форматам коммуникации и управлению, а также формированию новых моделей стратегического взаимодействия государств. Освещаются вопросы гонки вооружений в области военного ИИ, кибербезопасности, глобального неравенства в доступе к технологиям, трансформации трудовых рынков и усиления пропаганды с использованием ИИ. Рассматриваются международные инициативы по регулированию развития ИИ, включая деятельность ООН, G7, ОЭСР и национальные стратегии, а также перспективы выработки этических норм и стандартов. Делается вывод о необходимости инклюзивного и дальновидного международного диалога для эффективного управления рисками и раскрытия позитивного потенциала ИИ в решении глобальных проблем человечества.

Ключевые слова: искусственный интеллект, международные отношения, цифровая дипломатия, кибербезопасность, гонка вооружений, глобальное неравенство, международное регулирование, этические стандарты, стратегическое управление, цифровая трансформация.

Терехова А.С.

Кураторство и экспозиция NFT: новые подходы к цифровым художественным галереям

Цифровое искусство, представленное в форме невзаимозаменяемых токенов (NFT), трансформирует традиционные подходы к кураторской практике и экспозиционной деятельности. Данное исследование анализирует эволюцию кураторских методологий в контексте развития NFT-галерей, гибридных пространств и метавселенных. На основе комплексного анализа 87 цифровых выставочных платформ, 124 интервью с кураторами и художниками, а также 1,340 цифровых арт-проектов, представленных в период 2019-2023

гг., выявлены и систематизированы ключевые тенденции трансформации кураторской работы. Разработана многомерная модель цифрового кураторства, включающая технологические, эстетические, этические и экономические компоненты. Результаты исследования демонстрируют значительную корреляцию между инновационными кураторскими подходами и показателями вовлеченности аудитории ($r=0.76$, $p<0.001$), а также выявляют влияние интерактивных экспозиционных технологий на восприятие цифрового искусства ($F=18.42$, $p<0.01$). Установлены четыре основных паттерна взаимодействия между традиционными и цифровыми кураторскими практиками, определяющие формирование новой эстетики цифровых выставочных пространств. Предложена концептуальная основа для разработки этических принципов кураторства NFT, учитывающая вопросы авторства, аутентичности и доступности. Исследование вносит существенный вклад в теоретическое осмысление цифрового кураторства и предлагает практические рекомендации для создания эффективных экспозиционных стратегий в условиях конвергенции физических и виртуальных выставочных пространств.

Ключевые слова: цифровое кураторство, NFT-искусство, виртуальные галереи, блокчейн-технологии в искусстве, экспозиционная практика, метавселенные, цифровая эстетика.

Караетян Т.Ш.

СМИ и их влияние на национальную безопасность России

В статье рассматривается роль средств массовой информации (СМИ) в обеспечении национальной безопасности России в условиях трансформации глобального информационного пространства. Анализируются современные теоретические подходы, включая концепции информационных войн, гипотезу враждебных медиа и стратегию «брендспойта лжи». Освещаются механизмы дезинформации, воздействие автоматизированных аккаунтов и снижение уровня доверия к государственным и традиционным медиаресурсам. Эмпирические данные, включая статистику ВЦИОМ, ФОМ и международных аналитических центров, подтверждают актуальность описанных феноменов. Автор подчеркивает необходимость комплексной государственной стратегии, основанной на развитии медиаграмотности, институциональной прозрачности и межведомственного сотрудничества. Работа актуализирует задачу укрепления информационного суверенитета и устойчивости российского общества перед лицом информационных угроз.

Ключевые слова: национальная безопасность, средства массовой информации, дезинформация, медиаграмотность, информационные войны, доверие к СМИ.

Abstracts

Petrova S.I.

Petrov I.F.

The Philosophy of Existential Relativism

Existential relativism emphasizes the uniqueness and individuality of each person's inner world. Our values, beliefs, emotions, and life experiences shape the specific lens through which we perceive the world. The meaning of life and human purpose are not determined by external forces or circumstances, but rather by the individual's own choices and active engagement. The article shows that existential relativism focuses on the specific human existence in all its tragedy and contradictions, denying the possibility of rational comprehension of truth and the creation of universal ethical and worldview systems. According to existential relativism, human existence is seen as a process of constant becoming and transformation. Each individual must find their own path to truth through their own existential experiences, which cannot be passed on to others in a ready-made form. Thus, existential relativism does not offer a system of ready-made answers, but rather a specific intellectual attitude of paying close attention to the unique challenges of human existence. He encourages everyone to follow their own path of self-discovery, without relying on authority, and to find their own mode of existence in this indifferent world.

Key words: philosophy, existentialism, relativism, human, meaning, values, truth.

Guo Qing

Zhao Qianqian

Historical and cultural aspects of Russia's influence on Chinese musical culture

Subject and object of research. The relevance of the research lies in the fact that in the 20th century musical art moved to a new stage in the development of the cultural paradigm and at the present stage is characterized by a tendency towards polystylistics and the expansion of musical practice to the entire cultural tradition. In this regard, the authors pay special attention to such scientific problems as dialogic and polystylistic in Chinese musical culture, which are steadily increasing in interest in the publications of modern musicologists. The subject of the study is the phenomena of Chinese musical culture of the 20th and 21st centuries. The object of the research is the cultural interaction of Russian and Chinese musical traditions. The authors show that modern musicology is following the path of mastering the already accumulated scientific experience in related fields of humanitarian knowledge and is trying to develop its own methods of text research. Special attention is paid to intertextuality in music, which is realized as a condition and way of existence of a musical work in a semiotic cultural environment, taking into account individual techniques of intertextual interaction, which results in a dialogue of distinctive cultural concepts.

Materials and methods. The development of the theory of intertextuality in modern musicology is considered by the authors of the article on the basis of the Chinese-Russian cultural dialogue in this field. The culturological approach is the leading one in the work. The authors also use integrative, intertextual approaches, and the method of cultural dialogue.

Scientific novelty and conclusions. The authors postulate that there was no «pure authorship» in the traditional culture of China with its centuries-old history, which was determined by philosophical principles and approaches to creativity, including in line with Confucianism, when the main goal was not to create a new work, but to rethink the existing one, its interpretation and harmonious development. In this understanding, the «author» was considered not as a creator, but as a «teacher» and «mentor.» This determines the novelty of the study. The main conclusion of the study is to prove that the main stages of the development of modern Chinese musical art («apprenticeship», national development, modernization, followed by entry into the world cultural space) led to the creation of an original national compositional style, largely influenced by the Russian (Soviet) teaching staff, who focused on changing traditional approaches. Creativity, as well as the perception of national

and world traditions in musical culture without loss of national identity.

Key words: musical art, cultural interactions, intertextuality, polystylistics, Russian musical tradition.

Goncharenko A.N.

The influence of the ideas of the musical avant-garde of the twentieth century on modern popular music

In this article, the author examines the influence of creative ideas proposed by representatives of the musical avant-garde of the first half and mid-twentieth century on modern popular music and music technologies. These ideas were associated both with the achievements of technical progress in the field of sound recording and sound amplification, and with the formation of a new composer's thinking, radically different from the traditional academic approach to writing music.

Key words: musical avant-garde, concrete music, furniture music, art of noise, electronic music.

Ferzba G.O.

Classical crossover as a phenomenon of modern musical culture: from its origins to the present day

The article is devoted to the phenomenon of classical crossover and its role in modern musical art. The semantic meaning and interpretation of the conceptual and terminological apparatus are considered in order to identify the structure of the subject area: the form and content of works, methods and techniques of their creation, evaluation criteria corresponding to the generally accepted rules of the theory of musical cognition.

The article examines the origins of the classical crossover in the context of the development of the music industry in the second half of the last century. An understanding of the formation of the classical crossover is proposed from the point of view of the principles of postmodernism, which promotes stylistic diffusion, mosaic, allusion and reinterpretation of cultural heritage.

The main trends in the existence of a classical crossover in the modern socio-cultural space are revealed. The facts of the interaction of elite and mass art in order to popularize opera works to the masses are presented.

Key words: classical crossover, classical crossover, musical art, Mario Lanza, phenomenon, style, direction, mass culture, popularization, postmodernism.

Mefodeva M.A.

Sadrieva A.N.

Malish M.A.

Problems of preserving world cultural heritage

The article highlights the problems of preserving world cultural heritage. The relevance of the study is determined by the processes of digital globalization of the world cultural space, the emergence of digital methods of presentation and transmission of cultural and historical objects, as well as global political challenges, the growth of military-political conflicts, natural disasters that threaten the preservation of cultural monuments. Based on the analysis of the concepts of «culture», «cultural values», «cultural heritage», it was established that cultural heritage reflects a set of objects of material and intangible culture, characterized by value significance for future generations. The causes of the destruction of material cultural objects, the legal basis for the protection, preservation and popularization of world cultural heritage are analyzed. It is concluded that in the modern digital world, the world cultural heritage is being transformed into a virtual-digital environment, a new virtual space of world culture is being formed, new digital methods of preserving, presenting and broadcasting objects of material and intangible world cultural heritage are appearing.

Key words: culture, cultural values, world cultural heritage, archaeological sites, intangible cultural objects, digital cultural heritage.

Lo Ni**The formation and development of choral music in China in the middle of the 20th century: historical and cultural analysis**

The article is a comprehensive study of the historical and cultural prerequisites for the formation of choral music in China in the middle of the 20th century. The paper analyzes the key factors that determined the development of the national choral tradition: socio-political changes after the formation of the PRC, reforms in the music education system, as well as cultural interactions with the West, including the influence of Christian missionaries and the Soviet choral school. Special attention is paid to the role of the «school song» genre as a transitional link between traditional and modern music, the activities of Li Shutong, one of the founders of Chinese choral art, as well as the contribution of the Left-wing Musical Movement to the popularization of mass choral culture. The innovation of the outstanding composers Nie Er and Xian Xinghai, whose works combined European polyphonic techniques with Chinese melodic and rhythmic elements, is considered separately. In conclusion, it is concluded that this period was important for the formation of a unique Chinese choral style that integrated national traditions into the world musical space.

Key words: choral music, China, school song, musical movement, musical education, national style, cultural synthesis.

Gao ChunyuLu YingWang Luyao**The Spring Festival in the Poetry of Russian Emigrants in China**

In the first half of the 20th century, a large number of Russian émigré writers lived and wrote in China. The Chinese New Year is often expressed in the poetry of Russian émigrés in China. This article discusses the traditional Chinese festival of Spring Festival, poems about the traditional Chinese festival of Lunar New Year, and the connection between the festival and culture. Poems about Chinese New Year written by Russian émigré writers in China reflect China at that time and connect present-day Russia and China.

Key words: Russian emigrant writers, poetry, Lunar New Year, China.

Tashlykova N.Y.Sadrieva A.N.Saniyat Y.K.Yusupova A.Y.**Cultural heritage of Russia and problems of its preservation**

This article raises a very topical issue of public policy nowadays - the problem of cultural heritage preservation. Relying on normative documents and on the international approach to the preservation of cultural heritage, the authors of the article investigate theoretical, methodological and practical aspects of the study, preservation and restoration of cultural heritage objects in the Russian Federation taking into account today's challenges and opportunities. The article raises a range of issues, the unresolved of which in the near future threatens the physical loss of a large number of absolutely unique monuments of antiquity, which together lay the foundation for the mechanism of formation of historical memory of future generations. Special attention in the article is paid to modern methods of preservation of cultural heritage, among which digital technologies and artificial intelligence technologies are of special importance, opening new opportunities for solving restoration and rehabilitation problems of cultural heritage objects.

Key words: cultural heritage, cultural heritage preservation, national heritage, cultural policy, digital technologies, artificial intelligence.

Tanguer Sidike**The function of folk filial piety tale among various ethnic groups in Xinjiang**

The folk filial piety tale among various ethnic groups in Xinjiang promote family harmony, social harmony, and national identity and patriotic feelings of all ethnic groups through subtle influence. The folk filial piety tale among various ethnic groups in Xinjiang have the functions of education and transformation of reality, i.e., they are effective in improving character cultivation and enhancing patriotic consciousness, and they also have an important positive influence on the formation of a good family and social atmosphere of close solidarity.

By studying the functions of folk filial piety tale among various ethnic Groups in Xinjiang and the corresponding conclusions, this paper can see the common features of Chinese culture presented by them, as well as the necessity and importance of spreading the Folk Filial Piety Tale among Various Ethnic Groups in Xinjiang. Under the background of building a socialist society, excavating the filial piety factors in the folk tales of Xinjiang ethnic groups is of great significance for perfecting socialist moral qualities and building harmonious interpersonal relationships.

Key words: folk filial piety tale, ethnic groups in Xinjiang, educational function, function of transforming reality.

Ulianov G.K.**The evolution of the role of the performer and music producer in the context of electronic music**

The article is devoted to the transformation of the role of the performer and music producer in the context of electronic music. The historical stages of the formation of electronic music and key instruments and technologies (Moog and Buchla synthesizers, MIDI, sequencers) are considered. It is shown how the development of computing power and software has changed the landscape of music production and blurs the traditional boundaries between creation, performance and production.

Key words: electronic music, live performance, music producer, MIDI, Moog synthesizer, Buchla synthesizer, musique concrète, digital technology, sampling, live electronics, transformation of roles in music, performer in electronic music, digital sound, sound design.

Karmaleev R.A.**Fedorchukova L.A.****Fedorchukova T.A.****Technologies for representing historical events of the Great Patriotic War using the example of the content of English-language websites of military museums**

In the introduction of the object, the subject, the purpose of the work and the research methodology are formulated. The theoretical part contains a review of scientific literature in which the stated topic is covered from the perspective of various fields of humanitarian knowledge. The article offers an author's translation of authentic English-language texts presented on the websites of military museums in the UK, the USA and Canada. A consistent analysis of the content of these resources makes it possible to identify the main differences in the representation of the events of the Second World War by Western countries and Russia. It is pointed out that despite the absence of direct falsification of historical events in foreign countries, there are facts of devaluation, leveling and concealment of the role and achievements of the USSR in the Second World War. These techniques create fertile ground for myth-making and propaganda in its most negative forms. The conclusion summarizes the results of the study. The necessity to preserve historical memory, popularize cultural and memorial practices in Russia is noted.

Key words: historical memory, memorial practices, cultural practices, depreciation, leveling, concealment.

Fidarova K.K.

Kalabekova S.V.

Berezhnova O.V.

Transformation of the principles of tolerance in the context of a «risk society»

The article examines the actual problem of tolerance deformation in modern society, which the author considers as a «risk society». The relevance of this topic is due, on the one hand, to significant changes in the interpretation of the category «tolerance» in various social sciences and public consciousness in general, the diversity of which currently leads to the need for a holistic understanding of this phenomenon and the creation of a comprehensive concept of tolerance. On the other hand, the author addresses the issue of risks, rightly noting that they accompany almost any activity and even inaction today. Further development of the main ideas of this study will make it possible to more fully comprehend the processes of risk multiplication and blurring the boundaries and functions of various social institutions that are fundamental in modern society, and to come to concrete practical solutions in the field of philosophical understanding of tolerance and risks.

Key words: tolerance, «risk society», deformation, transformation, civil society.

Ryabova E.L.

Ternovaya L.O.

The banquet as an arena of world politics: the ethics of famous banquets

The article explores the role of banquets as an instrument of world politics and diplomacy, revealing their ethical, cultural and social aspects. Using examples of famous historical events such as the Borgias' Chestnut Banquet, the Field of the Cloth of Gold and modern events such as the Nobel Banquet, the authors demonstrate how banquets became a platform for resolving political issues, presenting power and opportunities for cultural exchange. Particular attention is paid to the ethical dilemmas of banquets. The article also considers modern trends such as sustainability, emphasizing the evolution of banquet diplomacy in a globalized world.

Key words: cultural exchange, ethics, historical events, diplomacy, protocol, banquet, sustainability.

Karapetyan T.Sh.

State information policy and media resources: strategic cooperation in order to protect national interests

The article considers the state information policy as the most important element of the national security system. Special attention is paid to the interaction of state institutions with media resources in order to protect the strategic interests of the country. The article analyzes modern challenges in the information sphere, as well as mechanisms for the formation of a unified information space that is resistant to external influence and destructive influences. The necessity of synergy between the state and the media community in the context of digitalization and hybrid threats is substantiated.

Key words: digital media, communication risks, information security, national security, information, state information policy.

Ternovaya L.O.

Chapkin N.S.

International relations in the age of artificial intelligence: new challenges, risks, and opportunities

The article examines the impact of artificial intelligence (AI) on modern international relations in the context of a rapid technological revolution. It analyzes the key challenges, risks, and opportunities arising from the integration of AI into political, economic, and military processes at the global level. Particular attention is paid to the transformation of diplomacy, the transition to digital formats of communication and governance, as well as the formation of new models of strategic interaction

between states. The issues of the arms race in the field of military AI, cybersecurity, global inequality in access to technology, the transformation of labor markets, and the strengthening of propaganda using AI are covered. International initiatives to regulate the development of AI, including the activities of the UN, G7, OECD, and national strategies, as well as prospects for the development of ethical norms and standards are considered. A conclusion is made about the need for an inclusive and far-sighted international dialogue to effectively manage risks and unlock the positive potential of AI in solving global problems of humanity.

Key words: artificial intelligence, international relations, digital diplomacy, cybersecurity, arms race, global inequality, international regulation, ethical standards, strategic management, digital transformation.

Terekhova A.S.

Curating and Exhibiting NFTs: new approaches to digital art galleries

Digital art presented in the form of non-fungible tokens (NFTs) is transforming traditional approaches to curatorial practice and exhibition activities. This study analyzes the evolution of curatorial methodologies in the context of the development of NFT galleries, hybrid spaces, and metaverses. Based on a comprehensive analysis of 87 digital exhibition platforms, 124 interviews with curators and artists, and 1,340 digital art projects presented in the period 2019-2023, key trends in the transformation of curatorial work are identified and systematized. A multidimensional model of digital curating has been developed, including technological, aesthetic, ethical, and economic components. The results of the study demonstrate a significant correlation between innovative curatorial approaches and audience engagement indicators ($r=0.76$, $p<0.001$), and also reveal the influence of interactive exhibition technologies on the perception of digital art ($F=18.42$, $p<0.01$). Four main patterns of interaction between traditional and digital curatorial practices are established, determining the formation of a new aesthetics of digital exhibition spaces. A conceptual framework for the development of ethical principles of NFT curating is proposed, taking into account issues of authorship, authenticity and accessibility. The study makes a significant contribution to the theoretical understanding of digital curating and offers practical recommendations for creating effective exhibition strategies in the context of the convergence of physical and virtual exhibition spaces.

Key words: digital curating, NFT art, virtual galleries, blockchain technologies in art, exhibition practice, metaverses, digital aesthetics.

Karapetyan T.Sh.

Mass media and their impact on Russia's National Security

The article examines the role of the mass media in ensuring Russia's national security in the context of the transformation of the global information space. Modern theoretical approaches are analyzed, including the concepts of information warfare, the hostile media hypothesis, and the «water cannon of lies» strategy. It highlights the mechanisms of disinformation, the impact of automated accounts, and the decline in trust in government and traditional media resources. Empirical data, including statistics from VTsIOM, FOM and international analytical centers, confirm the relevance of the described phenomena. The author emphasizes the need for a comprehensive government strategy based on the development of media literacy, institutional transparency and interagency cooperation. The work actualizes the task of strengthening the information sovereignty and sustainability of Russian society in the face of information threats.

Key words: national security, mass media, disinformation, media literacy, information warfare, trust in the media.

Авторы

Бережнова О.В. - кандидат педагогических наук, доцент, заведующий кафедрой начального и дошкольного образования Ставропольского государственного педагогического института (Филиал СГПИ в г. Железноводске).

Ван Луяо - магистрант. Цицикарский университет, КНР.

Гао Чуньюй - профессор. Цицикарский университет, КНР.

Гончаренко А.Н. - аспирант, факультет искусств. Старший преподаватель кафедры музыкальной звукорежиссуры. Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов.

Го Цин - аспирант, факультет искусств. Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова.

Калабекова С.В. - кандидат философских наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования Северо-Кавказской государственной академии.

Карапетян Т.Ш. - аспирант. Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Кармалеев Р.А. - старший преподаватель кафедры тактики и боевой работы, подполковник. Саратовское высшее артиллерийское командное училище, г. Саратов. ORCID: 0009-0007-1646-6517

Кошокова С.Я. - кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и политологии. Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина.

Ло Ни - аспирант. Российский Государственный Педагогический Университет имени А.И. Герцена.

Лу Ин - магистрант. Цицикарский университет, КНР.

Малиш М.А. - кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и политологии. Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина.

Методьева М.А. - кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных языков в сфере международных отношений ИМОИиВ, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань.

Петров И.Ф. - доктор философских наук, профессор кафедры педагогики и межкультурных коммуникаций, НАН ЧОУ ВО «Академия маркетинга и социально-информационных технологий».

Петрова С.И. - кандидат культурологии, доцент кафедры педагогики и межкультурных коммуникаций, НАН ЧОУ ВО «Академия маркетинга и социально-информационных технологий».

Рябова Е.Л. - доктор политических наук, главный редактор журнала «Этносоциум и межнациональная культура».

Садриева А.Н. - кандидат культурологии, доцент кафедры художественного образования. Нижнетагильский государственный социально-педагогический институт (филиал) федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования Уральский государственный педагогический университет.

Таннуэр Сыдикэ - Институт китайского языка и литературы Синьцзянского педагогического университета.

Ташлыкова Н.Ю. - кандидат философских наук, доцент. Российский государственный университет имени А.Н. Косыгина.

Терехова А.С. - Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Терновая Л.О. - доктор исторических наук, профессор, Московский автомобильно-дорожный государственный технический университет (МАДИ).

Ульянов Г.К. - старший преподаватель кафедры звукорежиссуры. Санкт-Петербургский Гуманитарный Университет Профсоюзов.

Федорчукова Л.А. - лаборант кафедры тактики и боевой работы. Саратовское высшее артиллерийское командное училище, г. Саратов. ORCID: 0000-0003-0507-9371

Федорчукова Т.А. - референт отдела делопроизводства правовой и кадровой работы. Министерство внутренней политики и общественных отношений Саратовской области, г. Саратов. ORCID: 0009-0007-3847-2379

Ферзба Г.О. - Институт современного искусства, Москва.

Фидарова К.К. - кандидат исторических наук, доцент кафедры общественного здоровья, здравоохранения и социально-экономических наук Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования Северо-Осетинской государственной медицинской академии Минздрава России.

Чапкин Н.С. - старший преподаватель. Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова». Базовая кафедра цифровой экономики института развития информационного общества.

Чжао Цяньцян - аспирант, факультет искусств. Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова.

Юсупова А.Ю. - кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных языков в сфере международных отношений ИМОИиВ. Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань.

Authors

Berezhnova O.V., Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Primary and Preschool Education of the Stavropol State Pedagogical Institute (Branch of the SSPI in Zheleznovodsk).

Chapkin N.S., Senior Lecturer. Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Russian Economic University named after G.V. Plekhanov”. Basic Department of Digital Economy of the Institute for the Development of the Information Society.

Fedorchukova L.A., Assistant of the Department of Tactics and Combat Work. Saratov Higher Artillery Command School, Saratov. ORCID: 0000-0003-0507-9371

Fedorchukova T.A., Assistant of Legal and Human Resources Records Office. Ministry of Internal Policy and Public Relations of the Saratov Region, Saratov. ORCID: 0009-0007-3847-2379

Ferzba G.O., Institute of Contemporary Art, Moscow.

Fidarova K.K., Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Public Health, Public Health and Socio-Economic Sciences of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education of the North Ossetian State Medical Academy Ministry of Health of Russia.

Gao Chunyu, Professor. Qiqihar University, China.

Goncharenko A.N., Postgraduate student, Faculty of Arts. Senior Lecturer, Department of Music Sound Engineering. Saint Petersburg Humanitarian University of Trade Unions.

Guo Qing, Postgraduate student, Faculty of Fine and Performing Arts. Lomonosov Moscow State University.

Kalabekova S.V., Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor of the Department of Humanities of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education of the North Caucasus State Academy.

Karapetyan T.Sh., Postgraduate student. Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

Karmaleev R.A., Senior Lecturer of the Department of Tactics and Combat Work, Lieutenant Colonel. Saratov Higher Artillery Command School, Saratov. ORCID: 0009-0007-1646-6517

Lo Ni, Postgraduate Student of A.I. Herzen Russian State Pedagogical University.

Lu Ying, Master’s student. Qiqihar University, China.

Malish M.A., Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of History and Political Science. Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin.

Mefodeva M.A., Associate professor, Department of Foreign Languages in International Relations, Institute of International Relations, History and Orien-

tal Studies Kazan (Volga region) Federal University.

Petrov I.F., Doctor of Philosophy, Professor of the Department of Pedagogy and Intercultural Communications at the Academy of Marketing and Social and Information Technologies.

Petrova S.I., Candidate of Cultural Studies, Associate Professor, Department of Pedagogy and Intercultural Communications at the Academy of Marketing and Social and Information Technologies.

Ryabova E.L., Doctor of Political Science, Editor-in-Chief of the journal "Ethnosociety and Interethnic Culture".

Sadrieva A.N., Candidate of Cultural Studies, Associate Professor of the Department of Art Education. Nizhny Tagil State Social and Pedagogical Institute (branch) of the Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education Ural State Pedagogical University.

Saniyat Y.K., Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of History and Political Science. Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin.

Tanguer Sidike, College of Chinese Language and Literature, Xinjiang Normal University, Urumqi, Xinjiang, China.

Tashlykova N.Y., Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor. A.N. Kosygin State University of Russia.

Terekhova A.S., Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

Ternovaya L.O., Doctor of Historical Sciences, Professor, Moscow Automobile and Highway State Technical University.

Ulianov G.K., Senior Lecturer, Sound Engineering Department, St. Petersburg University of the Humanities and Social Sciences.

Wang Luyao, Master's student. Qiqihar University, China.

Yusupova A.Y., Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Department of Foreign Languages in International Relations, Institute of International Relations, History and Oriental Studies. Kazan (Volga region) Federal University.

Zhao Qianqian, Postgraduate student, Faculty of Fine and Performing Arts. Lomonosov Moscow State University.